

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

2(14)'2016

Международный научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-56513 от 24.12.2013 г.
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-0740 (Print); 2311-0759 (Online) от 23.12.2013 г.
- Включен в каталог «Пресса России». Подписной индекс 70771
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>.
Телефон: (8452)21-06-24 (кафедра).
Факс: (8452) 21-06-44.
E-mail: Zhanry-Rechi@yandex.ru,
dementevvv@yandex.ru.

ISSN 2311-0740

© Саратовский государственный университет, 2016

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Россия, Москва)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Польша, Ополе)
В. Е. Гольдин, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Украина, Харьков)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Израиль, Хайфа)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Россия, Волгоград)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (США, Беркли)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Москва)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Литва, Каунас)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Беларусь, Витебск)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Финляндия, Хельсинки)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Беларусь, Минск)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Омск)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Австралия, Канберра)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Австрия, Вена)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Россия, Красноярск)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Новосибирск)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Казахстан, Павлодар)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (КНР, Пекин)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Россия, Великий Новгород)

Ответственный секретарь

Н. Г. Шаповалова, кандидат филол. наук, доцент (Россия, Саратов)

Editor-in-Chief

V. V. Dementyev, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Deputy Editor-in-Chief

L. V. Balashova, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Editorial Board:

V. M. Alpatov, Ph.D., Prof. (Russia, Moscow)

E. G. Elina, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Stanisław Gajda, Ph.D., Prof. (Poland, Opole)

V. E. Goldin, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

O. I. Goroshko, Ph.D., Prof. (Ukraine, Kharkov)

V. I. Karasik, Ph.D., Prof. (Russia, Volgograd)

Robin Lakoff, Ph.D., Prof. (USA, Berkeley)

T. V. Larina, Ph.D., Prof. (Russia, Moscow)

Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Lithuania, Kaunas)

V. A. Maslova, Ph.D., Prof. (Belarus, Vitebsk)

Mei Huang, Ph.D., Prof. (China, Beijing)

Arto Mustajoki, Ph.D., Prof. (Finland, Helsinki)

B. Y. Norman, Ph.D., Prof. (Belarus, Minsk)

N. V. Orlova, Ph.D., Prof. (Russia, Omsk)

Bert Peeters, Ph.D., Prof. (Australia, Canberra)

V. V. Prozorov, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Renate Rathmayr, Ph.D., Prof. (Austria, Vienna)

T. V. Shmelyova, Ph.D., Prof. (Russia, Velikiy Novgorod)

O. B. Sirotinina, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

A. P. Skovorodnikov, Ph.D., Prof. (Russia, Krasnoyarsk)

T. I. Steksova, Ph.D., Prof. (Russia, Novosibirsk)

Z. K. Temirgazina, Ph.D., Prof. (Kazakhstan, Pavlodar)

Maria Yelenevskaya, Ph.D., Prof. (Israel, Haifa)

Executive Secretary

N. G. Shapovalova, Ph.D., Assoc. Prof. (Russia, Saratov)

СОДЕРЖАНИЕ

О Международном журнале «Жанры речи»	8
--	---

Общие проблемы теории речевых жанров

В. В. Дементьев Саратов, Россия	Аксиологическая генристика: аспекты проблемы «оценка и жанр» ...9
Л. Р. Дускаева Санкт-Петербург, Россия	О жанровых текстовых категориях25

Переводы

С. Гайда Ополе, Польша	Национальный стиль как стилистическая категория (Перевод В. В. Дементьев).....33
----------------------------------	---

Исследования отдельных жанров

А. А. Юнаковская Омск, Россия	Повседневные городские жанры (на материале речи жителей г. Омска).....41
Е. И. Голованова Челябинск, Россия	Устный профессиональный диалог как комплексный речевой жанр49
В. И. Карасик Волгоград, Россия	Комиссив как поступок: лингвокультурные характеристики56
Б. Ю. Норман Минск, Беларусь	Полилог: речевая реальность и литературный прием.....67
А. В. Сидоренко Стерлитамак, Россия	Детская клятва в советскую эпоху: речежанровые характеристики72
Е. В. Маркасова, Тянь Вэньцзюань Пекин, КНР	Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект)79

Жанры в художественном творчестве

О. А. Леонтович, Л. В. Косинова, Н. Ю. Симоненко Волгоград, Россия	Лингвокультурная специфика китайских нарративных жанров.....87
--	--

Интернет-жанры

Т. Н. Колокольцева Волгоград, Россия	Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог).....96
В. А. Митягина, И. Г. Сидорова Волгоград, Россия	Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативные экспликации личности.....105
Н. Н. Панченко Волгоград, Россия	Жанровое своеобразие стеба в интернет-коммуникации116

Рецензии. Хроника

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

Что означает «вперед в изучении речевых жанров»? К выходу
посмертной книги избранных трудов К. Ф. Седова (1954–2011)
«Общая и антропоцентрическая лингвистика»123

Правила представления авторами рукописей в журнал «Жанры речи»..... .130

CONTENTS

About the International Journal «Speech Genres»8

General problems of the speech genres theory

V. V. Dementyev Axiological genristics: aspects of a problem «evaluation and genre»9
Saratov, Russia

L. R. Duskajeva About genre text categories 25
St. Petersburg, Russia

Translations

St. Gajda National style as a stylistic category
Opole, Poland (*Russian translation by V. V. Dementyev*) 33

Studies of individual genres

A. A. Yunakovskaja Everyday urban genres
Omsk, Russia (on the basis of speech of habitants
of the Omsk) 41

E. I. Golovanova Oral professional dialogue as a complex speech genre 49
Chelyabinsk, Russia

V. I. Karasik Comissive as a behavioral action: linguistic and cultural features 56
Volgograd, Russia

B. Yu. Norman Polylogue: speech reality and literary technique 67
Minsk, Belarus

A. V. Sidorenko Children's oath in the soviet era:
Sterlitamak, Russia speech genre characteristics 72

E. V. Markasova, Manipulative function of pronoun “we”
Tian Wantzuan in Russian and Chinese (the pragmatic aspect) 79
Peking, China

Genres in art

O. A. Leontovich, Linguocultural specifics of Chinese narrative genres 87
L. V. Kosinova,
N. Yu. Simonenko
Volgograd, Russia

Internet genres

T. N. Kolokoltseva Dialogism in the genres of internet communication
Volgograd, Russia (chat, forum, blog) 96

V. A. Mityagina, The genres of the personal internet discourse:
I. G. Sidorova communicative explications of a person 105
Volgograd, Russia

N. N. Panchenko Genre individuality of mockery in internet communication 116
Volgograd, Russia

Reviews. Chronicle

V. V. Dementyev
Saratov, Russia

What means “forward in the study of speech genres”? To the edition
of a posthumous book of selected works by K. F. Sedov (1954–2011)
“General and anthropocentric linguistics” 123

Manuscripts requiremen 130

О Международном журнале «Жанры речи»

В Саратовском национальном исследовательском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского с 2013 г. издается **Международный журнал «Жанры речи»**, посвященный проблеме речевых и коммуникативных жанров, актуальным направлениям изучения речевых жанров.

Главная задача журнала – по возможности представительно отражать общее состояние теории речевых жанров в России и мире, представлять наиболее актуальные направления изучения речевых жанров.

По замыслу редакционной коллегии журнала, много внимания будет уделяться как общетеоретическим проблемам жанроведения, так и конкретным речевым жанрам. В журнале будут печататься статьи по проблемам теории речевых жанров: типология жанров и жанровых форм, жанры в связи с языком, культурой, языковой картиной мира, языковой личностью, художественным творчеством, СМИ, сопоставительное изучение речевых жанров и др.

Журнал создан на базе получившего широкую известность в России и за рубежом серийного тематического **сборника научных статей «Жанры речи»** (Саратов; Москва, 1997–2012. Вып. 1–8).

Редколлегия сборника «Жанры речи» пыталась привлечь всех авторов, кто когда-либо высказывал содержательные и оригинальные соображения по жанровой организации речи.

В выпусках сборника был представлен целый ряд исследователей из разных научных центров России и зарубежья, и прежде всего – Саратова. В сборнике представлены также работы исследователей из таких научных центров России, как: Астрахань, Балашов, Белгород, Великий Новгород, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Москва, Нижний Тагил, Омск, Орел, Пенза, Пермь, Самара, Санкт-Петербург, Тверь, Уфа, Челябинск, Элиста, Ярославль; а также ближнего (Вильнюс, Киев, Львов, Минск, Симферополь, Харьков) и дальнего зарубежья (Базель, Беркли, Бохум, Канберра, Ополе, Хельсинки). В статьях, опубликованных в различных выпусках сборника, рассматриваются как общетеоретические проблемы жанроведения, так и конкретные речевые жанры.

В состав редколлегии в различные годы входили: В. Е. Гольдин (отв. ред. вып. 1–3), В. М. Алпатов, Л. В. Балашова, В. В. Де-

ментьев (отв. секретарь вып. 1–3, отв. ред. вып. 4–8), В. И. Карасик, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротина, Н. Б. Рогачёва / Степанова (отв. секретарь вып. 5–7), М. Ю. Федосюк, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелёва.

С 1997 г. вышло 8 выпусков «Жанров речи», посвященных таким проблемам, как «жанр и концепт», «жанр и культура», «жанр и язык», «жанр и языковая личность», «жанр и творчество» (последний посвящен памяти проф. К. Ф. Седова (1954–2011)).

Преемственность журнала «Жанры речи» по отношению к сборнику редколлегия подчеркивает сохранением нумерации: первый номер журнала является одновременно девятым выпуском сборника.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся жанроведческой проблематикой. Поскольку журнал выходит два раза в год, мы ждем от потенциальных авторов статьи **до 15 мая и 15 ноября** каждого года.

Издатель и редакционная коллегия журнала «Жанры речи» в равной степени несут ответственность за издание журнала. Издатель имеет право нанимать и увольнять редакторов и принимать важные коммерческие решения, которые требуют активного участия со стороны редактора. Редакционная коллегия обращает внимание на то, соответствуют ли определенные исследования этическим нормам и может ли их публикация нанести вред читателям или интересам самого журнала, и несет полную ответственность за определение редакционного содержания журнала. Редакционная коллегия также побуждает рецензентов к проведению тщательных проверок рукописей на оригинальность и любой тип потенциальных нарушений научной этики.

Контакты. Почтовый адрес журнала «Жанры речи»: 410012, Институт филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики (ком. 207), главному редактору Дементьеву Вадиму Викторовичу или ответственному секретарю Шаповаловой Надежде Геннадиевне.

Телефон: (8452) 21-06-24 (кафедра)

Факс: (8452) 21-06-44

E-mail: Zhanry-Rechi@yandex.ru,
dementevvv@yandex.ru.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24

В. В. Дементьев
Саратов, РоссияV. V. Demytyev
Saratov, RussiaАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕНРИСТИКА:
АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ «ОЦЕНКА И ЖАНР»AXIOLOGICAL GENRISTICS: ASPECTS OF
A PROBLEM "EVALUATION AND GENRE"

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее важных и очевидных аспектов речевых жанров – отношению РЖ и оценки. Данная проблема актуальна не только для ТРЖ, но и для лингвистики в целом, хотя пока далека от своего решения.

Обсуждается ключевое для данной проблемы понятие «форма оценки» – разновидность жанровых норм, обуславливающих, с одной стороны, прагматическое, стилистическое, лингвистическое моделирование оценочных действий, с другой – различия между смежными оценочными жанрами. Речежанровые оценки разных типов обуславливают разные типы речевых жанров, отсюда – возможность новых речежанровых классификаций. Обсуждаются классификации, в которых оценка «накладывается» на другие основания классификаций: бахтинские членения типов РЖ (первичные и вторичные РЖ, типы РЖ, различающиеся по степени жесткости); «анкета РЖ» Т. В. Шмелевой; классификация фатических речевых жанров.

Рассматривается оценка в разных околожанровых феноменах речевой системности (оценочное действие, оценочное высказывание, речевой жанр, вариант речевого жанра, коммуникативная тональность, коммуникативный / лингвокультурный типаж).

Речежанровая оценка обсуждается в связи с общими внутрикультурными ценностями.

Ключевые слова: речевой жанр, оценка, форма оценки, классификация, тональность.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the most important and obvious aspects of speech genres – relation of speech genres and evaluation. This issue is important not only for the theory of speech genres, but also for linguistics in general, although it is far from being solved.

We discuss the key concept of this problem – “form of evaluation” – a kind of genre norms that determine, on the one hand, the pragmatic, stylistic, linguistic modeling of evaluative actions, on the other – the differences between adjacent evaluative genres.

Speech genre evaluations of different types determine different types of speech genres, thus – the possibility of new speech genre classifications. We discuss the classification in which evaluation is “superimposed” on other fundamental principles of classifications: M. Bakhtin’s division of types of speech genres (primary and secondary speech genres, types of speech genres varying in rigidity); “Speech genre schedule” by T. V. Shmeleva; classification of phatic speech genres.

Evaluation is shown in different near speech genre phenomena (evaluative acting, evaluative utterance, a variant of evaluative speech genre, communicative tonality, communicative / linguocultural character type).

Speech genre evaluation is discussed in connection with the general intra-culture values.

Key words: speech genre, evaluation, form of evaluation, classification, tonality.

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Введение

Статья посвящена одному из наиболее важных и очевидных аспектов речевых жанров – отношению РЖ и оценки.

Данная проблема актуальна не только для ТРЖ, но и для лингвистики в целом,

где она является частью общего изучения языковой оценки [1–22]. Конечно, это далеко не все работы по языковой оценке. И степень разработанности проблемы языковой оценки в целом на порядок-два больше, чем проблемы «жанр и оценка» в рамках ТРЖ.

Исследования показали, что в языковой оценке важным является человеческий фактор, прежде всего – ситуация оценочного высказывания, компоненты которой (субъект оценки, предмет оценки, основание оценки и др.) обеспечивают сложное, во многом противоречивое семантическое наполнение языковой и речевой оценки (оценочной модальности) [2 : 76; 10 : 148; 16 : 391].

Однако в лингвистических работах по оценке очень мало рассмотрен речезанровый аспект, хотя он охватывает безусловно значимые механизмы концептуализации, стереотипизации и конвенционализации языковых и речевых единиц (если главная форма существования оценки – оценочное высказывание, а главная форма существования высказывания – жанр, то должны существовать стандартные жанровые формы оценочных высказываний).

В ТРЖ актуальность данной проблемы обусловлена, прежде всего, значимостью оценки для речевого жанра. Оценка присутствует в таких важнейших аспектах РЖ, как информация, передаваемая в рамках РЖ, представление предмета речи («тема РЖ» по Бахтину – содержательная позиция говорящего относительно предмета речи [23 : 187–197]), статусные и межличностные отношения, складывающиеся между участниками общения в рамках того или иного РЖ, а также «жанровое мышление» (в работах по когнитивной генрике доказано, что разные жанры представляют разные, но в большинстве также оценочные образы мира [24 ; 25]). Оценка прямо связана с «лексикой жанра», т.е. семантикой лексем, именующих жанры, компоненты жанров и околожанровые явления: среди данных лексем много оценочных, а у большинства нейтральных есть оценочные синонимы [26 : 351 ; 27 : 370–390 ; 4 : 49–58 ; 28]. Эти аспекты отсылают нас к другой бахтинской составляющей «речезанрового триединства» – «стилю РЖ» (напомним, содержание термина *стиль* у Бахтина, как и терминов *тема*, *композиция*, далеки от общепринятых в лингвистике, стилистике и т.д.).

В рамках ТРЖ было довольно много работ, посвященных различным аспектам речезанровой оценки, начиная с М. М. Бахтина. Оценки разных типов, оценочное измерение речи в целом пересекаются с основаниями целого ряда **типологий** РЖ (или даже сами являются такими основаниями), выделяемых там типов (см., прежде всего, [29]), например, оценка связана с

фатическими РЖ, одной из основных типологических характеристик которых является формирование, а тем самым и оценивание, межличностных отношений [30 ; 31 : 209–235 ; 32 ; 33]. Наконец, некоторые исследователи выделяют и изучают непосредственно **оценочные** РЖ – см., например, кандидатскую диссертацию О. Н. Хорешко [34].

Однако, насколько нам известно, отношение жанра и оценки еще никогда не обрело статуса самостоятельной актуальной проблемы ТРЖ.

Думается, это связано, с одной стороны, с разнообразием жанров, а также речевых единиц и категорий околожанрового типа, таких как стиль или тональность (включая разнообразие их со стороны именно оценочности, шире – экспрессии), с другой – с разнообразием оценок и типов оценочной деятельности человека, их возможными связями с такими сложными и многоаспектными феноменами, как эмоции, ценности и их системы, идеология.

Вероятно, именно разнообразие оценок и их типов, очевидные трудности, связанные с поиском системности, и заставили Бахтина признать базовым компонентом РЖ не оценку, а «стиль» (который понимался им как экспрессивная позиция говорящего, точнее – ответная экспрессивная содержательная позиция адресанта речи, а еще точнее – форма данной позиции):

«Одним из средств выражения эмоционально-оценивающего отношения говорящего к предмету своей речи является экспрессивная интонация, отчетливо звучащая в устном исполнении. Экспрессивная интонация – конститутивный признак высказывания. <...> Существуют очень распространенные в речевом общении довольно стандартные типы оценочных высказываний, то есть оценочные речевые жанры <рядка моя. – В. Д.>, выражающие похвалу, одобрение, восхищение, порицание, брань: «Отлично!», «Молодец!», «Прелесть!», «Позор!», «Гадость!», «Болван!» и т.п. Слова, приобретающие в определенных условиях социально-политической жизни особый вес, становятся экспрессивными восклицательными высказываниями: «Мир!», «Свобода!» и т.п. (это особый, общественно-политический речевой жанр). В определенной ситуации слово может приобрести глубоко экспрессивный смысл в форме восклицательного высказывания: «Море! Море!» (восклицают десять тысяч греков у Ксенофонта)» [23 : 189].

Таким образом, Бахтин считал оценочность в РЖ частью экспрессии: оценочные

высказывания да и оценочные РЖ – такое же «средство выражения эмоционально-оценивающего отношения говорящего к предмету своей речи», как и экспрессивная интонация. При этом Бахтин хотя и прямо говорил, что есть оценочные РЖ, но не противопоставлял их остальным жанрам как «неоценочным» (не противопоставлял «РЖ с экспрессией» и «РЖ без экспрессии»), в отличие от последующих исследователей: Бахтин исходил из того, что экспрессия РЖ – важнейший компонент РЖ (упоминавшийся «*стиль РЖ*» в триединстве «*тема ~ стиль ~ композиция*»), который есть в абсолютном большинстве (или даже всех) РЖ, только, вероятно, имеет разное качество и разную степень – эта потенциально типологическая идея, как известно, у Бахтина не получила развития. Бахтин оставил лишь общие соображения относительно природы и функций оценки в РЖ, но не конкретные основания классификации РЖ на основе экспрессии, не определил и отношение экспрессии в РЖ к оценке в РЖ.

К сожалению, ясности не прибавилось в концепциях современных жанроведов, где роль оценки часто противоречива и выступает как функция чего-то другого. Многие исследователи сводят оценочные РЖ к крайностям «*похвалы ~ комплименты*» и «*оскорбления ~ обвинения*», что, конечно, является серьезным упрощением. Так, М. Ю. Федосюк, рассматривая эти две группы оценочных РЖ, считает, что их природа обусловлена функцией быть средством положительного / отрицательного эмоционального воздействия [35 ; 36 ; 37]; Л. Б. Никитина и К. Ю. Малышкин привлекают оценочные РЖ как средство реконструирования образа человека и речевого портретирования [38 ; 39 ; 40]. У упомянутой О. Н. Хорешко [34] группа оценочных РЖ сводится к, с одной стороны, фатическим РЖ, с другой – этикетным, что представляет собой еще более серьезное сужение: в очень высокой степени оценочными являются и многие другие (если не все) РЖ: РЖ публицистического дискурса, и рекламного, и судебного (например *судебный приговор*), и политического (*дебаты*), и педагогического (*экзамен*), и даже научного (например *отзыв официального оппонента на диссертацию*). Конечно, всё это оценки (оценочность) совершенно разных типов, точный состав и соотношение которых еще далеко не ясны: например, *бытовые* РЖ могут быть и не быть оценоч-

ными; есть жанры, основанные на *эстетической* оценке (от *комплимента* до *искусствоведческой рецензии*); оценка может быть передана специальными оценочными высказываниями (уже – специальными оценочными лексемами) и общей формой речи.

Установить точные соответствия между жанром и конкретными лингвистическими, стилистическими и т.д. средствами выражения оценки – дело будущего. Однако некоторые, как представляется, важные направления этого будущего изучения могут быть намечены уже сейчас.

1. «Форма оценки»

Думается, одно из главных противоречий при осмыслении «оценочной» природы РЖ исследователями, несколько слишком прямолинейно усматривающими соответствия между оценкой и жанром либо между типом оценки и типом оценочных РЖ, состоит в том, что с жанрами пытаются связать оценки как таковые (разных структурных и содержательных типов, полярные, т.е. положительные и отрицательные, и шкальные и т.д.), тогда как в РЖ входит, в качестве одного из компонентов, не оценка, а форма оценки. Точно так же в РЖ входят, так сказать, «формы всего остального»: формы высказываний (по Бахтину РЖ являются «типической формой высказываний, но не самими высказываниями» [23 : 192]); формы донесения до адресата своей точки зрения относительно предмета речи («эмоционально-оценивающая позиция говорящего» или «*тема РЖ*» по Бахтину [Там же : 188]); формы построения целого («*композиция РЖ*»); наконец, формы экспрессии («*стиль РЖ*»), куда, по всей видимости, входит и форма оценки.

Что же такое речевая форма оценки, которая тогда должна занимать неотъемлемое и важное место среди правил и норм жанрового моделирования речи? В многочисленных лингвистических работах по оценке такое понятие нам не встретилось. Это кажется странным, потому что бытование оценки или системы оценок в рамках РЖ в виде именно системы форм вполне очевидно.

Возьмем, к примеру, жанр *экзамен*: данным жанром, как системой форм, заданы не столько сами оценки, которые ставит экзаменатор (задана лишь парадигма возможных оценок, да и то с вариантами), сколько многочисленные правила, касающиеся разных сторон того, как должны выстав-

латься оценки: ряд типов оценок исключен, например, оценка должна даваться знанию, а не личностным качествам экзаменуемого; оценка должна быть аргументирована экзаменатором, выражена в корректной форме. Сюда относятся также социальные роли коммуникантов, обуславливающие право и обязанность экзаменатора давать оценку (включая такие формализованные требования к экзаменатору, как документально подтвержденный статус, свидетельство о компетенции и т.д.; свои метрики имеет и экзаменуемый), ожидания от его поведения со стороны экзаменуемого.

На практике эти требования соблюдаются не всегда, но тогда это ошибки, речезанровые аномалии.

Некоторые такие ошибки ярко отображены в художественной литературе: так, в «Скучной истории» А. П. Чехова возможное отклонение обсуждения и оценивания на экзамене разворачивается лишь в воображении главного героя («Голос у сангвиника приятный, сочный, глаза умные, насмешливые, лицо благодушное, несколько помятое от частого употребления пива и долгого лежания на диване; по-видимому, он мог бы рассказать мне много интересного про оперу, про свои любовные похождения, про товарищей, которых он любит, но, к сожалению, говорить об этом не принято. А я бы охотно послушал»). В рассказе В. М. Шукшина «Экзамен» очень существенное отклонение происходит в реальности: профессор, начав с вопросов по экзаменационному билету – о побеге князя Игоря из плена, выяснил в процессе разговора, что студент сам был в плену и бежал, после чего стал задавать вопросы, которые очень интересовали его лично: о поведении и самочувствии человека в плену, – стал делиться своими соображениями на эту тему (довольно нелепыми с точки зрения студента-фронтовика).

Думается, введение понятия формы оценки позволяет уточнить существующие взгляды на оценочные РЖ, систематизировать данные взгляды в рамках одной теоретической плоскости – условно, *аксиологической генристики*.

Так, использование понятия формы оценки удобно для объяснения различий между смежными оценочными РЖ: такие РЖ, как комплимент, похвала, лесть, а также оскорбление, клевета, упрек, попрек, злопожелание, различаются прагматической формой; все они отличаются от таких РЖ, как панегирик, филиппика, памфлет, стилистической формой. В целом в современной ТРЖ типы РЖ выделяются в основном на основе коммуникативной прагматики,

соответственно типы оценочных РЖ – на основе «прагматической формы» оценки. Например, для похвалы являются принципиальными требования и ограничения прагматического характера: интенция адресанта, отношения между адресантом и адресатом (статусные и межличностные), объект оценки и отношение к нему адресата, – и не являются существенными многие структурно-семиотические параметры, такие как типы оценки (это может быть и логическая, и этическая, и эстетическая оценка (хотя чисто эстетическая – это все же скорее комплимент, а не похвала)). Кстати, оценочные РЖ, которые становились объектом самостоятельного исследования в ТРЖ, тоже понимались там фактически не как «РЖ, где есть оценка», а как РЖ, где оценка связана с прагматикой [34]. Добавим, что прагматическая форма РЖ может распространяться на р е а к ц и и собеседника (особенно много конфликтов порождают оценки, с которыми собеседник не согласен, причем несогласие может вызывать не только оценка как таковая, но и ее прагматическая, стилистическая и т.д. ф о р м а) .

Несоответствия конкретных оценочных действий жанровым правилам тоже нередко становились объектом художественного отображения.

Ср., например, сцену в фильме Эльдора Уразбаева «Инспектор ГАИ» (1982), где честный милиционер – герой Сергей Никоненко – решает наказать высокопоставленного коррумпированного чиновника – героя Никиты Михалкова. Догнав преследуемого, инспектор вначале по всей форме представляется (отдавая честь), требует у него документы, а затем начинает многократно компостировать талон нарушений, «поясняя» свои действия: *«За то, что Вы подонок! За то, что Вы мерзавец! За то, что Вы подлец! Сволочь такая!..»*.

Несоответствия обыгрываются и в анекдотах, например следующих двухрепликовых интернет-анекдотах:

– Ты човаще рамсы попутал нормальному пацану гнилые предьявы делать? Ты же этот фуфел даже обосновать не сможешь! А за порожняк знаешь чо бывает?

– Коллега, я понимаю, что волнение, что это ваша первая адвокатская речь в суде. Но поверьте более опытному адвокату, так к гособвинителю лучше не обращаться.

– Ого, ничего себе пещера! Интересно, если крикнуть, эхо будет? Ау-у-у...

– А вы точно гинеколог?

– Как же всё запарило, сука. Каждый день одно и то же. Одно и то же, сука.

– Доченька, иди скорей завтракать, в садик опоздаешь.

(См. наши статьи [41 ; 42], где мы рассматриваем группу двухрепликовых интернет-анекдотов, основным механизмом комизма в которых является обыгрывание ошибок коммуникативной прагматики.)

Распределение **прямых** и **косвенных оценок** в жанре тоже входит в прагматическую форму. Есть типы жанров / дискурсов, где косвенным оценкам не место: в научном, учебном и, по-видимому, дипломатическом дискурсе; наоборот, косвенные оценки вполне допустимы в публицистическом, политическом, художественном, рекламном, разговорном дискурсе.

Что же касается собственно **лингвистических** особенностей оценочных РЖ, различий, существующих между разными типами оценочных РЖ (сюда можно отнести, напри-

сти той или иной оценки тем или иным способом выражения находится в прямой зависимости от степени жесткости жанра (см. § 2), с другой стороны – полная детерминированность, по-видимому, все же редкое явление (так, даже на *экзамене* у экзаменатора весьма богатый выбор средств, чтобы выразить и положительную, и негативную оценку, оставаясь при этом в рамках «формы оценки жанра»). Конечно, формализация, например, для разработки соответствующих автоматизированных программ, неоднократно осуществлялась соответствующими специалистами – ср. экзаменационные задания тестового типа [43], однако подобные высокоформализованные оценочные жанры представляют скорее исключение.

Итак, введение понятий, с одной стороны, формы оценки РЖ, с другой – прагматической, стилистической, лингвистической формы РЖ позволяет точнее описывать и различать оценочные РЖ. Следует подчеркнуть, что такой подход соответствует кон-

Сосредоточение формы оценки в компонентах оценочных РЖ:

Таблица 1

Форма оценки	тема = прагматическая форма оценки		стиль		композиция = лингвистическая форма оценки	
	положительная	отрицательная	положительная	отрицательная	положительная	отрицательная
Жанр <i>похвала</i>	√					
<i>оскорбление</i>		√				
<i>реклама</i> (<i>рекламное объявление</i>)			√			
<i>памфлет</i>				√		
<i>рецензия</i>					√	√

мер, конкретные оценочные лексемы и идиомы, синтаксические конструкции (использование восклицательных предложений, вводных слов, дискурсивов), частицы, образные средства языка (метафора, эпитет, ирония) и др. лингвистические механизмы и носители оценки), ситуация выглядит несколько парадоксально: хотя именно им больше всего внимания уделялось в традиционных лингвистических исследованиях, данные средства изучены в целом совершенно недостаточно с рассматриваемой нами точки зрения – как «лингвистическая форма оценки оценочных речевых жанров», связанная с другими типами форм оценки в них. (Следует подчеркнуть, что такое положение вещей представляется в целом противоестественным, поскольку противоречит тому, что Бахтин считал *композицию* главным компонентом РЖ.) Пока, т.е. до проведения специального большого исследования, можно высказать предположение, что, с одной стороны, степень детерминированно-

цепции Бахтина и представляет собой ее развитие: «*тема РЖ*» – форма прагматики, или прагматическая форма; «*стиль РЖ*» – форма экспрессии, или стилистическая форма; «*композиция РЖ*» – лингвистическая форма (синтаксические структуры и лексическое наполнение).

Отсюда становится возможной начальная классификация РЖ: 1) РЖ, где главный тип формы – прагматическая форма («*тема РЖ*») (РЖ воздействия; непрагматические фатические РЖ); 2) РЖ, где главное – «*стиль РЖ*» (все художественные жанры; политические и рекламные РЖ; этикетные и некоторые праздноречевые фатические РЖ, такие как *светская беседа*); 3) РЖ, где главное – «*композиция РЖ*» (например, жанры научного стиля / дискурса). (Конечно, надо иметь в виду, что в конкретных РЖ названные моменты типизации и стереотипизации касаются одновременно и темы, и стиля, и композиции; однако в большинстве РЖ все-

таки, как правило, можно выделить какой-то один главный.)

Начальная типология оценочных РЖ на основе главного момента оценочной типизации и стереотипизации, т.е. формы оценки, представлена на Табл. 1.

Следует сказать еще об одном важном членении оценок в РЖ: 1) оценки, высказываемые участниками жанра, «**изнутри**»; 2) даваемые участникам жанра и самому жанру **извне**.

Этой двойной природе оценки и оценочной деятельности в оценочных речевых жанрах / речевых актах посвящен цикл работ Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева. В первой их работе [4 : 49–58] речь идет о речевых актах (более близких традиционной лингвистике), спустя два десятилетия Шмелев (увы, Булыгина к тому времени уже умерла) говорит непосредственно о речевых жанрах [44 : 372–380]. По мнению исследователя, принципиально важно различать 1) восприятие РЖ представителями культурно-языковой общности, в которой эти РЖ используются, и посторонними наблюдателями – как представителями иной культурно-языковой общности, так и исследователями; 2) характеристику РЖ в представлении того, кто его реализует, и характеристику наблюдателем [Там же].

Какая оценка – изнутри или извне – входит в обсуждаемую нами форму оценки речевого жанра? На первый взгляд, больше соответствует самому понятию «формы» оценка извне, поскольку это результат определенной рефлексии, зафиксированный как в национальной культуре (есть жанры, оцениваемые скорее положительно (*разговор по душам, роман*), есть – отрицательно (*донос*)), так и в языке – в семантике речевых слов, прежде всего глаголов (данной семантике была посвящена большая часть статьи Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева 1994 г.). Однако оценку извне можно считать формой оценки только в той мере, в какой относятся к форме все нормы, правила, конвенции, обусловленные культурой, но не жанром. По-видимому, речежанровая форма оценки – оценка изнутри: она порождается жанром. Все примеры, которые мы приводили до сих пор, демонстрировали такой тип оценки.

Таким образом, понимаем форму оценки в РЖ как разновидность жанровых норм, обуславливающих, с одной стороны, прагматическое, стилистическое, лингвистическое моделирование оценочных

действий, с другой – различия между смежными оценочными жанрами.

2. Речежанровые оценки и речежанровые классификации

Поскольку в разных оценочных речевых жанрах существуют разные типы оценок, различаются и сами оценочные жанры. Это обуславливает возможность соответствующей речежанровой классификации.

Прежде всего, в уже существующих классификациях оценка может «накладываться» на другие критерии или основания классификаций (это касается не только тех классификаций, где выделяются оценочные РЖ).

Так, в логике **бахтинских** членений типов РЖ, оценки могут накладываться на 1) **первичные и вторичные РЖ** [23 : 161–162], 2) типы РЖ, различающиеся **по степени жесткости** [Там же : 181–182]. Второй случай представляется более ясным и простым: жесткие оценочные РЖ (*экзамен, отзыв официального оппонента*) регламентируют количество оценок и их стилистико-экспрессивные способы выражения, объекты оценивания и степень связи оценок и коммуникативно-прагматических (социальных и межличностных) отношений между коммуникантами; в более свободных жанрах эти параметры допускают варьирование (*критическая статья, рецензия на книгу*).

Но оценка может быть не менее важна и для вторичных РЖ, точнее, для отношений между первичными и вторичными РЖ. Действительно, во вторичном (оценочном) РЖ тип и даже форма оценки, возможно, меняется по сравнению с соответствующим первичным, но данная форма обязательно сохраняет явную связь с первичным РЖ: ср. *благодарность* и *благодарственную молитву* (*акафист, кондак, тропарь, величание*); *угрозу* и такие дипломатические жанры, как *нота* и *ультиматум*; наконец, оскорбление в межличностной коммуникации «*Идиот!*» и *идиотизм* как клинический диагноз (слова могут, наоборот, переноситься из специальной терминологии в непосредственную коммуникацию («*Дебил!*», «*Шизоид!*», «*Олигофрен!*»)).

Что именно происходит с оценкой, когда на базе оценочного РЖ развивается вторичный РЖ? С одной стороны, поскольку вторичный РЖ всегда имеет отношение к изменению стиля [45], это не может не привести к какой-либо трансформации, модификации

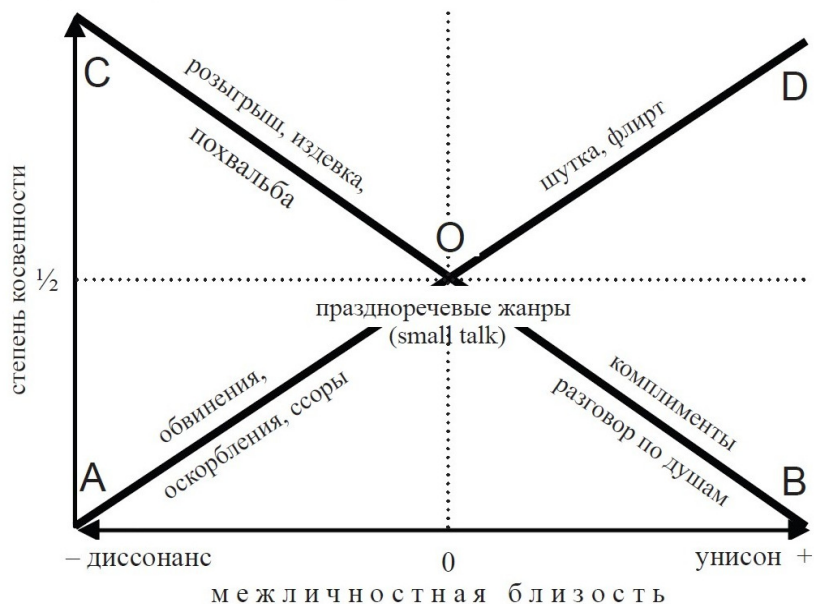

Рис. 1

оценки. С другой стороны, «толчок» к развитию вторичного РЖ могут дать разные вещи в первичном РЖ (подобно *метафоре*, которая, как известно, тоже может развиваться из разных сем в первоначальной / прямой номинации). Неизменной же, по-видимому, во вторичных РЖ остается прагматика оценки, т.е. прагматическая форма.

Конечно, оценка в речевом жанре может накладываться и на другие его типологические характеристики, например, в «**анкете РЖ**» Т. В. Шмелевой, которая в этом отношении оказывается противоречивой: с одной стороны, в ней выделяются непосредственно **оценочные РЖ** (выделяются они на основании параметра «*цель РЖ*», т.е. прагматической формы оценки, а именно: их цель – «изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей» [29 : 91–92], наряду с такими типами, как *информативные, императивные, этикетные РЖ* [Там же]), с другой стороны – оценка в них может «располагаться» в разных параметрах данной модели: «*предмете речи*», «*образе автора*», «*образе адресата*», «*образе коммуникативного прошлого*», «*образе будущего*» и т.д.

В этом смысле наиболее, по-видимому, существенной для параметра «*цель РЖ*» является та оценка, которая касается «*образа адресата*»: данная оценка наиболее непосредственно определяет характер коммуникации (фатическая или информативная, кооперативная или конфликтная), причем это касается и прямой, и косвенной оценки (косвенная оценка влияет на характер межличностных отношений менее непосредственно, превращая тип взаимодействия в суггестию, например, косвенная положительная

оценка адресата (которая может вычитываться из оценки других компонентов РЖ: предмета речи, автора, коммуникативного прошлого); так, К. Ф. Седов исследовал *комплимент* как жанр *суггестии* [46 : 200–210]).

Оценки, содержащиеся в остальных компонентах анкеты Шмелевой, определяют характер коммуникации и межличностных отношений менее непосредственно (суггестия): оценка в образе автора, т.е. самооценка, непосредственно «творит» коммуникативную цель ряда жанров (*похвальба, самоуничижение*), а в качестве суггестии, как фактор косвенной оценки адресата и отношений с ним, – «творит» ее более опосредованно (та же *похвальба*, которая предполагает, что адресат хуже или ниже адресанта и должен завидовать ему, «*лесть через самоуменьшение*», снисходительная тональность и т.д.). (В целом выделяется довольно обширная группа оценок, которые не определяют собственно коммуникативную цель жанра, а только его **тональность** – см. о них в § 3.)

То же можно сказать о предмете речи (если это не непосредственно адресант или адресат), образе коммуникативного прошлого, образе будущего.

Выскажем несколько соображений о месте оценки в классификации **фатических речевых жанров**, разрабатываемой нами на основе двух критериев: качество межличностных отношений и степень косвенности («*Андреевский флаг*») [30 ; 31 : 209–235] (рис. 1).

Речежанровые оценки непосредственно связаны с «*Андреевским флагом*» практически на всех его участках, но названные два критерия – качество межличностных отношений и степень косвенности – должны быть дополнены еще двумя: 3) оценивается себе-

седник или кто-то / что-то еще (например, сам говорящий); 4) оценка направлена на создание (фатически значимого) образа адресата или адресанта или ничего такого не предполагается.

Всё это позволяет несколько переосмыслить **косвенность** на «Андреевском флаге»: вероятно, есть закономерные соотношения между степенью косвенности данного РЖ и существованием пары «тип жанра ~ тип суггестии или тональности» (*угроза* ~ угрожающая тональность; *инвектива* ~ инвективная тональность; *признание в любви* ~

? влюбленная тональность и подоб. «модальные тональности» – см. § 3). РЖ, рас-

(+) означает, что данная оценка имеет положительное значение (идет на пользу) для жанра (не путать с отношениями коммуникантов); (++) означает, что оценка конституциональна, облигаторна для жанра, например, положительная оценка себя для похвалы); (-) означает, что оценка в целом идет во вред жанру; (--) что невозможна); (0) означает, что оценка нейтральна

ния прагматики (фатики), но не с точки зрения собственно оценки: эти оценочные высказывания сами по себе могут быть совершенно прямыми.

Возвращаясь к идее оригинальной классификации, основанной на оценке, – если свести воедино параметры существующих классификаций РЖ, где оценка особенно значима, можно получить ранжированную схему, представляющую роль оценки по отношению к различным значимым параметрам РЖ. Исходя из того, что оценка в РЖ может быть необходима для его успешного

осуществления (собственно оценочные РЖ), препятствовать этому успешному осуществ-

Таблица 2

Тип оценки Жанр	оценка себя				оценка адресата				оценка предмета речи			
	положительная		отрицательная		положительная		отрицательная		положительная		отрицательная	
	прямая	косвенная	прямая	косвенная	прямая	косвенная	прямая	косвенная	прямая	косвенная	прямая	косвенная
<i>Экзамен</i>	0	0	0	0	0	0	0	-	+	+	-	-
<i>Разговор по душам</i>	0	0	0	0	+	+	0	-	0	+	0	0
<i>Похвала</i>	0	0	0	0	++	+	-	-	+	+	-	-
<i>Похвальба</i>	++	0	-	-	--	-	0	+	+	+	0	0
<i>Угроза</i>	0	0	-	-	0	-	0	+	0	+/-	0	+/-
<i>Ссора</i>	0	+	-	-	--	-	++	+	0	+/-	0	+/-

положенные в нижней части «Андреевского флага», больше тяготеют к таким парам, например, вполне определенно соотносятся с типами тональностей все прямые диссонансные РЖ (отрезок ОА). В других случаях же оказывается, что то, что мы с точки зрения фатики и межличностных отношений считали «косвенностью», имеет своим основанием именно оценку, причем это оценки разных типов, обуславливающие не столько разную степень косвенности жанра, сколько различные качественные его характеристики, которые в большинстве случаев еще далеко не ясны.

Так, на «Андреевском флаге» точки А и В с нулевой косвенностью – наименее фатические жанры: нулевая косвенность делает их кроме осуществления улучшения / ухудшения отношений еще и *сообщениями* об этом – а следовательно, оценочными высказываниями, где оценка *п р я м а я*. Во всех остальных ФРЖ доля сообщения меньше, при этом оценка способствует улучшению / ухудшению отношений, а следовательно, имеет *н е п р я м о й* характер с точки зре-

лению (дипломатические жанры) или быть безразличной для него (жанры делового и производственного общения), и это может по-разному проявляться для таких важнейших составляющих РЖ, как автор, адресат, предмет речи, представим данные отношения в виде таблицы – Табл. 2.

Таким образом, противопоставляются РЖ на основе 12 возможных оценок:

прямая / косвенная положительная / отрицательная оценка себя;

прямая / косвенная положительная / отрицательная оценка адресата;

прямая / косвенная положительная / отрицательная оценка предмета речи (который ≠ непосредственно ни говорящему, ни адресату).

3. Оценка в разных околожанровых феноменах речевой системности

Даже если задача состоит в том, чтобы выявлять роль оценки *т о л ь к о* в жанре речи, – эту задачу, очевидно, невозможно решить до конца, не учитывая роль оценки в смежных околожанровых феноменах рече-

вой системности, таких как *оценочное действие, оценочное высказывание, речевая стратегия, речевая тактика, речевой акт, вариант речевого жанра, коммуникативная тональность, стиль, коммуникативный / лингвокультурный типаж*. По отношению ко многим из них собственно РЖ лишь одна из возможных разновидностей (или стадий), и не во всех случаях базовая.

Так, оценки (оценочные высказывания, оценочная деятельность, оценочные шкалы) создают **тональность**.

Отношения с РЖ тональности в целом (с точки зрения, близкой к рассматриваемой нами оценке и оценочности) выявлены Т. О. Багдасарян [47 ; 48] и В. И. Карасиком [49], которые опираются на бахтинское понятие *переакцентуации*: «речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутливо-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутливой эпитафии)» [23 : 192].

В. И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [49 : 384]. В качестве возможных оснований типологии коммуникативной тональности исследователь предлагает, например, одноплановость / многоплановость смыслов, серьезность / несерьезность общения, кооперативность / конфликтность общения, приоритет содержания / формы общения [Там же : 386]. В результате выделяется несколько типов коммуникативной тональности: информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, гипотетическая, агрессивная, манипулятивная, фасциативная (серьезное эстетическое общение), идеологическая (серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим), эзотерическая (экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания) (сам В. И. Карасик считает свой список открытым) [Там же : 386–411].

Т. О. Багдасарян исследует трансформацию жанров по признаку тональности [47]. На речевые жанры накладываются эмоциональные обертоны общения, порождающие различные новые смыслы у одной и той же позиции в разных коммуникативных условиях: выражение отношения адресанта к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому. Т. О. Багдасарян выделяет 36 таких тональностей. Считаю полезным привести этот список целиком: «официально», «серьезно», «шутливо», «восторженно», «дружелюбно», «враждебно», «саркастически», «недоверчиво», «безразлично», «пессимистически», «робко», «мечтательно», «с грустью», «пренебрежительно», «над-

менно», «агрессивно», «с отвращением», «настойчиво», «мрачно», «удивленно», «взволнованно», «хвастливо», «с тревогой», «раздраженно», «с обидой», «отрешенно», «радостно», «притворно», «задумчиво», «решительно», «вызывающе», «таинственно», «грубо», «испуганно», «вежливо», «ласково».

Кстати, то, как Бахтин понимал роль экспрессии в формировании жанров и вариантов жанров, возможно, несколько противоречит нашему предположению, что он включал все возможные речевые оценки в «экспрессию жанра»: упоминание Бахтиным «жанра шутливой эпитафии» позволяет говорить как о несобственном употреблении существующего жанра, так и о создании нового жанра. В этом смысле экспрессию (и оценку) можно понимать и как жанропорождающий феномен, и как «жанродополняющий», порождающий лишь «переакцентуацию», тональность, но не жанр.

Согласно Т. О. Багдасарян [47 ; 48], исходя из отношений генеральной семантики того или иного РЖ с семантикой той или иной тональности, тональность может быть **модельной** (соответствует РЖ) или **вариативной** (существенно отличается от РЖ или противоречит ему) (этот же параметр был положен в основу начальной классификации РЖ, представленной на табл. 1). Точно так же аналог модельной тональности – оценка в специальных оценочных жанрах, вариативной – в остальных. Это, конечно, лишь частичная аналогия, поскольку, во-первых, оценки используются достаточно обильно и далеко за пределами группы собственно оценочных РЖ, во-вторых, оценки чрезвычайно разнообразны (например, на основании своей прагматики: оценивается адресат речи, сам говорящий или «третьи» лица и участники коммуникации (эти факторы отчасти учитывались в классификации РЖ, представленной на табл. 2)). Многим жанрам соответствует модельная тональность: «жанр *светской беседы* ~ светская тональность», «жанр *просьбы* ~ просительная тональность» и т.д. Конечно, пара «тип жанра ~ тип тональности» существует не всегда: например, существует циничная тональность, но соответствующий ей тип РЖ, по-видимому, отсутствует (^{??}циничная беседа).

Ранее нами уже предпринималась попытка выявлять группы / цепочки околожанровых феноменов речевой системности [50] – на том этапе только с точки зрения лексем,

именующих отдельные звенья цепочки, и только применительно к заимствованиям.

Поскольку целью было когнитивное исследование ментальных образов данных околожанровых феноменов речевой системности в сознании носителей языка (на материале анкетирования), в центре внимания были коммуникативные концепты, имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание: зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т.д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры.

Стандартная структура коммуникативного концепта представляет собой цепочку «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ жанр».

В случае симметричной концептуализации заполняются все звенья цепочки (очевидно, что такие ситуации редки, особенно в случае заимствованных концептов).

На первый план может выходить речевой типизация, действие (коммуникативные и речевые акты), процессуальность (коммуникативные и речевые события и сложные события), манера поведения, роль в рамках данного типа коммуникации (например соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его коммуникативное преломление – лингвокультурный типаж).

Соответственно в области имен данных коммуникативных концептов на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) имя типажа (естественно, это существительное), речевого действия: однократного (речевой акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несом. вида), имя процесса (существительное) или же непосредственно имя жанра (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Идея строить цепочки, где звенья соответствуют смежным феноменам речевой системности, представляется плодотворной не только для изучения заимствованных имен жанров и околожанровых феноменов речевой системности: данные цепочки могут быть рассмотрены и в других аспектах, например оценочном.

И здесь необходимо подчеркнуть, что для данной цели названная цепочка «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ жанр» обязательно должна быть дополнена звеном «коммуникативная тональность».

Как в целом в цепочках, представляющих компоненты коммуникативных концептов, есть основные звенья, так и в оценочных цепочках есть главные оценочные звенья (а

другие звенья могут, с этой – оценочной – точки зрения, отсутствовать), например, в высокой степени наполненной оценочной цепочке *лесть* ~ *лстить* ~ *лстец* ~ *лстиво* / *лстивый* основной, как, видимо, и в большинстве подобных, жанр, зато в одной из новейших цепочек *тролль* ~ *троллинг* ~ *троллить* основной типаж: *тролль*; жанр, вероятно, есть: *троллинг* (как показала анкета, жанр здесь воспринимается даже как основной, хотя *тролль* словообразовательно исходный), тональность, видимо, тоже есть, хотя прилагательное и наречие отсутствуют (*тролльский*, *по-тролльски*).

Что касается конкретного языкового оформления цепочки «жанр ~ тональность», некоторые детали выявила уже анкета: на первый план выходили однословные названия – существительные и глаголы; прилагательные и особенно наречия встречались в ответах очень редко (очевидна их маркированность): «действие / РА (глагол) ~ имя жанра (существительное) ~ тональность: 1) характеристика жанра (существительного ⇒ прилагательное), 2) характеристика действия / РА (глагола ⇒ наречие)».

Можно сделать предварительный вывод (конечно, он нуждается в тщательной проверке – специальном лингвистическом исследовании), что данная жанровая (жанрово релевантная) оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, при этом выделяются **оценочные лексемы**:

1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (прежде всего «извне») (*донос*, *лесть*, *похвальба*);

2) глаголы – названия действий / РА (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кичиться*, *клеветать*, *подстрекать*));

3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра – внутрижанровой стратегии и подоб.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:

а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный*, *искренний*, *мудрый разговор по душам*, *высокохудожественный роман*...;

б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам*, *графоманский роман*...

4. Речевжанровая оценка и культурные ценности

Конкретные оценки, оценочные шкалы производны от ценностей, обусловленных общей национальной культурой, оценивающей языковой картиной мира и т.д. При этом сам РЖ представляет «мини-картину мира» [51 ; 24 ; 25], которая, с одной стороны, более или менее хорошо согласуется с общей национально-культурной картиной мира, системой ценностей, с другой стороны – обуславливает (через речевжанровые ценности) конкретные оценки, осуществляемые в рамках того или иного РЖ.

Г. Г. Слышкин исследует разные жанровые картины мира внутри общей национально-культурной КМ. Понимая речевой жанр как «поле реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» [51 : 178], ученый доказывает, что концептуальная насыщенность, или спектр ценностей, реализуемых в рамках данного речевого жанра, достигает максимального уровня, когда в картину мира, конструируемую в текстах данного жанра, входят определенная фактуальная информация о самом жанре и ценностное отношение к нему (сам жанр при этом фигурирует в качестве одного из активизируемых в нем метапонятий). Такие жанры «концентрируют в себе аксиологически полярные пласты человеческого сознания – научную и утилитарно-бытовую картины мира» [Там же : 180]. В картине мира каждого жанра выделяется один или несколько системообразующих концептов, а также ряд более частных концептов, которые являются средством конкретизации системообразующих концептов (в жанре мелодрамы это концепт «любовь», в жанре детектива – «тайна», в трагедии – «несчастье») [Там же]. Таким образом, концептуальная насыщенность жанра становится основанием концептологической типологии жанров.

Оценочные речевжанровые картины мира обуславливают отношение к порождаемой или представляемой ситуации коммуникации, предмету речи и самим коммуникантам (собеседнику и себе самому), отношениям между ними (представляется мой партнер как друг или враг, я смотрю на него нежно или грубо и т.д.).

Оценка должна соответствовать, во-первых, нормам речевого жанра, во-вторых – общим национально-культурным нормам. Первые и вторые не всегда соответствуют друг другу: противопоставляются жанры, поддерживаемые данной культурой, и не поддерживаемые ею [31 : 248–258 ; 52 : 56–62].

Своеобразие культурно-коммуникативного пространства внутри конкретной речевой культуры определяется соотношением всех поддерживаемых и не поддерживаемых жанров; при выявлении закономерностей их сочетаемости выявляются типы. Конечно, в системе концептов даже одной национально-речевой культуры всегда существуют противоречия, детально рассмотренные, например, в исследованиях по национальной паремииологии, «фразеологическим картинам мира». С одним и тем же жанром могут соотноситься одновременно положительные и отрицательные характеристики; существует много синонимических имен жанров, отражающих такие амбивалентные оценки. Амбивалентным в этом отношении может быть даже одно и то же название (идиома).

Нарушение первых чаще приводит к коммуникативной неудаче, зато последствия и санкции за нарушение вторых могут быть гораздо более тяжелыми (комплимент, сделанный «не так и не о том», может обидеть).

Сами ценности, с которыми связана оценка в РЖ, тоже могут быть разными, это обуславливает различия (иногда весьма существенные) оценочных жанров.

«Философские ценности», то есть ценности самого общего характера, проистекают из самоочевидных витальных потребностей людей: «Необходимо есть и спать», «следует отличаться от животных»; наряду с ними существуют утилитарные и моральные нормы поведения, также имеющие «общечеловеческий» характер. «Философские ценности» трактуются как «обобщенные, устойчивые представления о том, что отвечает каким-то потребностям, интересам, намерениям, целям, планам человека» [53 : 228], которые заставляют людей действовать определенным образом.

Среди общекультурных ценностей выделяются особые ценности, существующие как нормы поведения, например: «Нельзя причинять вред своим», «Люди должны помогать друг другу (особенно в трудное время)», «Нельзя бросать людей в беде», «Нельзя быть неблагодарным», «Следует быть честным», «Следует советоваться с людьми» [54]. Наконец, существуют коммуникативные ценности, которые можно понимать как частное проявление поведенческих ценностей и норм.

Общечеловеческие / общекультурные / универсальные ценности «преломляются» в национально-языковом сознании, образуя национально-специфические системы внутрикультурных ценностей. Например, *коллективизм*, *жертвенность*, *социальная справедливость* могут получить общественно значимое звучание, стать основанием ценностных установок, определяющих сознательно выбираемые человеком (группой, гражданами) позиции. Требуют особого осмысления ценности, нормы и оценки как категории этического сознания, высту-

пающие ориентирами высшего порядка. Морально-этические ценности определяют «уровень и форму социальной активности, направленность, отношение к другим людям, себе, миру вообще» [55 : 14]. Это представления людей о добре, гуманизме, справедливости, милосердии, чести, долге, стыде, любви к Родине, Богу и др., «те духовные необходимости и невозможности, которым сознание придает форму убеждений, а бессознательное – форму благородного характера» [56 : 10].

РЖ, в которых оценка связана с глобальными культурными ценностями, и РЖ, в которых оценка не связана с ними, очень сильно различаются. Ср. выше о противопоставлении у Бахтина оценки, связанной исключительно с экспрессией РЖ, и оценки, связанной с содержательной позицией говорящего (т.е. «темой РЖ»); «оценка № 1» (экспрессия) является жанрообразующей, порождает тональность, а «оценка № 2» (тема РЖ) – жанрообразующей и порождает РЖ.

Разница между экспрессивными и мировоззренческими оценками, несовпадение у партнеров по коммуникации вторых приводят к мировоззренческому размежеванию. Это ярко проявляется в идеологических, особенно длительных конфликтах, подобных нынешнему украинскому.

Вот цитата из статьи Маринэ Восканян новейшего времени (март 2016), где осмысляются события на Украине, – точнее, реакция на них: неприемлимое размежевание в российском обществе, протекающее из разных оценок происходящего:

Население отвлеклось от шопинга и телевизора и стало определяться, за «болотных» оно или за «государственников». Но это самоопределение казалось делом совершенно внутривосским. В отличие от последующих через пару лет украинских событий оно не позволяло определить свое место в мире и не раскалывало общество по-настоящему (хотя тогда казалось именно так).

Участники болотных митингов и их противники спокойно могли вместе выпить, обсудить свои разногласия на предмет, должен ли Путин уйти из Кремля, разругаться и посчитать себя теперь врагами. Точнее, один другого посчитал бы оболваненным кремлевской пропагандой, а тот своего оппонента соответственно – недалекой жертвой либеральных идей, не понимающей, к чему они ведут.

А потом случился Крым и «русская весна».

Как мы понимаем из дня сегодняшнего, все эти либерально-патриотические разногласия того периода были просто светской беседой по сравнению с обсуждением вопроса: «Есть ли фашизм

на Украине» или «Виноваты ли сами жертвы 2 мая в том, что их сожгли?». В случае с украинским национализмом и его действиями на Украине возник водораздел, где никакого диалога быть уже не может. <http://www.km.ru/v-rossii/2016/03/21/situatsiya-vokrug-kryma/773760-vysokaya-planka-krymskogo-konsensusa>

Показательно сравнение ранней стадии этого размежевания со *светской беседой* – жанром, где, как известно, оценки чисто стилистические, экспрессивные. В конце же оценка (не собеседника) «они – фашисты (или нет)» приводит к глубочайшему мировоззренческому конфликту, в результате чего диалог становится невозможным.

В качестве примера национально-культурной ценностной категории, обуславливающей ряд конкретных оценочных шкал, коннотаций, можно привести социальное, психологическое, коммуникативное противопоставление официальности и неофициальности, которое оформляется в целом ряде аксиологических шкал («неформально ~ формально», «лично ~ безлично», «персонально ~ имперсонально»), в том числе на языковом уровне. В нашей книге [52] было показано, как данная оппозиция ([P] ~ [-P]) отражается в системе русского языка: лексике, фразеологии, паремиологии – и речевой систематике: речевых жанрах, прагматических сценариях культуры, а тем самым – восходит к базовым характеристикам традиционной русской культуры. Очень многие факты современной жизни, коммуникации убеждают, что данная оппозиция остается актуальной и сегодня, а в некоторых аспектах (например, с появлением и активизацией ряда новых сфер коммуникации) даже значительно усиливается (см. об отличиях с этой точки зрения разных жанров интернет-энциклопедий – Википедии и Луркоморья [57]).

*

Главным выводом из сказанного мы считаем идею о «форме оценки» как о речеванровой обусловленности оценки. Именно как речеванровая «форма оценки» в преломлении РЖ предстают оценки, выражаемые средствами и лексикой, и стилистикой, и семантикой, и синтактикой, и прагматикой речевого жанра (включая прямые и косвенные оценки).

Идея о «форме оценки» позволяет уточнить актуальные в современной лингвистике вопросы оценки, оценочной модальности, оценочных шкал, обнаружить ряд значимых элементов системности в них.

Как представляется, данная системность является важным промежуточным звеном между собственно языковой системностью (как правило, исследования по оценке в со-

временной лингвистике сосредоточиваются только на этом аспекте) и психическими состояниями коммуниканта, его общим оценочным отношением к миру, включая ситуацию общения и собеседника (*интенциональное состояние* по Дж. Серлю [58 : 48–95]). В упомянутых лингвистических исследованиях по оценке признается важность этих психологических и социальных факторов, однако жанровый аспект, которому посвящена наша статья, речезанровая «форма оценки», как правило, не затрагиваются, а без этого попытки осмыслить лингвистическую, семиотическую, психологическую, коммуникативную, социальную природу оценки никогда не будут по-настоящему успешными, а наши знания о этой природе – полными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М.: Прогресс, 1982. С. 5–40.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Бондарко А. В. (отв. ред.) Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 49–58.
5. Ваулина С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1993. 70 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
7. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» // Вопросы языкознания, 1986. № 5. С. 98–106.
8. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52–65.
9. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1970. 236 с.
10. Ивин А. А. Риторика: искусство убеждать. М.: Фаир-Пресс : ГРАНД, 2002. 300 с.
11. Кузнецова В. А. Категория отрицательной оценки и ее отражение в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. фи-лол. наук. Л., 1980. 20 с.
12. Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное самодекодирование // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 24–34.
13. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. 300 с.
14. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки. М.: Изд-во ИКАР, 1997. 320 с.
15. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 309 с.
16. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
17. Трипольская Т. А. Языковая интерпретация чужой оценки // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Международной научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 26-28 февраля 2001 г.) / Отв. ред. В.Д. Черняк. СПб., 2001. С. 315–322.
18. Хэар Р. М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 183–195.
19. Шейдаева С. Г. Категория субъективной оценки в русском языке: Автореф. дис... докт. филол. наук. Н. Новгород, 1998. 41 с.
20. Ягубова М. А. Лексико-семантическое поле «Оценка» в русской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1992. 21 с.
21. Stich S. Moral Philosophy and Mental Representation // The Origin of Values / ed. by M. Hechter, L. Nadel, R. E. Michod. New York: Aldine de Gruyter, 1993. Pp. 215–228.
22. Strawson P. F. Identifying reference and truth-values // Theoria. XXX. 1964. Pp. 96–118.
23. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.
24. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. С. 34–49.
25. Bhatia Vijay K. Applied genre analysis: a multi-perspective model // Ibérica. 2002. № 4. Pp. 3–19.
26. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
27. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. 632 с. (Studia Philologica).
28. Язык о языке / Под общим руководством и редакцией Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. 624 с.
29. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 88–98.
30. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37–55.
31. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
32. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 430 с.
33. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.
34. Хорешко О. Н. Жанровый аспект положительной оценки лица: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 126 с.

35. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 66–88.

36. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

37. Федосюк М. Ю. Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург : Арга, 1997. С. 60–73.

38. Никитина Л. Б. Образ-концепт «*homo sapiens*» через призму жанров русской речи *сентенция, портретирование, одобрение, порицание* // Жанры речи. Саратов : ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. С. 241–251.

39. Никитина Л. Б. Языковой образ пожилого человека через призму оценочных речевых жанров // Жанры речи. 2014. №1-2(9-10). Саратов, 2014. С. 89–96.

40. Никитина Л. Б., Малышкин К. Ю. Речевой жанр научной рецензии через призму категоричности оценки // Жанры речи. 2015. №2(12). С. 72–79.

41. Дементьев В. В. Новые двухрепликовые интернет-анекдоты: обыгрывание ошибок коммуникативной прагматики // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 88–109.

42. Дементьев В. В. Интернет-анекдоты: некоторые структурные типы (в печати).

43. Гуц Е. Н., Леонтьева О. А. Жанрово-композиционные особенности сочинения ЕГЭ как предмет ортологического исследования (к проблеме языковой личности выпускника школы) // Жанры речи. Саратов, 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 210–218.

44. Шмелев А. Д. Русские речевые жанры извне и изнутри // Русский язык сегодня. Вып. 6 : Речевые жанры современного общения : сб. докладов / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. А. В. Занадворова. М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. С. 372–380.

45. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 51–56.

46. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с. (Studia philologica).

47. Багдасарян Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 23 с.

48. Багдасарян Т. О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 240–245.

49. Карасик В. И. Коммуникативная тональность // Жанры речи. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 81–94.

50. Дементьев В. В. Некоторые методологические принципы изучения речевых жанровых заимствований // Вестник Российского университета дружбы народов : Научный журнал. Серия Лингвистика. 2016. № 1. С. 7–24.

51. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2004. 39 с.

52. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком : Языки славянских культур, 2013. 338 с. (Studia philologica).

53. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М. : Гардарики, 1998. 472 с.

54. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

55. Братусь Б. С. Нравственное сознание личности (Психологические исследования). М. : Знание, 1985. 64 с.

56. Ильин И. А. Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. 432 с.

57. Дементьев В. В. «Луркоморье» vs. «Википедия» = «неформально» vs. «формально»? // Жанры речи. 2015. №1(11). С. 137–151.

58. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М. : Прогресс, 1987. С. 48–95.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Lingvisticheskiye problemy referentsii [Linguistic problems of reference]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, vyp. 13 [New in foreign linguistics, vol. 13]. Moscow, 1982, pp. 5–40.

2. Arutyunova N. D. *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Assessment. Happening. Facts]. Moscow, 1988. 341 p.

3. Bondarko A. V. (otv. red.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, 1990, 264 p.

4. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Otsenochnyye rechevye akty izvne i iznutri* [Estimated speech acts from the outside and from the inside]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy* [Logical analysis of language. Language speech acts]. Moscow, 1994, pp. 49–58.

5. Vaulina S. S. *Yazykovaya modal'nost' kak funktsional'no-semanticheskaya kategoriya (diakhronicheskiy aspekt)* [Language modality as a functional-semantic category (diachronic aspect)]. Kaliningrad, 1993, 70 p.

6. Vol'f Ye. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, 1985, 228 p.

7. Vol'f Ye. M. *Otsenochnoye znachenie i sootnosheniye priznakov «khorosho/plokho»* [Estimated value of the ratio and signs of "good / bad"]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 1986, Nr 5, pp. 98–106.

8. Vol'f Ye. M. *Metafora i otsenka* [Metaphor and evaluation]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, 1988, pp. 52–65.

9. Ivin A. A. *Osnovaniya logiki otsenok* [Foundations of logic of evaluations]. Moscow, 1970, 236 p.

10. Ivin A. A. *Ritorika: iskusstvo ubezhdat'* [Rhetoric: The art of persuasion]. Moscow, 2002, 300 p.

11. Kuznetsova V. A. Kategoriya otritsatel'noy otsenki i yeye otrazheniye v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Category of negative evaluation and its reflection in modern English language: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Leningrad, 1980. 20 p.
12. Lyapon M. V. Otsenochnaya situatsiya i slovesnoye samodelirovaniye [Evaluating situation and verbal self-modeling]. *Yazyk i lichnost'* [Language and identity]. Moscow, 1989, pp. 24–34.
13. Markelova T. V. Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke [Pragmatics and semantics of means of evaluating the expression in the Russian language]. Moscow, 2013, 300 p.
14. Pisanova T. V. *Natsional'no-kul'turnyye aspekty otsenochnoy semantiki: esteticheskiye i eticheskiye otsenki* [National-cultural aspects of the evaluation of semantics: the aesthetic and ethical evaluation]. Moscow, 1997, 320 p.
15. Romanova T. V. *Modal'nost'. Otsenka. Emotsional'nost'* [Modality. Evaluation. Emotionally]. Nizhny Novgorod, 2008, 309 p.
16. Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinit* [Connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow, 1986. 143 p.
17. Tripol'skaya T. A. Yazykovaya interpretatsiya chuzhoy otsenki [Language interpretation of someone else's evaluation]. *Govoryashchiy i slushayushchiy: yazykovaya lichnost', tekst, problemy obucheniya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii (St. Petersburg, 26-28 February 2001)* [Speaker and listener: linguistic identity, text, learning problems: Proceedings of the International Scientific Conference (St. Petersburg, February 26-28, 2001)]. V. D. Chernyak (ed.). St. Petersburg, 2001, pp. 315–322.
18. Hare P. M. Deskriptsiya i otsenka [Descriptions and evaluation]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1985, vol. 16, pp. 183–195.
19. Sheydayeva S. G. *Kategoriya sub'yektivnoy otsenki v russkom yazyke: avtoref. dis... dokt. filol. nauk* [Category of subjective evaluation in Russian: Doct. philol. sci. thesis diss.]. N. Novgorod, 1998. 41 p.
20. Yagubova M. A. *Leksiko-semanticheskoye pole «Otsenka» v russkoy razgovornoy rechi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-semantic field «Evaluation» in the Russian speaking: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 1992. 21 p.
21. Stich S. Moral Philosophy and Mental Representation. *The Origin of Values*. M. Hechter, L. Nadel, R. E. Michod (eds.). New York: Aldine de Gruyter, 1993, pp. 215–228.
22. Strawson P. F. Identifying reference and truth-values. *Theoria*, XXX, 1964, pp.96–118.
23. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov. [Problem of speech genres]. *M. M. Bakhtin. Sobraniye sochineniy. T. 5. Raboty 1940 – nachala 1960-kh godov* [Works. Vol. 5. Works of 1940 – beginning of 1960]. Moscow, 1997, pp. 159–206.
24. Slyshkin G. G. Rechevoy zhanr: perspektivy kontseptologicheskogo analiza [Speech genre: Prospects of conceptology analysis]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Demytyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 34–49.
25. Bhatia Vijay K. Applied genre analysis: a multi-perspective model. *Ibérica*, 2002, no. 4, pp. 3–19.
26. Apresyan Yu. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The image of the person according to language: an attempt to describe the system]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the study of language]. 1995, no. 1, pp. 37–67.
27. Balashova L. V. *Russkaya metaforicheskaya sistema v razviti: XI-XXI vv.* [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]. Moscow, 2014. (Studia Philologica).
28. *Yazyk o yazyke* [The language of the language]. Moscow, 2000. 624 p.
29. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 88–99.
30. Demytyev V. V. *Faticheskoye rechevye zhanry* [Phatic speech genres]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the study of language]. 1999, no. 1, pp. 37–55.
31. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoy rechi* [The theory of speech genres and actual processes of the modern speech]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the study of language]. 2015, no. 6, pp. 78–107.
32. Borissova I. N. *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue: the structure and dynamics]. Yekaterinburg, 2001, 430 p.
33. Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvicej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* [Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect]. Moscow, 1999. 396 p.
34. Khoreshko O. N. *Zhanrovyy aspekt polozhitel'noy otsenki litsa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Genre aspect of a positive assessment of the person: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2005. 125 p.
35. Fedosyuk M. Yu. *Issledovaniye sredstv rechevogo vozdeystviya i teoriya zhanrov rechi* [Research means of speech influence and theory of speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 66–88.
36. Fedosyuk M. Yu. *Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the study of language]. 1997, no. 5, pp. 102–120.
37. Fedosyuk M. Yu. *Semantika sushchestvitel'nykh rechevoy deyatelnosti i teoriya zhanrov rechi* [The semantics of nouns of speech activity and theory of speech genres]. *Russkoye slovo v yazyke, tekste i kul'turnoy srede* [Russian word in language, text and cultural environment]. Yekaterinburg, 1997, pp. 60–73.
38. Nikitina L. B. *Obraz-kontsept «homo sapiens» cherez prizmu zhanrov russkoy rechi: sententsiya, portretirovaniye, odobreniye, poritsaniye* [Image-concept «homo sapiens» through the prism of Russian speech genres: maxim, portraiture, approval, disapproval]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Demytyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 241–251.
39. Nikitina L. B. *Yazykovoy obraz pozhilogo cheloveka cherez prizmu otsenochnykh rechevykh zhanrov* [The language image of an elderly man in the light of the

evaluating speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2014, no. 1-2(9-10), pp. 89–96.

40. Nikitina L. B., Malyshev K. Yu. Rechevoy zhanr nauchnoy retsenzii cherez prizmu kategorichnosti otsenki [Speech genre of scientific review in the light of categorical evaluation]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2015, no. 2(12), pp. 72–79.

41. Dementyev V. V. Novyye dvukhreplikovyye internet-anekdoty: obyryvaniye oshibok kommunikativnoy pragmatiki [New two-phrases Internet jokes: playing on mistakes of communicative pragmatics]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice], 2016, no. 2, pp. 88–109.

42. Dementyev V. V. Internet-anekdoty: nekotoryye strukturnyye tipy [Internet jokes: some structural types] (in press).

43. Guts Ye. N., Leont'yeva O. A. Zhanrovo-kompozitsionnyye osobennosti sochineniya YeGE kak predmet ortologicheskogo issledovaniya (k probleme yazykovoy lichnosti vypusknika shkoly) [Genre-composite features of the exam works as a subject of study orthological (to the problem of linguistic personality of the graduate school)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 7. Saratov, 2011, pp. 210–218.

44. Shmelev A. D. Russkiye rechevyye zhanry izvne i iznutri [Russian speech genres from the outside and from the inside]. *Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 6: Rechevyye zhanry sovremennogo obshcheniya: sb. dokladov / In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN* [Russian language today. Vol. 6: Speech genres of modern communication: Institute of Russian Language of Academy of Sciences n.a. V. V. Vinogradov]. Moscow, 2015, pp. 372–380.

45. Orlova N. V. Zhanry razgovornoy rechi i ikh «stilisticheskaya obrabotka»: k voprosu o sootnoshenii stilya i zhanra [Genres speaking and their «stylistic treatment»: the question of the relationship of style and genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 51–56.

46. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow, 2016. 440 p. (Studia philologica).

47. Bagdasaryan T. O. *Tonal'nyj komponent modal'nosti v kommunikatsii (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov)* [Tonal component in the

communication modality (in the English and Russian language). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Krasnodar, 2000. 20 p.

48. Bagdasaryan T. O. Tonal'nost' kak komponent modeli rechevogo zhanra (na materiale rechevogo zhanra «ugroza») [Tonality as a components of a model of speech genre (based on the speech genre «threat»)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 240–245.

49. Karasik V. I. Kommunikativnaja tonal'nost' [Communicative tonality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 81–94.

50. Dementyev V. V. Nekotoryye metodologicheskiye printsipy izucheniya rechezhanrovyykh zaimstvovaniy [Some methodological principles of studying of speech genres borrowing]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov: Nauchnyy zhurnal. Seriya Lingvistika* [Russian journal of Linguistics. Vestnik RUDN], 2016, no. 1, pp. 7–24.

51. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic-cognitive concepts and meta-concepts]. Volgograd, 2004. 128 p.

52. Dementyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, 2013. 336 p.

53. Guseynov A. A., Apresyan R. G. *Aetika* [Ethics]. Moscow, 1998. 472 p.

54. Karasik V. I. *Jazykovo-lichnost', koncepty, diskurs* [Linguistic Circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002. 476 p.

55. Bratus' B. S. *Nravstvennoye soznaniye lichnosti (Psikhologicheskiye issledovaniya)* [The moral consciousness of personality (Psychological Research)]. Moscow, 1985, 64 p.

56. Il'in I. A. *Put' k ochevidnosti* [Path to the evidence]. Moscow, 1993, 432 p.

57. Dementyev V. V. «Lurkomor'ye» vs. «Vikipediya» = «neformal'no» vs. «formal'no»? [«Lurkmore.ru» vs. «Wikipedia» = «informally» vs. «formally»?]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2015, no. 1(11), pp. 137–151.

58. Searle J. R. *Priroda intentsional'nykh sostoyaniy* [Nature of intentional states]. *Filosofiya, logika, yazyk* [Philosophy, logic, language]. Moscow, 1987, pp. 48–95.

Статья поступила в редакцию 31.08.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Деметьев В. В. Аксиологическая генеристика : аспекты проблемы «оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. №2. С. 9–24. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24

FOR CITING

Dementyev V. V. Axiological genistics: aspects of a problem «evaluation and genre». *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 9–24. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24 (in Russian).

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32

Л. Р. Дускаева
Санкт-Петербург, Россия

L. R. Duskajeva
St.-Petersburg, Russia

О ЖАНРОВЫХ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЯХ

ABOUT GENRE TEXT CATEGORIES

Аннотация. В статье обосновывается введение в анализ речевых жанров понятия жанровой категории, которое помогает описать их лингвистическую определенность. Жанровые категории выделяются не на грамматической, а на экстралингвистической основе. Предлагается речевой жанр описывать тремя видами категорий – диалогичности, иллокутивности и референтности. У каждой из категорий имеется свое поле разноразрядных языковых единиц, композиционных приемов и невербальных средств. В силу вариативности семантики диалогичности, иллокутивности и референтности в речевых жанрах поля этих категорий неоднородны и разделяются на микрополя. Взаимодействием средств полей диалогичности, иллокутивности и референтности выражается тематическая и композиционная специфика речевого жанра.

Ключевые слова: речевой жанр, жанровая текстовая категория, диалогичность, иллокутивность, референтность.

Abstract. The article proves the introduction of genre category concept into the speech genres analysis which helps to describe the linguistic definiteness of the genres. Genre categories are distinguished not on grammatical, but on an extralinguistic, intentional basis. Three types of categories – dialogism, illocution, and referentiality are offered for description of speech genres. Each category has its field the of different language units, composition methods, and nonverbal means. Owing to variability of dialogism, illocution, and referentiality semantics in speech genres, the fields of these categories are heterogeneous and divided into microfields. Interaction of means of dialogism, illocution and referentiality fields reveals substantial and semantic structure of a speech genre.

Keywords: speech genre, genre text category, dialogism, illocution, referentiality.

Сведения об авторе: Дускаева Лилия Рашидовна, доктор филологических наук, зав. кафедрой речевой коммуникации.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций».

E-mail: lrd2005@yandex.ru

About the author: Duskajeva Liliya Rashidovna, Head of the Department of Speech Communication, Doctor of Philology.

Place of employment: Saint-Petersburg State University, Institute «Higher School of Journalism and Mass Communication».

Постановка проблемы

Активизированное работами М. М. Бахтина, лингвистическое жанроведение вот уже два десятилетия в центре внимания большого числа исследователей во всем мире [1–10]. В славянском жанроведении речевой жанр, вслед за М. М. Бахтиным, представляется как относительно устойчивый тематический, композиционный и лингвостилистический тип высказываний (текстов). Главное организующее начало речевого жанра – его интенция, или «речевая воля» говорящего. Речевой жанр рассматривается элементом более крупной системы – дискурса [6 ; 11].

В ходе анализа журналистского дискурса мы обнаружили, что он организован иерархией интенций. Это отражается в дифференциации на группы (информирующую, оценочную и по-

будительную), групп – на жанры, жанров – на последовательности речевых действий [12]. В частности, среди информирующих целеустановок жанрообразующими являются: Сообщение о ходе события, о причине события, об итогах события; Описания нового объекта, места ситуации, результата взаимодействия субъектов; Передача чужого высказывания, ответного высказывания; Представление неизвестной аудитории персоны и напоминание об уже известной персоне. Каждая из названных жанрообразующих целеустановок выражается набором частных типовых речевых действий. Например, журналистский речевой жанр «Сообщение о ходе события» состоит из интеракций, вопросная часть которых развивает повествование: что предшествовало событию? Какие элементы составляют событие? Чем за-

кончилось и какие последствия оно имело? Сообщение представляет собой повествование, в котором можно выделить части, содержащие ответы на поставленные вопросы [12]. Как модель тематически связанных текстовых фрагментов представляют речевой жанр и другие исследователи.

Однако мы оказываемся перед проблемой: а как лексико-грамматические средства участвуют в организации композиции речевых жанров? В частности, эту проблему ставит в своей работе А. А. Кибрик, формулируя ее следующим образом: «С лингвистической точки зрения, центральный вопрос теории жанров состоит в том, можно ли определить тот или иной жанр в терминах языковой структуры» [13]. Языковую сущность жанровой схемы можно определять с помощью единиц анализа, способных отразить отбор и комбинацию (комбинаторику) языковых средств в жанре.

Таким единицами анализа способны выступить жанровые текстовые категории, использование которых в стилистическом анализе речевых жанров свяжет их с языковой системой. В статье предполагается обосновать выделение **жанровых семантико-стилистических категорий** и продемонстрировать отбор и комбинацию языковых средств в речевом жанре как текстотипе.

Этапы изучения текстовых категорий

Развитие идей категориальной лингвистики текста шло в языкознании постепенно. Изменялись представления о характере репрезентации категорий, об их объеме, критерии выделения. В лингвистике можно выделить несколько этапов становления категориальной теории текста:

1) формирование полевого подхода к систематизации средств выражения категорий (А. В. Бондарко),

2) обоснование категориального подхода к изучению текстуальности (И. Р. Гальперин, А. Ф. Папина, З. Я. Тураева, Т. В. Матвеева),

3) оформление экстралингвистического типологического подхода к выделению категорий (М. Н. Кожина).

Каждый из этих этапов знаменовал изменение подхода к выделению категориальной семантики, что неизбежно преобразовывало характер обобщений, заложенных в категориях.

Первоначально у грамматических категорий было зафиксировано два признака: 1) общность значения у единства противопоставленных языковых средств одного уровня и 2) вариативность языковых форм его выражения. Такими категориями назывались, в частности, падеж, род и число у существитель-

ных, время, залог у глагола и т.д. Вместе с развитием взгляда на язык как на функционирующую, действующую систему потребовалось выделение не только оппозиционно-дихотомических категорий, но и *градуальных* [14]. Вместе с тем обнаруживались новые системные отношения между лингвистическими явлениями. Так, в работах А. В. Бондарко зарождается теория функционально-семантических категорий (ФСК), в которой описание грамматики началось в направлении «от смысла – к средствам». В качестве важнейших категориальных признаков лингвистических явлений были выделены,

во-первых, наличие инвариантного категориального значения, выражаемого *вариантно*;

во-вторых, присутствие в них не только противопоставленности, но и *градуальности* вариантных значений;

в-третьих, способность категориального значения эксплицироваться *разноуровневыми* языковыми средствами;

в-четвертых, полевая системность приемов и средств, которые выражают категориальное значение (наличие ядра и периферии).

Обнаружение полевой структуры категории было серьезным открытием А. В. Бондарко: структура функционально-семантического поля, в отличие от понятийного, имеет языковую материализацию и определяется соотношением значений. Были выделены поля категорий таксиса, бытийности, субъектности, локативности, причины и т.п. Но эти категории еще не предназначались для анализа текста.

На **втором** этапе, с развитием лингвистики текста, задача категориального изучения языка существенно расширилась. Достижением категориальной лингвистики на втором из выделенных нами этапе стало существенное уточнение важнейших категориальных признаков лингвистических явлений:

- утверждение идеи о речевой природе текста;

- выделение текстовых категориальных значений, что в последующем позволило перейти к описанию текстотипических свойств (Т. В. Матвеева);

- обнаружение среди репрезентантов собственно композиционно-текстовых приемов, в том числе имплицитно выраженных.

Выдвижение этих идей явилось предпосылкой для последующего типологического анализа текстов.

Однако вполне закономерно был поставлен вопрос о возможности выделения категорий не только универсальных, но и *специфических* для того или иного речевого свойства. Новым этапом в развитии категориальной лингвистики стало ее развитие в трудах М. Н. Кожиной. Категории определялись ученым как

инструмент описания своеобразия речевой манеры в разных сферах общения и их разновидности. Под категорией при этом рассматривалась «система равноуровневых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов) на основе выполнения ими единого коммуникативного задания» [15 : 148]. Особенно важно уточнить: объединение языковых средств разных уровней предложено осуществлять в таких категориях не по семантико-грамматическому принципу, а по **коммуникативно-функциональному**: на основе выполнения в типовом тексте его функции. Такое функциональное значение выходит в более широкий экстралингвистический контекст, и исследование не ограничивается лишь системно-функциональным аспектом языка. Кроме того, одним из критериев определения у конкретных ФССК его центральных и периферийных – в поле – средств является показатель значимости для выражения той или иной семантики.

Рассмотрев категории функционально-грамматические, текстовые и функционально-семантические, важно подчеркнуть, что лишь последние формируются на экстралингвистической, функционально-смысловой основе. Смысловая общность средств, входящих в категорию, – это не соотносимость с тем или иным значением, лежащим в основе грамматической категории, но функционально-смысловая близость единиц в процессе реализации в тексте соответствующего экстралингвистического фактора [16]. Категории функционального плана позволяют представить качественную определенность речевого явления, а потому могут быть рассмотрены как инструмент типологического изучения текстов.

Чтобы установить качественную лингвистическую определенность речевого жанра, представляется правомерным выделение собственно **жанровых категорий**, отражающих специфику выражения каждого речевого жанра. Такие категории показывают особенности отбора и комбинации языковых средств разных уровней, текстовых и невербальных, создающих композитивную целостность отдельного речевого жанра.

Жанровые семантико-стилистические категории

В определении речевого жанра ведущей для нас стала идея М. М. Бахтина о диалогичности, опираясь на которую в речевом жанре мы видим устойчивую типовую для дискурса текстовую **форму речевого реагирования** на предыдущее высказывание. Качественную оп-

ределенность речевого жанра формирует система категорий: а) диалогичности, которая показывает характер связи речевого жанра с предыдущим высказыванием и последующей его интерпретацией; б) иллокутивности, выражающая ключевой иллокутивный смысл представленного в жанре авторского обращения к адресату; в) референтности, репрезентирующая предметное поле речевого жанра. Следовательно, средства трех видов категорий формируют жанровую специфику: **диалогичности, референтности и иллокутивности**, находящиеся, с одной стороны, в иерархических отношениях, с другой стороны, в отношениях взаимодействия и пересечения.

Категория диалогичности – наиболее общая и наиболее широкая среди выделенных жанровых категорий. Отражая собственно коммуникативную функцию языка, она представляет характерную для речевого жанра в массмедиа структуру речевой коммуникации:

информационный повод для публикации (предыдущее сообщение) ↔ новое сообщение в том или ином речевом жанре ↔ ориентация на адресата.

Значит, средства этой категории демонстрируют типовую для данного речевого жанра логику взаимодействия смысловой позиции автора со смысловыми позициями других участников коммуникации. Важнейшими для выражения категории диалогичности средствами выступают текстовые композитивные единицы – интеракции вопрос – сообщение (основные в информирующих жанрах), сообщение – его оценка (ведущие в оценочных жанрах), сообщение – побуждение (важнейшие в побудительных жанрах). Композиционную структуру как монологических, так и диалогических журналистских текстов мы рассматриваем как последовательность интеракций, отражающую достижение коммуникативной цели во взаимодействии автора и адресата [об этом писали в разных работах, подробнее в : 5]. В монологических текстах эти интеракции могут быть двухкомпонентными (если и реплика-стимул, и реплика-реакция представлены), а могут быть однокомпонентными, если одна из реплик лишь подразумевается.

Текстообразующими в речевом жанре являются языковые средства и приемы, указывающие на промежуточное положение речевого жанра в коммуникации: 1) ввода и оценки чужой речи; 2) самой чужой речи, содержащей лексико-грамматические, синтаксические, пунктуационные, графические показатели «чуждости»; 3) логических отношений (модально-логических и предметно-логических) авторской смысловой позиции с чужими. Взаимодействие этих средств выстраивает двустороннюю композицию РЖ. Вариативно сочетаясь друг с дру-

гом и выстраиваясь в соответствии с жанровой логикой с помощью маркеров логических отношений, интеракции образуют разные типы текстов: описательные, повествовательные, аргументирующие, побудительные (ср. с т.н. пассажами в терминологии таких авторов, как Лонгакр, Грэссер и Гудман [17 ; 18]).

Далее, внутри интеракции передача жанрового содержания обеспечивается категориями, выражающими иллокутивное и референтное значения жанра. Иллокутивные категории презентуют направленные на эмоциональную и интеллектуальную сферу адресата интеллектуально-речевую волю адресанта и отношение субъекта речи к адресату и к предмету речи. Иллокутивные категории выражают целевую ментально-речевую направленность воздействия. Многообразные направленности мы свели к трем основным: 1) сообщения; 2) оценки; 3) побуждения. Каждый из видов сообщений (повествующий, описывающий, характеризующий персону, передающий чужую речь), оценок (согласие, возражение, похвала, хула, насмешка, полемика, одобрение, поддержка), побуждений (рекомендация, призыв, предложение, совет, инструкция, рецепт) выражается своим полем разноуровневых языковых средств. Характер интеракции определяется преобладанием репрезентантов категории с тем или иным значением. Эти категории (которые рассматриваются нами с функционально-смысловых, а не с грамматических позиций!), способствуют передаче авторского отношения к предмету речи и ключевой смысл обращения к адресату. Семантико-стилистические поля сообщения, оценки и побуждения для организации речевого жанра вступают во взаимодействие с полями референциальных значений речевых жанров.

Жанровые категории, выражающие референтное значение, т.е. предметное поле, на которое направлена иллокуция, варьируются в разных группах жанров. В информирующих речевых жанрах предметным полем выступают событие, ситуация, чужое высказывание или персона. В оценочных – объективно или субъективно существующие связи между событиями, проблемные ситуации в разных сферах социальной жизни, чужие высказывания и смысловые позиции отдельных персон. В побудительных – по-разному представленные модели действий. Лингвистическая специфика каждого из жанров выражается взаимодействием категорий, передающих его референциальный, модальный и композитивно-коммуникативный смыслы.

Поскольку категориальные смыслы вариативны, в поле каждой из категорий выделяются микрополя, эту вариантность отражающие. Как поле в целом, так и микрополя, его составляющие, передаются с помощью разноуровне-

вых языковых средств, текстовых приемов и невербальных способов – шрифтовых выделений, расположения на газетной полосе, инфографики. Тем самым речевой жанр предстает в медиа как поликодовый объект.

Категориально-лингвистический анализ проиллюстрируем на примере информационного портретного речевого жанра представления неизвестной ранее персоны аудитории.

Речевой жанр представления персоны

Обычно жанр представления относят к числу этикетных и его направленность ограничивают установлением контактов для последующего межличностного общения [19]. Ясно, что в журналистике РЖ представление имеет информирующее, осведомляющее значение, а не этикетное. Жанр представления в СМИ уместен в тех случаях, когда журналист знакомит с новой для массовой аудитории персоной, каким-то образом заявившей о себе. Представление в контексте нашей статьи мы рассматриваем как одно из речевых действий, дифференцирующее отдельный речевой жанр в ряду информирующих. Специфика этого речевого действия в журналистике может быть определена в ходе анализа развертывания текстов этого жанра. Как показывают наблюдения, представлять в СМИ кого-то – это сообщать о ком-то, предлагая информацию о нем вниманию аудитории, рекомендуя ей его, демонстрируя человека, выделяя в нем какие-то черты, преподнеся как интересную в каком-то отношении личность, а иногда подавая медиа свежую информацию о новом для них человеке и заинтересовывая в их в нем, предъявляя факты, воссоздавая отдельные сведения. Часто, если журналист ставит перед собой задачу – представить интересную в каком-нибудь отношении персону, он психологически подготавливает аудиторию, анонсируя последующее знакомство.

Примером информирующего представления персоны в журналистике может послужить речевая практика журнала «Форбс», где существует соответствующая рубрика (самые известные..., самые богатые... и т.п.). Покажем роль выделенных нами категорий в речевой структуре жанра представления на примере галереи информационных портретов, опубликованных в номере от 1 марта под общим заголовком «Богатейшие люди России» (Forbes. 01.03.2016) и общим вступлением:

Первая интеракция.

Американский Forbes во вторник, 1 марта, обнаружил ежегодный, 30-й по счету – юбилейный – рейтинг мировых миллиардеров. В список вошли 77 представителей России, на 11 меньше, чем годом ранее: крупный бизнес

продолжает нести потери из-за кризиса в экономике, обвала нефтяных котировок и санкционной войны с Западом. Возглавил российскую часть рейтинга – впервые в истории – совладелец «Новатэка» и «Сибура» Леонид Михельсон. Подробнее о десяти богатейших россиянах и четырех новичках из России в списке – в нашей галерее.

Далее следуют пронумерованные портретные тексты, сопровождаемые портретными фотографиями. Вторая интеракция – знакомство с персоной – оформлена в виде анкеты:

Леонид Михельсон
Состояние: \$14,4 млрд
Изменение за год: + \$2,7 млрд
Место в мировом рейтинге: 60

Михаил Фридман
Состояние: \$13,3 млрд
Изменение за год: – \$1,3 млрд
Место в мировом рейтинге: 63

И затем размещается третья интеракция – основной текст сообщения:

Леонид Михельсон – основной акционер крупнейшего независимого производителя газа в России «Новатэк» и нефтехимического холдинга «Сибур». Также он владеет миноритарной долей в Промсвязьбанке. Партнер Михельсона по «Новатэку» и «Сибуру» – Геннадий Тимченко. Еще одним совладельцем нефтехимического холдинга является Кирилл Шамалов, которого СМИ называют предполагаемым мужем Катерины Тихоновой, предполагаемой дочери Владимира Путина. Шамалов приобрел долю в «Сибуре» у Тимченко – после того, как против давнего знакомого президента России были введены американские санкции. В конце 2015 года китайская Sinopec купила 10% «Сибура» за \$1,3 млрд. Михельсон увлеченно коллекционирует предметы искусства и спонсирует выставки в России и США. Его отец был директором строительного треста Куйбышевтрубпроводстрой – крупнейшего в системе Министерства строительства нефтяной и газовой промышленности СССР.

Вместе со своими давними – еще со студенческих времен – деловыми партнерами Германом Ханом и Алексеем Кузьмичевым он контролирует «Альфа-групп», крупнейшую в России финансовую и промышленную инвестиционную группу. В 2013 году государственная «Роснефть» за \$28 млрд выкупила у Михаила Фридмана, Виктора Вексельберга и Леонарда Блаватника 50% нефтяной ТНК-ВР, которой миллиардеры владели на паритетных началах с британской ВР. Фридман от сделки выручил \$5,1 млрд. В 2013-м эти деньги частично пошли на запуск новой структуры «Аль-

фы» – холдинга LetterOne Holdings S.A. (L1), на балансе которого оказались иностранные активы инвестгруппы и которому был доверен контроль над сделками M&A за рубежом. В частности, L1 в 2015 году приобрел немецкую нефтегазовую компанию Dea RWE за \$5,7 млрд. Среди крупнейших проектов «Альфы» – второй по величине российский ритейлер X5, доли в телекоммуникационных холдингах VimpelCom и Turkcell. Уроженец Украины, Фридман в молодости перебрался в Москву для поступления в университет. В 1989-м вместе с Ханом и Кузьмичевым он основал компанию «Альфа-Эко», которая положила начало строительству одной из главных бизнес-империй России. Еще через два года партнеры создали Альфа-банк, ныне крупнейший частный банк в стране.

Как видим, модель речевого жанра составляют три сообщающие интеракции, которые презентуют категорию диалогичности. Информирование менее осведомленного – читателя (его роль – задавать вопросы) – осуществляет осведомленный журналист, отвечающий на гипотетические или явленные вопросы адресата, через три интеракции: 1. Анонс знакомства: передача полученной из другого источника информации, возбуждающей интерес адресата; 2. Само знакомство, когда журналист представляет персону – аудитория узнает о персоне; 3. Расширение информационного поля о персоне: аудитория получает дополнительные сведения о ней. Эти три композитива в самом общем виде дают представление о человеке. Внутри композитивов пространство «выстраивается» в результате взаимодействия средств категории иллюкативности и референтности.

Первый композитив речевого жанра

Категория диалогичности выполняет здесь композиционную роль. Заголовок и подводка вместе передают анонс будущего представления, выраженного двукомпонентной интеракцией РЖ: реагирующая ее реплика – это вводящая чужую речь авторская конструкция (выделена полужирным). Спровоцировала же все сообщение переданная ранее информация, пересказ содержания которой и составляет реплику-стимул. Структурируют интеракцию прежде всего средства категории диалогичности: выделенная в тексте полужирным вводка чужой речи представляет собой сочетание «субъект речи (американский «Форбс»)+глагол речи (обнародовал)+предмет речи (список)». Анонсирование представления как речевое действие эксплицировано в сочетаниях *подробнее о* (с пропущенным, но подразумеваемым и легко восстанавливаемым благодаря предлогу предикатом речи), *в нашей галерее*.

Иллокутивная категория представления выражена здесь как прежде всего выделение персоны, о которой информируют, среди прочих людей (уже в заголовке *Богатейшие люди России* используется прилагательное в превосходной степени) преподнесение уникальной в каком-то отношении личности (в рейтинге мировых миллиардеров, в список вошли 77 представителей, впервые в истории), а иногда подавая и заинтересовывая медиа в свежей информации о новом для них человеке (сообщается, что представленный человек богател вопреки «трем бедам» – кризису, обвалу котировок, потерям из-за кризиса).

Судя по первому фрагменту РЖ, референтная категория персональности включает три микрополя средств, передающих: а) номинации персоны (выраженные именами собственными *Леонид Михельсон*), б) ее дескрипции – (эксплицируемые грамматически разнообразными определениями *совладелец «Новатэка» и «Сибура», мировые миллиардеры, представители России*), в) действия или деятельность (называемые предикатами *возглавил*).

Второй композитив РЖ – важнейший в жанре, в нем сообщается имя персоны и дается минимальная о ней информация.

Категория диалогичности проявляется в вопросно-ответной форме фрагмента, которая заложена в анкете (любая анкета – это диалог задающего вопросы (неосведомленного читателя) – в текстах даны слева в столбик полужирным шрифтом – и журналиста (осведомленного лица), отвечающего на эти вопросы – ответы справа в столбик).

Иллокуция композитива – название имени представляемой персоны – выражена выделением номинационной цепочки (имя+фамилия) в отдельную строку.

Категория персональности выражена микрополем номинаций «героев» сообщений (*Леонид Михельсон, Михаил Фридман*), микрополем дескрипций (указанием на место в рейтинге – передано порядковым именем числительным, а также портретными фотографиями), микрополем выражения активности персоны (выражена именами числительными и другими условными обозначениями, указывающими на изменения состояния в минувшем году (в первом тексте *+\$2,7 млрд*; во втором тексте *– \$1,3 млрд*).

Третий композитив речевого жанра

Категория диалогичности выражена особой ее композиционно-текстовой формой – характеризующим персону описанием, которое строится с оглядкой на информационные интересы читателя. Описательный композитив

строится веерной связью идентифицирующих персону предложений.

Категория персональности в этом композитиве выражена:

- номинацией центральной в сообщении персоны и т.п.: именами собственными (*Леонид Михельсон, Михаил Фридман*), местоимениями (*он*), наименованиями должностного и финансового статуса и т.д. (*акционер, совладелец*), уточнениями биографических деталей (*уроженец Украины*),

- дескрипциями персоны: указывающими на родных (*его отец был директором ... – крупнейшего в системе ...*), сподвижников (*вместе с деловыми партнерами Германом Ханом и Алексеем Кузьмичевым*), покровителей (*партнер ... по «Новатэку» и «Сибуру» – Геннадий Тимченко; ... совладельцем является Кирилл Шамалов, которого СМИ называют предполагаемым мужем Катерины Тихоновой, предполагаемой дочери Владимира Путина*), выделяющими персону среди других и отчасти объясняющими причину ее финансового успеха; определяющими масштаб личности (*которму был доверен контроль*);

- демонстрацией действий персоны (показывающих ее сегодняшнее финансовое состояние, пространственное положение, социальный статус *контролирует «Альфа-групп», владеет долей, коллекционирует предметы искусства и спонсирует выставки, основал компанию, перебрался в Москву, от сделки выручил \$5,1 млрд., деньги частично пошли на запуск, приобрел немецкую нефтегазовую компанию Dea RWE за \$5,7 млрд, партнеры создали, сделками M&A*), характера действий (*увлеченно*), пространства действий (*в России «Новатэк» и нефтехимического холдинга «Сибур», в России и США, новой структуры «Альфы» – холдинга LetterOne Holdings S.A. (L1), за рубежом*). Используемые глаголы демонстрируют активность персоны прямо, если называют ее действия, либо косвенно, если демонстрируют активность других лиц, взаимодействующих с этой персоной.

Иллокутивное значение идентификации, выделение персоны среди прочих, характерное для данного композитива, проявляется в указаниях с помощью дескрипций на особые качества персоны, в подчеркивании ее высокого статуса, успешности (*основной, крупнейшего производителя, крупнейшую в России, среди крупнейших проектов, второй по величине российский ритейлер X5, крупнейший частный банк в стране, одной из главных бизнес-империй России*).

Заключение

Лингвистическая определенность речевых жанров может быть раскрыта введением поня-

тия жанровой категории, под которой понимается иерархическая взаимосвязь композиционно-текстовых приемов и разноуровневых языковых средств, передающих специфические для жанровой модели смыслы – коммуникативности, референтности и иллокутивности. Речевой жанр структурируется с помощью средств выражения диалогичности, референтности и иллокутивности. Средства каждой из категории могут быть представлены в виде функционально-семантического поля, включающего микрополя, поскольку диалогический, референтный и иллокутивный смыслы предстают в речевых жанрах вариативно.

Категория диалогичности выражает коммуникативную сущность языка. Средства ее презентации закрепляют местоположение речевого жанра в журналистской коммуникации, отражают трехчастную структуру коммуникативного акта, когда показывают типовую реакцию автора на предыдущее высказывание (информационный повод) и ориентацию журналиста на последующее читательское восприятие. Композитивными единицами выражения диалогичности являются интеракции, составляющие жанровую схему: вопрос – сообщение, сообщение – его дополнение или уточнение, сообщение – оценка, оценка – согласие или возражение, побуждение – выполнение действия или отказ выполнять его и т. п. В монологическом тексте интеракции выражаются или в двух компонентах (и репликой-стимулом и репликой-реакцией), или одним компонентом, если та или иная реплика подразумевается.

Иллокутивная категория передает целевую ментально-речевую направленность воздействия. Жанровые категории, выражающие референтное значение, т.е. предметное поле, на которое направлена иллокуция, варьируются в разных группах жанров.

В информирующих речевых жанрах представления персоны используются средства жанровых категорий диалогичности, персональности, иллокутивности представления. Дифференцирует жанры неодинаковое функционирование в них средств выражения иллокутивности и персональности.

В речевом жанре представления значимы средства микрополя номинации и дескрипции персоны, необходимые для того, чтобы впервые познакомить с персоной. Очень ограниченное микрополе активности представляют экзистенциальные глаголы в форме настоящего времени.

Таким образом, введение в анализ РЖ понятия жанровой категории помогает установить лингвистическую сущность речевого жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.
3. Bhatia V. K. Analysing genre : language use in professional settings. London ; New York : Longman, 1993. 236 p.
4. Gayda S. Geneologic typology of texts. ZN WSP w Opolu. Filologia Polska XXXI, Opole, 1993. Pp. 25–31.
5. Swales J. Genre analysis : English in academic and research settings. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 260 p.
6. Moessnar L. Genre, text type, style, register : a terminological maze. European Journal of English Studies 5(2). 2001. Pp. 131–138.
7. Wang S. Text types and dynamism of genres // Discourse, of Course : An Overview of Research in Discourse Studies. Amsterdam : John Benjamins, 2009. Pp. 81–92.
8. Witosh B. Linguistic study of genres. Problematic aspects. Katowice : University of Silesia, 2005. 215 p.
9. Vojtak M. Gatunki prasowe. Lublin, 2004. 250 p.
10. Corbett J. Genre and genre analysis // Encyclopedia of Language and Linguistics. J. Corbett. Amsterdam ; London : Elsevier, 2006. Pp. 26–32.
11. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : Либроком, 2013. 344 с.
12. Дускаева Л. П. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. 112 с.
13. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. URL : http://ilingran.ru/kibrik/Discourse_classification%40VJa_2009.pdf
14. Шелякин М. А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. М. : Наука, 1985. С. 37–49.
15. Кожина М. Н., Дускаева Л. П., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.
16. Кожина М. Н. Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / Под ред. М. Н. Кожиной. Т. 2, ч. 2. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. С. 3–15.
17. Longacre R. The discourse strategy of an appeals letter. In : Mann, William, and Sandra

A. Thompson eds. 1992. Discourse description. Amsterdam : Benjamins. Pp. 109–130.

18. Graesser A. C., Goodman Sh. M. Implicit knowledge, question answering, and the representation of expository text. In : Understanding expository text : A theoretical and practical handbook for analyzing explanatory text, ed. B. K. Britton and J. B. Black, 1985. Pp. 109–172.

19. *Формановская Н. И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М. : Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина; ИКАР, 1998. 293 с.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

2. Salimovsky V. A. *Zhanry rechi v funkcional'no-stilisticheskom osveshhenii (nauchnyj akademicheskij tekst)* [Speech genres in functional and stylistic study (Russian scientific academic text)]. Perm, 2002. 236 p.

3. Bhatia V. K. Analysing genre: language use in professional settings. London; New York: Longman, 1993. 236 p.

4. Gayda S. Geneologic typology of texts. ZN WSP w Opolu. *Filologia Polska XXXI*, Opole, 1993. Pp. 25–31.

5. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 260 p.

6. Moessnar L. Genre, text type, style, register: a terminological maze. *European Journal of English Studies* 5(2). 2001. Pp. 131–138.

7. Wang S. Text types and dynamism of genres // *Discourse, of Course: An Overview of Research in Discourse Studies*. Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 81–92.

8. Witosh B. Linguistic study of genres. Problematic aspects. Katowice, 2005. 215 p.

9. Wojtak M. *Gatunki prasowe*. Lublin, 2004.

10. Corbett J. Genre and genre analysis // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. J. Corbett. Amsterdam; London: Elsevier, 2006. Pp. 26–32.

11. Dijk van T. A. *Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikaciji* [Discourse and power: Representation of domination in language and communication]. Moscow, 2013. 344 p.

12. Duskaeva L. R. *Dialogicheskaja priroda gazetnyh rechevyh zhanrov* [Dialogic nature of speech genre]. Perm, 2004. 112 p.

13. Kibrik A. A. Modus, genre and other parameters of Discourse classifications. URL: http://ilingran.ru/kibrik/Discourse_classification%40VJa_2009.pdf.

14. Shelyakin M. A. *O edinstve funkcional'nogo i sistemnogo opisaniya grammaticheskikh form v funkcional'noj grammatike* [About unity of the functional and system description of grammatical forms in functional grammar] // *Problems of functional grammar*. Moscow, 1985. Pp. 37–49.

15. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovsky V. A. *Stilistika russkogo jazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, 2008. 464 p.

16. Kozhina M. N. *Obshhaja harakteristika tekstovyh kategorij v funkcional'no-stilevom aspekte* [A general characteristic of text categories in functional and style aspect (in relation to the scientific sphere of communication)] // *Sketches of history of scientific style of the Russian literary language. Volume II: Stylistics of the scientific text (general parameters). Part 2: Categories of the scientific text: functional and stylistic aspect*. Perm, 1998. Pp. 3–15.

17. Longacre R. The discourse strategy of an appeals letter. In: Mann, William, and Sandra A. Thompson eds. 1992. Discourse description. Amsterdam: Benjamins. Pp. 109–130.

18. Graesser A. C., Goodman Sh. M. Implicit knowledge, question answering, and the representation of expository text. In: Understanding expository text: A theoretical and practical handbook for analyzing explanatory text, ed. B. K. Britton and J. B. Black, 1985. Pp. 109–172.

19. Formanovskaya N. I. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinic obshhenija* [Communicative-pragmatic aspects of units of communication]. Moscow, 1998. 293 p.

Статья поступила в редакцию 3.12.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дускаева Л. Р. О жанровых текстовых категориях // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 25–32. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32

FOR CITING

Duskajeva L. R. About genre text categories. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 25–32. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32 (in Russian).

ПЕРЕВОДЫ

УДК 81'38

ББК 81

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-33-40

С. Гайда
Ополе, ПольшаНАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. Термин и категория «национальный стиль» был введен в период предромантизма в Германии (Винкельман, Гердер, Гете) в ответ на радикальные социальные и культурные преобразования. В то время в Европе формировалось современное понимание нации, с образованием национальных сообществ и национальной идентичности, доминирующих над другими формами коллективной идентичности. В двадцатом веке принято считать, что нация не является сложившейся естественным образом общностью людей, а скорее культурным проектом – конструктом, основанным на идеологии и реализуемым в дискурсе (Геллнер, Андерсон, Хобсбаум).

Понятие национального стиля требует отхода от риторической (элокутивной) концептуализации стиля, основанной на противопоставлении языка и мышления (ср. *res vs. verba*). Оно теоретически обосновано в монистической традиции (ср. *Ganzeit*).

При новом, холистическом подходе, где стиль выступает как высший принцип организации выражения, национальный стиль пронизывает национальный дискурс (напр., текстуральные реализации национальной идентичности и национальной идеологии). Можно постулировать, что конкретные нации характеризуются своим уникальным восприятием социальной реальности, организации информации и структурирования взаимодействия, которое проявляется как социально поддерживаемые текстуральные формы.

Ключевые слова: стиль, элокутивное vs. холистическое понятие стиля, национальный стиль.

Оригинал: Gajda Stanisław. Styl narodowy jako kategoria stylistyczna // *Stylistyka XXI*. 2012. S. 7–18.

Сведения об авторе: Гайда Станислав, профессор филологии, профессор Института полонистики и культурологии.

Место работы: Институт полонистики и культурологии в Ополе.

E-mail: stgajda@uni.opole.pl

S. Gajda
Opole, PolandNATIONAL STYLE
AS A STYLISTIC CATEGORY

Abstract. The term and the category of national style was introduced in the period of pre-romanticism in Germany (Winckelmann, Herder, Goethe) in response to radical social and cultural transformations. At that time in Europe, the modern understanding of the nation was being formed, with national societies being constituted and national identities dominating over other forms of collective identity. In the twentieth century, it was accepted that a nation is not a naturally formed community of people, but rather a cultural project – a construct based on ideology and realized in discourse (Gellner, Anderson, Hobsbawm).

The notion of national style requires a retraction from the rhetorical (elocutionary) conceptualization of style based on the opposition between language and thought (cf. *res vs. verba*). It is theoretically grounded in the monistic tradition (cf. *Ganzeit*).

In the new, holistic approach, where style is the highest organizing principle of expression (in terms of both content and form), national style is said to pervade national discourse (i.e. the textual realizations of national identity and national ideology). It can be postulated that specific nations are characterized by their unique perception of social reality, organization of information and patterning of interaction, which is evidenced in what is accepted as socially appropriate textual (stylistic, generic) forms.

Key words: style, elocutionary vs. holistic notion of style, national style.

About the author: Gajda Stanisław, Professor, Institute of Polish Studies and Cultural Studies.

Place of employment: Institute of Polish Studies and Cultural Studies, Opole.

1. Вводные замечания

Понятие и термин *национальный стиль* породила бурная эпоха рубежа Просвещения и романтизма в Германии. Эту категорию создала большая троица: Гердер – Гёте – Винкельман. Последний ввел термин.

Первые двое в работе «Несколько мимолетных замечаний о характере и искусстве немцев» (1773) развили идею «национального духа» (*Volksgeist*), выражающегося в языке и искусстве. Гердер в своем главном труде «Идеи к философии истории человечества»

© Гайда Ст., 2012

© Дементьев В. В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2016

(1784–1791), критикуя универсализм Просвещения, предлагает культурно-лингвистический релятивизм и исторический подход. Человечество развивается в общностях (семья, род, нация) и общается на языках, которые выражают разделяемое этими общностями видение мира. Каждое сообщество и его видение мира следует понимать исторически (ср. *Zeitgeist*) в контексте его внутреннего развития, а не рассматривать с точки зрения внешних, объективных и универсальных схем. Гердер подчеркивает «святость» каждого народа и его языка как уникального выражения национального духа [1]. У каждого народа есть духовная индивидуальность (Гегель).

Эти взгляды стали фундаментом для формирования и развития немецкого идеализма (Гаман, Шиллер, Кант, Гумбольдт, Гегель), представлявшего собой сплав философии, формального мышления, поэзии и интуитивных чувств и предчувствий. Он оказал сильное влияние на все европейское мышление, в том числе славян (применительно к Польше ср. [2–4]).

В постромантический период категория «национальный стиль» не исчезла полностью, но и не утвердилась в центре стилистического мышления (ее использует, в частности, неоидеалистическая стилистика, связанная с именами К. Фосслера и Л. Шпитцера). Ей также не благоприятствовала позитивистская интеллектуальная аура в науке, с точки зрения которой это понятие было смутным, расплывчатым, даже ненаучным, как и доминирование в стилистике элокутивной концепции стиля, а в XX веке, после опыта Первой и Второй мировых войн, опасения перед предполагаемым национализмом и включение ее в идеологические и политические контексты.

Оправдано ли сегодня использование этой категории? Какие аргументы говорят в пользу ее возвращения и обновления? Я предлагаю рассмотреть контекст рождения когнитивной (познавательной) категории национального стиля (§ 2) и ее сегодняшней актуальности и возможности «перевода» на язык современной науки (§ 3).

2. Нация – язык – стиль

2.1. Одним из основных факторов, определяющих появление категории национального стиля, было формирование в XVIII в. современной идеи нации. Она кристаллизуется с XVI в. вместе с «открытием» языкового разнообразия мира. В Европе идут «со-

циолингвистические» дискуссии о дефиците и богатстве отдельных языков и о их (сказочных) историях. Формируется методика их сравнения. Ищут связи между языком и национальным характером. Усиливается диглоссия «латинский язык / родной язык», причем позиция первого довольно быстро ослабевает. Уже в VIII–IX вв. он стал языком без сообщества носителей. Сфера его применения ограничивается людьми, представляющими *republicae litterarum*, то есть связанных с высокой культурой элит. Решающий удар нанесла Реформация и зарождающаяся современная наука, которые предпочитали родные языки.

Века XVII и XVIII – это уже время решительного триумфа «своих» языков. Подчеркивается их «совершенство», престиж, принимаются меры по их стандартизации – создаются нормативные грамматики и словари, организуются учреждения, охраняющие «чистоту языка», например, Академии во Флоренции (1582) и Париже (1635). Этому способствует также распространение печатной и образованной и растущий круг читателей книг и зарождающейся прессы, а также политические изменения, обусловившие возросшую потребность нации и национального языка. После 1750 г. сильнейшая до этого связь между государством и языком уступает свое место связи «нация – язык». Средневековая формула *gentem linguafacit* 'язык творит народ' приобретает новый смысл. Французская революция окончательно национализирует язык, делая его инструментом культуры нации и спаивая граждан в национальную массу. Мысль Гердера, что нация – это сообщество, выражающее себя на языке, прочно укоренилась в европейском мышлении (см. [5 ; 6]).

Таким образом, в конце XVIII в. сформировалась современная идея нации, а процесс политизации языка привел к его тесной связи с нацией и национальной идеей. Нацию считают явлением естественным, вечным, с этническими корнями, ставя знак равенства между нацией и обществом. Отсюда убеждение, что лучше всего, когда в общественной жизни реализуется формула: одна нация – одна страна – один язык. В Европе в XIX и XX вв. почти все крупные этносы, этнические группы претерпели опыт национального движения и добились успеха в виде хотя бы маленькой нации, маленькой страны и маленького языка (этот процесс еще не закончился!).

Кристаллизация национальной идеи сопутствует, наконец, формированию национального сообщества и национального самосознания как новой коллективной идентичности. Лояльность к нации и государству быстро выходит на первый план, по отношению к лояльности к семье, региону, династии. Понятие нации становится ключевым для XIX–XXI вв., занимая центральное место не только в публичном дискурсе и общественно-гуманитарных науках, но и в частном дискурсе, а определение *национальный* (*характер, стиль* и т.д.) употребляется во многих сферах общественной жизни (кухня, мода, искусство, экономика, наука, религия).

Вводя понятия духа, национального духа и духа времени, которые можно рассматривать как формы коллективной идентичности, немецкие романтики признали язык выражением этого духа. Этот дух проявляется также как органичное выражение автора в конкретных произведениях искусства, представляющих единство мысли и языка. Это единство обеспечивает стиль. Тем самым создается новая – холистическая (монистическая) – антириторическая концепция стиля.

Просвещение унаследовало традицию элокутивного понимания стиля. Первоначально для древних греков в язык входило все, что было сказано на языке (*logos*). Однако уже начиная с Парменида (540–470 гг. до н.э.) принято различать *res* и *verbum*. В риторике стиль связывали с *elocutio*, признавая его конструктивными элементами такие описательные категории, как тропы и фигуры. Лингвистика начиная с XIX в. заменяла их своими фонетическими, морфологическими, синтаксическими и лексикологическими категориями – ср., например, стилистику Ш. Балли и функциональную стилистику.

Романтическая революция с точки зрения стиля ознаменовала отход от элокутивной концепции, преодоление противопоставления мысли и языка. Стиль трактуется как *Ganzheit*. Были введены и новые интегративные категории. Риторика выделяла типовые стили, связанные с понятием *genus dicendi* (тип коммуникативной ситуации, ср. судебный, политический, похвальный тип высказываний), а также высокий, средний и низкий стили. Теперь вводят национальный стиль и стиль эпохи, руководствуясь мотивом зависимости от условий жизни (нации и времени). Ослабление мотива институциональности и повторяемости приводит к радикальному тезису (методологический инди-

видуализм), что стиль – это, в первую очередь, индивидуальность и уникальность. В духе тезиса Г. Л. Бюффона, что «человек – это стиль», вводится также категория индивидуального стиля.

Это новое, монистическое понимание стиля пыталась использовать неоидеалистическая школа литературоведческой стилистики (ср. тезис К. Фосслера: «Национальные языки как стили»). Что же касается лингвистической стилистики, формирующейся после «смерти» риторики (термин *стилистика* появляется в 30-е гг. XIX в.) в духе позитивизма, здесь у этой холистической концепции стиля не было шансов. На том этапе развития лингвистики не существовало оперативных понятий трактуемого так стиля. В результате риторическое наследие (элокутивное понимание) сохранилось, хотя и в новой упаковке (описательные аналитические лингвистические категории заменили категории риторические).

Настал XXI век. Ключевые для этих сообщений категории нации и стиля спустя двести лет оказались в новой когнитивной ситуации. Ее характеризует, в частности, кризис идеала современной науки и доминирование других познавательных парадигм, возникновение новых дисциплин и субдисциплин. В результате так наз. *лингвистического поворота* в философии XX в. (англ. *linguistic turn*) получил широкое признание тезис, что язык не столько отражает мир, сколько конструирует его образ. Нация и стиль поэтому представляют собой концептуально-(идеологически)-дискурсивные структуры.

В понимании категории нации уже в XIX в. наметилась оппозиция между так наз. *объективистами* и *субъективистами*. Первые определяют нацию путем эмпирической проверки (объективной) свойств, используя этнические, территориальные, исторические, политические, религиозные, экономические, культурные, языковые и т.д. критерии. Преимущество одного свойства над другим позволило выделить, с одной стороны, гражданские (политические) нации (в основном нации Западной Европы), с другой стороны – культурные («горячие») нации (в основном в Центральной и Восточной Европе, то есть в Европе славянской), см. [7]. Субъективисты же определяют нацию, ссылаясь на самосознание ее представителей, заявляющих о своей принадлежности к определенному национальному сообществу (ср. [8]). Нация тогда имеет плебисцитный характер. Отсюда

повышенный интерес к национальному самосознанию и национальной идеологии. Здесь можно искать источники неклассической, конструктивистской концепции нации как «воображаемого сообщества» [9] или такой, в которую верят, «изобретенной традиции» [10], ср. также тезис, что «национализм создает нации» [11].

Согласно классической концепции, нация является древней, первичной и естественной формой социализации, основанной на общности происхождения (крови, расы), языка, обычаев, судьбы. Новой является только национальная доктрина как сформулированная идея (идеология). Неклассическая концепция, родившаяся в конце XX в., признает нацию современным продуктом. Ею создала капиталистическая экономическая, административно-политическая, технологическая, а также культурная модернизация. Ее сопровождает параллельный процесс формирования идеологических практик, определяющих сознание, язык и другие компоненты культуры. Нация, таким образом, является культурным проектом – его создают люди, принадлежащие к одной и той же культуре (объективный фактор) и заявляющие о своей принадлежности к одной и той же нации. Более ранние формы социализации людей в виде семей, племен, этносов (этнических групп), народов, религиозных общин и т.д. не являются нациями, хотя и давали нациям определенную культурную основу. Однако только в современности появились ключевые для нации определяющие характеристики.

Формы возникновения нации (и ее конструирования) имеют свою культурную и историческую специфику, с которой сочетаются различные формы национальной идеологии (сознания). Это разнообразие пытаются типологизировать – ср., например, деление на политически-гражданские и культурные (этнично-органичные) нации. В последних национальная идея обычно предшествовала формированию современных государств (поэтому термин *национальное возрождение* применительно к славянским народам не кажется точным), а ее носители и стилизаторы – прежде всего интеллигенция, – болезненно неуверенные в себе, чаще всего апеллируют к узам крови, традиции, языка и т.д., ставя границы нации в зависимость от этнобиологических и этнокультурных структур. Творимая ими национальная философия восходит к романтизму.

Национальное сознание, следовательно, представляет собой сложный конгломерат верований и убеждений, являющийся плодом взаимодействия различных факторов и процессов. Очевидна его эволюция от идеи нации и национальной идеологии, задача которых – помочь сплотить общество, преодолеть его разнородность, до национальной идентичности, через призму которой люди упорядочивают мир. Даже если принять тезис, что нации создаются в основном сверху, то для непрерывной поддержки национального (мета)-сознания необходим набор ценностей, норм и образцов, а также практик, проявляющихся в общественной и частной жизни (ср. типы поведения снизу: на спортивных мероприятиях, избирательных кампаниях, государственных и религиозных праздниках, в армии, рекламе).

Аналитическому пониманию национального самосознания служили и служат в разное время и в разных аспектах различные понятия, как более синтетические, так и более конкретные – ср., с одной стороны, национальный дух, национальный характер, национальную картину мира, а с другой – миф, стереотип, концепт. Дух у Гердера и Гете (*Volksgeist*), выражающийся в языке и искусстве, восходит к понятию духа у Лейбница и Канта как основы творческого мышления людей [12 : 68] и основы чувственно воспринимаемого представления идей. Термин *дух* обозначает поэтому далеко ведущую связь с термином *символическая культура*.

Таким образом открывается путь к десубстанциализации нации и признанию ее в качестве идеологически-дискурсивного конструкта (ср. так наз. лингвистический поворот (*linguistic turn*), культурный поворот и дискурсивный поворот). Уже К. W. Deutsch [13] определил нацию как «сообщество комплементарных коммуникативных навыков». Это сообщество является фундаментом национальной культуры. Продолжением этого типа мышления является концепция дискурса М. Фуко и ее развитие в различных направлениях.

3. Стиль в стилистике

Понятие стиля относится к тем понятиям в гуманитарных науках, которые характеризуются исключительной сложностью и нечеткостью содержания. Сегодня оно функционирует в дискурсе многих дисциплин. Оно имеет богатую историю, восходящую к античности. Несмотря на попытки его «убий-

ства», оно по-прежнему «живет», демонстрируя познавательную полезность и жизнеспособность. Оно остается открытым для новых элементов, которые более или менее модифицируют его содержание. В результате термин *стиль* аккумулировал много значений. Когда говорят о стиле, могут «иметь в виду все эти значения одновременно или по отдельности» [14 : 154]. Трудно ожидать, что эту полиморфию удастся четко упорядочить в виде нескольких независимых, не пересекающихся друг с другом и четко определенных значений. Даже тщательный анализ истории этого термина (см., напр.: [15]) не позволяет сделать окончательных выводов о его текущих и будущих способах употребления.

Термин *стиль* в позднесредневековой латыни и в развивающихся современных западных литературных языках чаще всего функционирует в значении ‘способ действий, деятельности’, что заложило основу для его использования во многих областях человеческой деятельности. В эпоху Возрождения, в результате углубленного изучения античного наследия, возрождается его отнесение к вербальным текстам и поведению. В стилистике XIX и XX вв. его переосмысливают по-разному в разных концепциях стиля, например, стиль как украшение, отклонение, выбор.

На лингвистической основе в концепциях стиля и в семантике термина *стиль* прослеживаются оппозиции, такие как индивидуальность и типичность, свобода и необходимость, отклонение и норма, монизм и дуализм, а также редукционизм и холизм. В стилистической традиции последних двухсот лет безусловно преобладает понимание стиля, вытекающее из дуализма мышления и языка и соединяющее его с планом выражения – ср. соответствия: *содержание* и *форма*, *материя* и *способ*, *содержание* и *выражение*. Тем самым продолжается риторическое противопоставление *res* и *verba*, а также *inventio*, *dispositio* и *elocutio*. Гораздо слабее оказалась монистическая традиция, являющаяся производной от немецкого романтизма и поддерживаемая неоидеализмом и неогумбольдтианством, а в последнее время – когнитивизмом. Влияния этой традиции, однако, не избежали многие исследователи позитивистско-структуралистской ориентации (К. Гаузенблас, М. Н. Кожина, Ф. Мико, М. Р. Маенова, Е. Бартминьский, Ст. Гайда).

Множественность и разнообразие концепций стиля имеет свое обоснование – онтологическое (языковая реальность сложна, многомерна и изменчива во времени) и эпистемическое (эта реальность не поддается познанию, сопротивляется, «требует» аспектации взгляда и «естественного релятивизма»). Эти понятия составляют поле, на полюсах которого находятся редукционизм и холизм (например, традиция *Ganzheit* и *Gestalt*). Познавательный редукционизм дает простое (упрощенное) и ясное представление объекта. Как правило, несколько его атрибутов принимаются за целое, остальные трактуются как вторичные эманации. Довольно много структуралистских концепций стиля характеризуются таким познавательным редукционизмом, абсолютизирующим некоторые атрибуты. Поэтому так трудно найти общепризнанное определение стиля.

Холистические концепции, направленные на целый, комплексный подход, исходят из предположения, что сложность объекта не может быть редуцирована до одного или нескольких аспектов. Остается, однако, фундаментальная проблема, как исследовать такой сложный объект (языковую действительность, стиль). Это пытаются делать двумя способами: «склеивая» различные подходы в более или менее целостные познавательные конструкции или создавая новые холистические концепции меж- и трансдисциплинарного характера. Главная трудность при создании холистического подхода связана с тем, что многомерная языковая действительность представляет собой неиерархизированный феномен. Его измерения онтологически равно первичны и взаимно нередуцируемы, хотя и неразрывно связаны друг с другом. Поэтому они не могут быть изолированы, поняты независимо друг от друга – языковая действительность не является ни простой суммой, ни типичной структурой с иерархическими, причинно-следственными и / или интерактивными отношениями. Поэтому мы должны искать новые теоретико-методологические решения, в том числе обращаясь к достижениям интенсивно развивающейся теории сложных объектов (см. [16–18]).

На историю стилистического мышления стало привычным смотреть (как и на историю всей науки), либо подчеркивая преемственность и гармонию, либо отмечая революции (сломы и откаты). Между звеньями этой истории, то есть концепциями (теориями) стиля, или видят, или исключают

связь. Однако взгляд с долгосрочной перспективы часто смягчает оппозиции и позволяет увидеть взаимодополняемость. Избрав интегративный подход, можно построить такую концепцию стиля, которая использует много элементов стилистической традиции. Отправной точкой интегративной стилистики могут послужить следующие положения (см. [19]):

1. Стиль связан с человеческой деятельностью и ее продуктами, в том числе с деятельностью коммуникативно-языковой и текстами. Эта деятельность по своей природе имеет социальный характер, осуществляется в определенном интерактивном, а также историческом и культурном контексте. Этот контекст не может быть отделен от стиля.

2. Люди, вступающие во взаимодействие, привносят в него свои *Я*, но не столько в категориях отдельных индивидуальностей, сколько в виде более или менее интегрированных связей, отношений и функций. Человек действующий выступает и как творческий субъект (свободный *от* и свободный *для*), и как объект удовлетворения потребностей, вытекающих из назначенных ему (принятых им) ролей. Действия не всегда имеют в полной мере сознательный характер – в человеческой жизни преобладают автоматизированные типы поведения под контролем социальных норм. Таким образом, человеческий фактор – «*Я* в обществе», а не «*Я* и общество» и не «*Я* или общество» – является важным элементом концепции стиля.

3. Основой коммуникативного взаимодействия людей являются тексты как динамические и открытые знаковые единства (семантически и прагматически организованные). Стиль пронизывает текст, становясь его «душой» – самым высоким организационным принципом – и интегрируя различные его измерения. Ибо текст есть не только уникальное коммуникативное событие, но и элемент и представитель организованной социальной коммуникативной практики. С этой практикой связано формирование культурно и исторически обусловленных текстовых образцов (текстем). Стиль есть особая комплексная характеристика текста, пересекающаяся с набором таких его прототипных свойств, как когезия, когерентность и т.д. (см. [19–24]).

Здесь я хотел бы вспомнить свое предложение комплексной концепции стиля, сформулированной в начале 1980-х гг. (см.

[25]). Стиль был в нем определен как *гуманистическая структура текста*. Это предложение намечало программу исследований, думается, актуальную до сих пор. Развитие лингвистики текста, генологии, теории дискурса, когнитивистики и т.д. добавляет к этой программе много конкретизирующих элементов, но на пути к операционализации так понимаемого стиля еще много препятствий. Постулируемый в этой программе онтологически-эпистемический холизм по-прежнему остается идеалом. Идеалы создают в первую очередь для того, чтобы к ним стремиться.

4. Национальный стиль как типичный стиль

С античных времен операционализация сложного понятия стиля приводила к выделению двух типов категорий: аналитических (стилистические средства и стилистика средств) и интегративных (типы стилей и стилистика стилей). К риторическому репертуару средств (фигуры мысли и фигуры речи) стилистика добавила типичные лингвистические категории (ср. стилистику Ш. Балли), обогащая их вместе с развитием лингвистики. Содержание понятия стилистического средства зависит от принимаемой концепции стиля. В одних его сужают, сводя до так наз. маркированных лингвистических средств, в других – отождествляют с понятием текстообразующего средства, охватывающим языковые и неязыковые средства.

В стилистической типологии стилей выделяются три основных типа: стиль (конкретного) текста, индивидуальный (персональный) стиль и типичный стиль. Набор выделяемых до сих пор на разных основаниях типичных стилей очень богат, разнороден и открыт. Пожалуй, наиболее известные типичные стили – выделяемые еще в древние времена: высокий стиль – средний стиль – низкий стиль, а также разрабатываемая в функциональной стилистике (в основном в странах Центральной и Восточной Европы) категория «функциональный стиль», ср. разговорный стиль – художественный стиль – научный стиль – религиозный стиль и т.д. Среди типичных стилей оказался бы и национальный стиль.

О национальном стиле говорят также с точки зрения классических, элокутивных концепций стиля. Тогда его сводят к арсеналу стилистических средств. Содержание понятия стилистического средства зависит от принимаемой конкретной концепции сти-

ля. Различия в подходах касаются, в том числе, онтологического статуса стилистических средств (языковые – неязыковые), места в системе (системные – несистемные), объема (от фонетических до текстовых), способа функционирования (дистрибуция, количество). Чаще всего термин *национальный стиль* относится к использованию так наз. экспрессивных средств данного национального языка в так наз. маркированных текстах.

Гораздо более сложным является понятие национального стиля с точки зрения неклассической, холистической концепции стиля. Здесь он понимается как наивысший принцип, организующий единство текстов. Причем это единство охватывает категории, касающиеся содержательного, формального и прагматического измерений. Таким образом, мы имеем дело с очень разнообразными категориями, а также невероятным разнообразием подходов к отдельным измерениям. До сих пор не предложено последовательной и полной типологии когнитивных структур, тем более – в их отношении к плану выражения. Поэтому операционализация стиля, в том числе национального стиля, не является легкой задачей. В любом случае, требуется отход от трактовки стиля как неаналитического единства.

Отдельные национальные стили могут быть рассмотрены с внутренней и / или компаративной точки зрения. С внутренней точки зрения обращают на себя внимание тексты, в которых есть явное выражение национального самосознания, формирующие национальный дискурс на ту или иную тему. «Национальная программа», однако, может быть выражена имплицитно и не всегда осознанно. Отсюда приоритетного внимания заслуживают конституции, исторические обзоры, составляющие канон национальной литературы художественные тексты, общественно-национальная журналистика, программы общенациональных партий, коммуникативное поведение болельщиков (особенно во время международных соревнований) и т.п.

Особенно перспективной в изучении национальных стилей может стать сравнительная перспектива. Она имеет определенные традиции в структуралистской стилистике (ср. восходящие к концепции стиля Ш. Балли предложения: [26 ; 27]). Тем не менее, озарения немецких романтиков, а также Сэпира и Уорфа позволяет конкретизировать и операционализировать только

современная лингвистика (ср. достижения прагмалингвистики, лингвистика текста, лингвокультурологии, семантики, когнитивных наук), ср. предложения в [28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Herder J. G. Wybór pism. Wrocław, 1988.
2. Kocyńska Z. Język a poezja. Studia z dziejów świadomości językowej i literackiej oświecenia i romantyzmu. Wrocław, 1976.
3. Florczak Z. Europejskie źródła teorii języka w Polsce na przełomie XVIII–XIX w. Wrocław, 1978.
4. Kloch Z. Spory o język. Warszawa, 1995.
5. Burke R. Języki i społeczności w Europie wczesnonowoczesnej. Kraków, 2009.
6. Smith A. D. Etniczne źródła narodów, Kraków, 2009.
7. Meinecke F. Weltbürgertum und Nationalstaat. München – Berlin, 1907.
8. Renan E. Co to jest naród? // Respublika Nowa, 2005 [1982], №1, s. 135–144.
9. Anderson B. Wspólnoty wyobrażone. Kraków, 1997 [1983].
10. Hobsbawm E. J. Tradycja wynaleziona. Kraków, 2008 [1983].
11. Gellner E. Narody i nacjonalizm, Warszawa, 1991 [1983].
12. Przyłębski A. Pojęcie «ducha» w filozofii niemieckiej. Szkic problemu // Grzegorz A. i in. (red.) Fenomen duchowości. Poznań, 2006. S. 65–83.
13. Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication. Cambridge, 1953.
14. Compagnon A. Demon teorii, Literatura a zdrowy rozsądek. Gdańsk, 2010.
15. Castle E. Zur Entwicklungsgeschichte des Wortbegriffes Stil // GRM 6. 1914. P. 153–160.
16. Progovine I., Sengers I. Z chaosu ku porządkowi. Warszawa, 1990.
17. Coveney R, Highfield R. Granice złożoności. Poszukiwanie porządku w chaotycznym świecie. Warszawa, 1997.
18. Mainzer K. Poznawanie złożoności, Lublin, 2007.
19. Gajda S. Stylistyka integrująca // Poradnik Językowy, 2012, №6, s. 56–66.
20. Beaugrande de R., Dressler W. A. Wstęp do lingwistyki tekstu. Warszawa, 1990.
21. Dijk van T. A. Badania nad dyskursem // Dijk van T. A. (red.) Dyskurs jako struktura i proces. Warszawa, 2001. S. 9–44.
22. Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S. Tekstologia. Warszawa, 2009.
23. Gajda S. Tekst i styl // Prace Filologiczne. 2011. S. 109–118.
24. Gajda S. Teoria stylu i stylistyki // Style współczesnej polszczyzny. Przewodnik po stylistyce polskiej, red. E. Malinowska i in. Kraków : Universitas, 2013. S. 15–34.

25. Gajda S. *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym*. Warszawa-Wrocław, 1982.

26. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*, Paris, 1958.

27. Malblanc A. *Stylistique comparée du français et de l'allemand*. Paris, 1968.

28. Adamzik K. Główne zagadnienia tekstologii porównawczej // Bilut-Homplewicz Z., Czachur W., Smykała M. (red.) *Lingwistyka tekstu w Niemczech*. Wrocław, 2009. S. 211–258.

REFERENCES

1. Herder J. G. *Wybór pism* [Selection of writings]. Wrocław, 1988.

2. Kopczyńska Z. *Język a poezja. Studia z dziejów świadomości językowej i literackiej oświecenia i romantyzmu* [Language and poetry. Studies in the history of linguistic and literary consciousness of enlightenment and romanticism]. Wrocław, 1976.

3. Florczak Z. *Europejskie źródła teorii języka w Polsce na przełomie XVIII-XIX w.* [European sources of the theory of language in Poland at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries]. Wrocław, 1978.

4. Kloch Z. *Spory o język* [Disputes about language]. Warszawa, 1995.

5. Burke R. *Języki i społeczności w Europie wczesnonowożytnej* [Languages and communities in early modern Europe]. Kraków, 2009.

6. Smith A. D. *Etniczne źródła narodów* [Ethnic sources of nations], Kraków, 2009.

7. Meinecke F. *Weltbürgertum und Nationalstaat*. München – Berlin, 1907.

8. Renan E. Co to jest naród? [What is a nation?]. *Republika Nowa* [New Republic], 2005 [1982], no. 1, pp. 135–144.

9. Anderson B. *Wspólnoty wyobrażone* [Imagined Communities]. Kraków, 1997 [1983].

10. Hobsbawm E. J. *Tradycja wynaleziona* [Invented tradition]. Kraków, 2008 [1983].

11. Gellner E. *Narody i nacjonalizm* [Nations and Nationalism]. Warszawa, 1991 [1983].

12. Przyłębski A. Pojęcie «ducha» w filozofii niemieckiej. Szkic problemu [The concept of «spirit» in German philosophy. A sketch of the problem]. Grzegorz A. i in. (red.) *Fenomen duchowości* [The phenomenon of spirituality]. Poznań, 2006, pp. 65–83.

13. Deutsch K. W. *Nationalism and Social Communication*. Cambridge, 1953.

14. Compagnon A. *Demon teorii, Literatura a zdrowy rozsądek* [Demon of theory, Literature, and common sense]. Gdańsk, 2010.

15. Castle E. Zur Entwicklungsgeschichte des Wortbegriffes Stil. *GRM* 6. 1914, pp. 153–160.

16. Prologine I., Sengers I. *Z chaosu ku porządkowi* [From chaos to order]. Warszawa, 1990.

17. Coveney R., Highfield R. *Granice złożoności. Poszukiwanie porządku w chaotycznym świecie* [Limits of complexity. The search for order in a chaotic world]. Warszawa, 1997.

18. Mainzer K. *Poznanwanie złożoności* [Exploring the complexity]. Lublin, 2007.

19. Gajda S. *Stylistyka integrująca* [The integrative stylistics]. *Poradnik Językowy* [Language Guide], 2012, no. 6, pp. 56–66.

20. Beaugrande de R., Dressler W. A. *Wstęp do lingwistyki tekstu* [Introduction to text linguistics]. Warszawa, 1990.

21. Dijk van T. A. *Badania nad dyskursem* [Discourse research]. Dijk van T. A. (red.) *Dyskurs jako struktura i proces* [Discourse as structure and process]. Warszawa, 2001, pp. 9–44.

22. Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S. *Textologia* [Textology]. Warszawa, 2009.

23. Gajda S. *Tekst i styl* [Text and style]. *Prace Filologiczne* [Philological works], 2011, pp. 109–118.

24. Gajda S. *Teoria stylu i stylistyki* [Theory of style and of stylistics]. E. Malinowska et al. (eds.) *Style współczesnej polszczyzny. Przewodnik po stylistyce polskiej* [Styles of contemporary Polish speech. Guide to Polish stylistics]. Kraków, 2013, pp. 15–34.

25. Gajda S. *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym* [Fundamentals of stylistic research on the scientific language]. Warszawa-Wrocław, 1982.

26. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*, Paris, 1958.

27. Malblanc A. *Stylistique comparée du français et de l'allemand*. Paris, 1968.

28. Adamzik K. Główne zagadnienia tekstologii porównawczej [The main issues of comparative textology]. Bilut-Homplewicz Z., Czachur W., Smykała M. (red.) *Lingwistyka tekstu w Niemczech* [Text linguistics in Germany]. Wrocław, 2009, pp. 211–258.

Статья поступила в редакцию 20.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Gajda St. Национальный стиль как стилистическая категория // Жанры речи. 2016. №2. С. 34–42. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-33-40

FOR CITING

Gajda St. National style as a stylistic category. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 34–42. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-33-40 (in Russian).

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1'27(571.13-25)

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-41-48

А. А. Юнаковская
Омск, РоссияА. А. Yunakovskaja
Omsk, RussiaПОВСЕДНЕВНЫЕ ГОРОДСКИЕ ЖАНРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ
Г. ОМСКА)EVERYDAY URBAN GENRES
(CASE STUDY OF SPEECH OF
OMSK CITY RESIDENTS)

Аннотация. В статье рассматриваются речевые практики горожан начала XXI в. в неофициальной и полуофициальной сферах.

Для анализа используется ряд основных понятий: показатели повседневной устной разговорной речи, информативный уровень, интерактивность, разговорный жанр.

Анализ собранного материала показал, что при речевом взаимодействии «дома» проявляется модель «говорящий субъект – ситуация – предмет речи – слушающий», «вне дома» преобладает модель «говорящий субъект – ситуация – слушающий».

Для коммуникации в полуофициальной сфере характерно использование «ситуативного диалога» на основе определенной схемы общения, имеющей свое языковое выражение, уменьшение проявления «сильных» показателей разговорности, слабой интерактивности и информативности.

В неофициальной сфере более «свободную» форму имеют «домашние» диалоги и «непринужденные диалоги знакомых», которые отражают «открытое информационное пространство» с разной степенью интерактивности.

Для иллюстрации используются образцы речи жителей г. Омска.

Ключевые слова: повседневное общение, диалог, показатели разговорности, информативность, интерактивность, «свой» – «чужой».

Сведения об авторе: Юнаковская Алла Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, славянского и классического языкознания. Профессор РАЕ.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

E-mail: a.yunakovskaja@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the urban speech practices of the early twenty-first century in unofficial and semi-official spheres.

The following basic terms are offered: indicators of everyday oral colloquial speech, informative level, interactivity, colloquial genre.

The analysis of collected material has shown that at speech interaction "at home" the model «the speaking subject-a situation-a subject of the speech-listening» comes up; at «outdoors» interaction, the model «speaking subject – situation – listener» model prevails.

Use of "situational dialogue" is typical of semi-official sphere of communication which has its own linguistic expression, reduced «strong» indicators of conversationality, weak interactivity and informational content.

In the informal sphere, «home» dialogues and «casual dialogues of acquaintances» which reflect «open information space» with different degree of interactivity have more «free» form.

Speech samples of Omsk residents are used for illustration.

Key words: everyday communication, dialog, indicators colloquial speech, informativity, interactivity, «familiar» – «alien».

About the author: Yunakovskaja Alla Anatolevna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of Russian, Slavic and classical Linguistics. Professor of RANS.

Place of employment: Omsk State University.

В данной работе исходным является положение о том, что «язык – ключевой объект при анализе повседневности во всей ее полноте» [1 : 266]. При этом повседневность понимается как область «усредняемого быта, как стандартизируемое разнообразие речевых и коммуникативных практик, познавательных и поведенческих приемов. По-

вседневность – это сфера не высокого и не низкого бытия, но самодостаточного быта...» [2 : 89].

Выбор аспекта объясняется теоретической и практической причинами. Несмотря на тот факт, что изданная в 2007 г. хрестоматия «Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г.

Омска)» [3] представляет разнообразные «картинки» языкового быта конкретного города, актуальным становится изучение повседневной речи с точки зрения ее порождения, выделение закономерностей создания городских речевых произведений, схем ее создания и оформления в определенный тип текста.

До настоящего времени также остаются мало разработанными основы сбора материала устной разговорной речи (УРР) с точки зрения ее порождения и обретения определенной формы.

Для выбранного аспекта исследования УРР необходимо определиться с понятием «городские повседневные речевые практики», выяснить роль жителей города как коммуникантов в формировании речевого взаимодействия.

Не менее важным является понятие, отражающее результат речевой деятельности, – «текст». В лингвистической литературе к текстам относят не только произведения письменной речи (И. Р. Гальперин, Ю. В. Фоменко), но и конкретное проявление языка (Д. Н. Шмелев), живую речь (М. Н. Яценецкая). Уточняя данное положение, А. Ф. Журавлев отмечает, что «подавляющая часть текстов не пишется, а артикулируется», а текст «не только является вторичным по отношению к устной коммуникации, но и находится на периферии употребления языка» [4 : 85]. Поэтому весьма правомерным является использование понятия «разговорный текст», под которым понимается единица речевой, коммуникативной системы (А. И. Новиков), ориентированная на ситуацию речевой деятельности, определяемая отбором и композицией языковых средств. В результате формируется «сложное целое, созданное по определенным законам» [5 : 1990]. В данном случае следует говорить о жанровой форме или речевом жанре.

Основными характеристиками УРР как речевого потока являются «устность», «неофициальность», «спонтанность», «неподготовленность» и т.п. (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев, О. Б. Сиротина и др.), «диалогичность» (Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский), «тематическая полифония», «политематичность» (Е. А. Земская) («тематическая смесь» (Т. В. Матвеева), «тематическая разноплановость» (Е. Н. Ширяев) и т.п.).

Представленные в русистике подходы к пониманию разговорной речевой деятель-

ности и ее результатов можно расширить, учитывая характеристики «человека говорящего». Одной из них является «категория чуждости» (термин А. Б. Пенковского), отражающая степень «отдаленности» или «близости» коммуникантов («чужой», «чужой свой» (знакомый), «свой свой» (родной), «свой»).

Диалог является основной формой в неофициальной и полуофициальной сферах взаимодействия, что позволяет для его рассмотрения ввести понятие «интерактивность». Оно не является новым, т.к. начинает использоваться в социальной психологии в первой половине XX в. (от англ. *interaction* – взаимодействие). Согласно установке социальная интеракция возникает в результате координации действий взаимодействующих лиц, которые пытаются договориться и упорядочить схемы общения (Р. Сире). В дальнейшем лингвистическое понимание интеракционизма разрабатывали А. Л. Стросс и Э. Гоффман. В русистике данный подход также имел представление. Так, Н. Д. Арутюнова отмечала, что «всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата, что удовлетворение пресуппозиции адресата – одно из важнейших условий эффективности речевого акта...» [6 : 358]. В результате в науке сложилось представление о том, что речь, отражая последовательность высказываний, включается в интерактивный контекст. Для понимания речевого взаимодействия была предложена психолингвистическая модель: говорящий, слушающий, предмет речи (К. Бюлер). В современной лингвистике на ее основе создана «краткая модель» коммуникации («адресант – ситуация – адресат» (Е. Н. Ширяев) и «расширенная» («говорящий субъект – ситуация – предмет речи – слушающий»). При этом степень интерактивности (полная, частичная, неполная, нулевая) определяется «активной» или «пассивной» ответными позициями адресата.

В свое время Т. ванн Дейк интерактивность связывал с информативностью, т.к. при взаимодействии наполняемость реплики также имеет значение, которое определяется количеством получаемой информации, или сведений об окружающей действительности (в т.ч. о социальных объектах). При этом она трактуется в широком смысле (как всё содержание сообщения) и в узком смысле (как новое знание, имеющееся в тексте), а «полностью знакомый и понятый текст считается безынформативным» [7 : 48].

Данный подход является приемлемым. Для более глубокого анализа возможно введение понятия «информационное звено», которое отражает одну единицу информации, которая наряду с другими формирует «информационную цепочку» (термин Т. В. Матвеевой [5]). Она может быть как основной, так и дополнительной. При этом основная цепочка может содержать «имя темы» целого текста и проходить через весь текст, а дополнительные цепочки формируют ряд подтем. Данный подход уже имеет место в русистике (В. Г. Гак, Т. В. Матвеева и др.).

Изучение речевого взаимодействия с точки зрения информативности и интерактивности предполагает учитывать «говорящего» как инициатора и исполнителя текста и «слушающего» как влияющего на развитие диалога. В свое время М. М. Бахтин говорил о необходимости учитывать ответ на речь: «Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер (хотя степень этой активности может быть различной), всякое понимание чреват ответом и в той или иной степени порождает его, слушающий становится говорящим» [8 : 143]. Поэтому следует согласиться с положением о том, что «включение позиции слушающего в круг исследовательских интересов позволяет обратиться к тем проявлениям языковой динамики, которые находят как бы зеркальное отражение в текстообразующей деятельности слушающего» [9 : 8], что позволяет говорить о полной, частичной, неполной, нулевой интерактивности («обратной связи»).

Итак, сам процесс взаимодействия как способа и средства организации по определенному признаку речевой деятельности горожан попадает под понятие «городские повседневные речевые практики». Они зависят 1) от говорящих и их коммуникативных намерений, предмета речи, ситуации, коммуникативных навыков, 2) от используемых языковых средств и их организации и т.п.

Многолетние наблюдения над разговорной речью жителей г. Омска позволяют выделять в качестве *объекта* исследования «человека говорящего» и его «речевое существование» в городской среде. Результатом речевого взаимодействия горожан является «урботекст» (термин Е. А. Яковлевой), который должен рассматриваться с точки зрения социального и типового проявления. При этом должен учитываться обобщенный характеризованный тип адресата (термин

Н. Д. Голева) и адресанта, формируя пару «типовой автор» текста – «типовой адресат» текста. Они должны быть 1) жителями города, владеющими общерусским языком, 2) представителями различных нейтральных речевых культур: литературной, просторечной, молодежной, интержаргонной (Н. И. Толстой, О. Б. Сиротина, В. Е. Гольдин), 3) носителями обще-апперцепционной и частно-апперцепционной баз (термины Е. Н. Ширяева, Л. П. Якубинского).

В качестве материала изучения использовались записи неконфликтных диалогов жителей г. Омска различного характера в полуофициальных и неофициальных сферах, т.к. в них отражается их речевая деятельность.

Повседневные диалоги: речевой контакт знакомых людей

Субжанр (термин К. Ф. Седова) «семейный (бытовой) диалог»

Под семейным диалогом понимается домашнее взаимодействие совместно проживающих людей, имеющих родственные отношения.

* * * * *

– *Мать, што будем есть?! – Мам'ань! Ужинать будем?*

– *Што найд'еши, то и будешь. – А как же! (м., 15 л. – ж., 35 л.)*

– *Ед'а-то где? * * **

– *Щас прид'у, м'аленький! – Б'атя! Ну чо, ид'ем?*

Покормлю... (м., 20 – ж., 43 л.) – А'га! Пор'а! (м. 16 л. – м., 45 л.)

* * * * *

– *М'ама, куд'а полож'ила-то?*

– *Здр'асте! М'ама должен'а знать, где тво'и в'ещи?*

– *А кто ещ'е? Все скл'адываешь ст'опочкой и в сво'ю «ч'ерную дыр'у» отправляешь.*

– *Аг'а! Мать оп'ять винов'ата! Посмотр'и в кр'айнем шкаф'у в к'омнате.*

– *Не нашл'а-а-а... В кр'айнем у окн'а 'или у двер'ей?*

– *Пор'а зап'омнить уж'е!*

– *Ну, пож'алуйста...*

– *Ид'и ищ'и сам'а-а-а ... (ж., 17 л. – ж., 53 л.)*

Представлен фатический тип общения «своих своих». Отражено одно «информационное звено» общей «информационной ленты», т.к. обсуждается одна тема, являющаяся частью «непрерывной» семейной коммуникации. В результате взаимодейст-

вия при побуждении-просьбе адресанта возможно как достижение желаемого результата (в первом, втором, третьем диалоге), так и его отсутствие (в четвертом диалоге) (т.н. «скрытый» отказ адресата на просьбу адресанта.) Интерактивность неполная.

В представленных примерах взаимодействие напрямую связано с семейными ролями и поведенческими особенностями членов семьи на основе частно-апперцепционной базы (термин Е. Н. Ширяева).

Субжанр «диалог знакомых лиц»

Знакомый – это человек, известный, встречавшийся прежде.

* * * * *

– Милочка! Ты когд'а сдашь тематическое планирование?

– Завтра, Серг'ей Никол'евич!

– Эх! Тянешь штан'ы за л'ямку!

(м., 55 л., директор школы – ж., 30 л., учитель)

Диалог безыформативный, т.к. информация-требование (вероятнее всего) озвучивалась ранее. Интерактивность слабая и вынужденная. При этом наблюдается доминирование адресанта («своего чужого») над адресатом.

* * * * *

– Ø Где ты отдох'ала 'этим л'етом?

– Ø Я 'ездила в Эмир'аты.

– Ну и как?

– Обалд'енно!

– А ты?

– Я 'ездила на Кар'ибские остров'а.

– Ну и ...?

– Спр'ашиваешь! Красот'а неопис'уемая! Жизнь клёвая ст'ала. Ну, предст'авь, р'азве мы могл'и при советской вл'асти мотан'уть туд'а!

– Нет! Об 'этом д'аже мечт'ать не могл'и ... (ж., 35 л. – ж., 40 л.)

Представлен нефатический тип общения «чужого своего».

Информационный диалог репликационного типа на сочетании обще-апперцепционной и частно-апперцепционной баз. Интерактивность полная.

* * * * *

– Слышь, Сем'еновна, говор'ят, вон Над'ежде, с п'ервого этаж'а, оп'ять вн'уков подк'инули. Уж четв'ертый раз на нед'еле!

– Т'очно, Улья'на! Вот гляж'у на их, молод'ых. Так и душ'а разрыв'ается! Не ум'еют жить, как н'адо!

– Ну, што ты всех под одн'у греб'енку-то. В'она Левкины все одн'и с'ами д'елают. И дет'ей дв'оё у них, а кру'тятся!

– Не согл'асна я с тоб'ой, Ден'исовна. Молод'ым ить т'оже п'омощь нужн'а. Ведь в магаз'ине-то всев'о недок'упишься, а есть-пить всем н'адо.

– О-о... пошл'а! Оп'еть в'она х'ахаль на маш'ине.

– Да нет, друг'ой уж'е. Вот вить наст'ырная!

– Вот так'ие – то в ж'изни все и им'еют...

– Л'ешка! Куд'ы ж ты пол'ез? Вот сорван'ец! Разоб'еешься же щас!

– Вот так'ие он'и все! Говор'и им не говор'и, все равн'о по-св'оёму сд'елают, и выраст'ают и так'ими же оста'ются.

– Ой! Ну, вот, мо'и ид'ут. Пошл'а я, гост'ей ведь корм'ить н'адо!

– Дав'ай бег'и! (ж., 70 л. – ж., 80 л.)

(из разговора двух пожилых женщин, проживших по соседству много лет).

Представлен фатический тип общения «своих чужих». Политематический диалог. Обсуждаемые темы, формирующие информационные цепочки, не имеют иерархической структуры, отражают «открытое информационное пространство». Интерактивность неполная, т.к. наряду с диалогическим взаимодействием наблюдается обмен репликами, не имеющий реактивного характера, что формирует «параллельную коммуникацию».

В приведенных «непринужденных диалогах», отражена ситуация «запроса информации» и «удовлетворения» ожидания адресанта. Возможна как монотематичность, воплощенная в одну единицу информации, так политематичность с параллельными информационными цепочками.

Адресат не является пассивным участником разговора, т.к. после интерпретации информации он своими репликами также направляет диалог или отвечает «нужным» действием. Отражается взаимодействие пары «типовой автор» – «типовой адресат» в комфортных условиях со своим видением мира, оценками прошлых событий и окружающего настоящего.

Анализ показал, что в целом отражается тип общения, как с эксплицитной, так и имплицитной *информативностью*, создаваемой в результате координации действий взаимодействующих лиц, которые пытаются обменяться своими знаниями или представлениями известными им способами.

Для данного типа неконфликтного диалогического взаимодействия характерна установка на равноправное сотрудничество (*интерактивность*), которое обеспечивается

наличием общей апперцепционной базы, допускает ее сочетание с частно – апперцепционной базой.

**Повседневные диалоги:
речевой контакт незнакомых людей**

В начале XX века Л. П. Якубинский отмечал, что «крайним случаем диалога является отрывистый и быстрый разговор на какие-нибудь обыденные или деловые темы; для него будут характерны: сравнительно быстрый обмен речью, когда каждый компонент обмена является репликой, и одна реплика в высшей степени обусловлена другой; обмен происходит вне какого-нибудь предварительного обдумывания; компоненты не имеют особой заданности; в построении реплик нет никакой предумышленной связанности, и они в высшей степени кратки» [10 : 118]. Темп современной жизни, многочисленные контакты горожан в течение дня, общение «без лица» формируют подобный тип мини-общения.

Наблюдения показывают, что в современной речи жителей г. Омска выделяется несколько видов диалогов незнакомых людей («чужих»), основными характеристиками которых являются «деловая» тема, «место» и «время» протекания (Л. П. Крысин).

Субжанр «короткие диалоги на рынке»

– Женьщина, све'сьте мне вот 'эту колбас'ину!
– Чев'о? Как'ую копч'еную или по пять дв'ести?
– Одн'у п'алочку. Он'а св'ежая?
– Да! Сев'одня завезл'и.
– Чой-то у не'е вид мне не нр'авится.
– Хор'ошая колб'аска, отбив'айте! (ж., 50 л. – ж., 40 л.)

– Ну, как? Хорош'о?!
– Дама! Што жел'аете?
– Пок'а смотр'ю.
– Да не думайте вы! Вам идет. Не пожал'еете!
– Дай вам бог ст'олько здор'овья. Дайте вон тот...
– Как на вас сид'ит тидж'ак.
– ...кус'очек, кр'айний.
– Вы как б'удто рожден'ы для' этих брюк / Он'и вам так ид'ут / 'Эта 'юбка вас худ'ит (ж., 50 л. – ж., 45 л.) и т.п.

Представлен условно фатический тип коммуникации. «Торговый» диалог, в результате которого наблюдается усвоение адресатом информации, ведущей к дейст-

вию, возникшему на основе успешного суггестивного воздействия. Информативность слабая. Интерактивность «неполная».

Субжанр «короткие диалоги на транспорте»

– Ø Што у нас? – Ø Бил'етки бер'ем?
– Ø Пож'алуйста! – У меня проездн'ой, м'атушка!
(ж., 50-55 л. – м., 65 л.)

– Гр'аждане! Предъяв'ляем – Ø Будьте люб'езны,
проездн'ые бил'еты! перед'айте за про'езд!
– Конд'уктор! Вот! – Ø и т.п.

Представлен слабоинформативный / безыформативный «транспортный» диалог с использованием клише и с «редукцией речевого уровня» в ответной реплике (термин Л. Н. Мурзина). Интерактивность неполная, имеющая в результате языковые или физические действия.

– Шеф! На остан'овке тормозн'и!
– Хорош'о! (м., 35 л.–м., 55 л.)

Типизированный безыформативный микродиалог.

Интерактивность неполная.

Выделен также тип контактирования, при котором на заданный вопрос выдается информация с собственными комментариями и оценками. Например,

– Эй, шеф. Тормоз'и на кольц'е!
– Зач'ем? Хочешь потер'яться в супр'ужеской ж'изни?
– Нет! Пр'осто остан'ови. Н'адо в'ыйти (м, 45 л.– м., 30 л.)

Представлен слабый информативный диалог интенционально – коммуникативного типа. Интерактивность неполная.

Субжанр «устойчивые городские стереотипы»

(Представлено стандартизованное восприятие и отражение окружающей горожанина действительности в воспроизводимых текстах.)

– ØДо Лук'яновки (Ам'ура, – ØКак в'ыехать отс'юда в К'ировск?

*ц'ентра, ЖД и т.п.) до'еду? – На авт'обусе №.../на маршрут'утке №...
– Да / нет...*

Типизированный слабоинформативный микродиалог.

Интерактивность неполная.

При данном типе взаимодействия наблюдается «сужение» восприятия субъектом других социальных объектов, а также предметов окружающей его действительности. Это позволяет защищать свое общественное пространство от «чужих». Формируется вопросно-ответное единство на основе двух кратких реплик. Инициатор реализует определенную коммуникативную установку: сообщение, запрос информации, побуждение к определенному действию. Информация чаще всего представлена в «свернутом» виде, что позволяет говорить об одной единице информации (т.н. «информационном звене»). В контексте отражается «типовой автор» – «типовой адресат», что способствует быстрому пониманию и возникновению «отработанного» ответа, действия в результате успешного суггестивного воздействия (неполная интерактивность).

Субжанр «городские микродиалоги»

(Используется при мини-взаимодействии в типизированных текстах.)

* * * * *

– О Не подск'ажете, поликли'ника №4 пр'авильно ид'у...?

– Да! Мож'но зд'есь. Мож'но д'альше. За кр'углое зд'ание (ж., 60 л.–ж., 45 л.).

Информационный микродиалог с вариативностью при вводном и ответном речевых действиях. Полная интерактивность.

* * * * *

– О Не бо'итесь 'ехать с соб'аками (в лифте)?

– Нет! А чев'о бо'яться? (ж., 57 л. – м., 35 л.)

«Скрытый информационный» микродиалог (речевое взаимодействие с эксплицитной диалогичностью, с «вынуждаемой» реакцией (термин М. М. Бахтина [2])). Интерактивность «средняя».

В «коротких диалогах на рынке и на транспорте», «устойчивых городских стереотипах» и «городских микродиалогах» отражается ситуация разового общения, характерная для жителей крупных городов, при котором чаще всего «пропускается» стадия «вступление в речевой контакт». Они имеют репликационный характер. Информация

представляется в «свернутом» виде, что позволяет говорить об одной единице информации, приводящей к пониманию, что позволяет говорить о «средней» / «полной» интерактивности.

Данные виды речевого взаимодействия являются ядром коммуникации горожан «вне дома». Наблюдается нивелировка показателей, характеризующих коммуникантов с точки зрения социального статуса, уровня образования и культуры, профессиональной деятельности, образом жизни и т.п., что подтверждает положение о наличии «типового автора» текста – «типового адресата» текста (термин Н. Д. Голева). В приведенных примерах реализуются типичные коммуникативные ситуации, для которых наблюдается использование конкретных форм речевого поведения (воспроизводимых текстов) и их языкового наполнения. Быстрому пониманию запроса информации и возникновению «отработанного» ответа способствует стереотипность общения и текстовая привыченность. В данном случае можно говорить об определенной схеме общения, имеющей свое языковое выражение. Хотя в ряде случаев может наблюдаться вариативность при ее реализации.

Делая выводы, можно говорить о том, что горожанин, определяя себя в усредненных нейтральных условиях, вступает в языковые отношения со знакомыми и незнакомыми людьми, создает и воспринимает речевые тексты.

При взаимодействии «дома», со «своими» проявляется «расширенная» модель «говорящий субъект – ситуация – предмет речи – слушающий», «вне дома» преобладает «краткая» модель «адресант – ситуация – адресат». Во втором случае компонент «предмет речи» практически отсутствует или представлен в «скрытом виде». При этом категория чуждости является регулятором взаимоотношений и речевого поведения коммуникантов.

В неофициальной сфере более «свободную» форму имеют «домашние» диалоги, «непринужденные диалоги знакомых», которые отражают «открытое информационное пространство» с разной степенью интерактивности.

Для коммуникации в полуофициальной сфере характерна определенная схема общения, имеющая свое языковое выражение, – «ситуативный диалог», уменьшение использования «сильных» показателей разговора, слабой интерактивности и инфор-

мативности. Неофициальной сфере свойственно преобладание «свободной» темы, полуофициальной – «условно заданной» темы и «строго заданной ситуацией» темы.

В городских диалогах отраженная «скрытая информация» имеет разный характер. Это связано с тем, что во взаимодействии знакомых и родных проявляется «информационное звено» общей «информационной ленты», а при «вынужденном» контакте наблюдается «сужение» восприятия социальных объектов для защиты своего общественного пространства, что ведет к использованию типизированного «информационного звена».

Представленный краткий обзор позволяет говорить о том, что «сильные» показатели разговорной речи (спонтанность, неподготовленность, политематичность) не применимы к ряду типических коммуникативных ситуаций горожан и результатам их речевой деятельности, т.к. они обладают прототипической основой и характеризуются монотематичностью.

Краткий обзор показал, что диалог (как способ взаимодействия горожан и как центральный жанр повседневной коммуникации), требует своего дальнейшего теоретического осмысления и разработки практик ее описания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевченко Т. С. Роль отечественной ониматопозитической парадигмы в истории изучения повседневности // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 65. С. 261–266.
2. Корнев В. В. Проблематизация категории «повседневность» // Известия АГУ. 2008. № 2(58). С. 85–91.
3. Юнаковская А. А. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска). М. : Языки славянских культур, 2007. 168 с.
4. Журавлев А. Ф. Опыт квантитивно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи. М. : Наука, 1988. С. 84–150.
5. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. 172 с.
6. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.40. № 4. 1981. С. 356–367.

7. Дмитриевская И. В. Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1985. С. 48–88.

8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.

9. Васильева В. В. О слушающем как говорящем // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации. Пермь : Пермский ун-т, 2005. С. 8–14.

10. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь. Т. 1. Пг., 1923. С. 17–58.

REFERENCES

1. Shevchenko T. S. Rol' Otechestvennoj onomatopoenicheskoj paradigmy v istorii izucheniya povsednevnosti [The role of Russian onomatopoeic paradigm in the study of the history of everyday life]. *Vestnik of the Stavropol State University* [Herald of the Stavropol State University]. 2009, no. 65, pp. 261–266.
2. Kornev V. V. Problematizacija kategorii «povsednevnost'» [Problematization category of "everyday life"]. *Izvestiya ASU* [News ASU], 2008, no. 2(58), pp. 85–91.
3. Yunakovskaya A. A. Razgovornaya rech nositelej massovoj gorodskoj kultury (na materiale g. Omska) [Informal conversation of carriers of mass city culture (on material of Omsk)]. Moscow, 2007. 168 p.
4. Zhuravlev A. F. Opyt kvantitativno-tipologicheskogo issledovaniya raznovidnostej ustnoj rechi [Experience of quantitative-typological study of varieties of speech]. *Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi* [Variety of urban speech]. Moscow, 1988, pp. 84–150.
5. Matveeva T. V. Funkcional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorij [Functional styles in terms of text categories. Synchronous-comparative essay]. Sverdlovsk, 1990, 172 p.
6. Arutyunova N. D. Faktor adresata [Destination factor]. *Izvestiya Vektinik of the AS of the USSR. Seriya literatury i yazyka* [News of the Academy of Sciences of the USSR. A series of literature and language]. Vol. 40. no. 4. 1981, pp. 356–367.
7. Dmitrevskaja I. V. *Tekst kak sistema: ponimaniye, slozhnost', informativnost'* [Text as a system: understanding the complexity of the information content]. Ivanovo, 1985, pp. 48–88.
8. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Moscow, 1979. 423 p.
9. Vasilieva V. V. O slushayushchem kak govoryashchem [About the listening as talking]. *Problemy funkcionirovaniya yazyka v raznyh sferah rechevoj kommunikatsiji* [Problems of language functioning in various spheres of speech communication]. Perm'. 2005, pp. 8–14.
10. Yakubinskiy L. P. O dialogicheskoy rechi [The dialogical speech]. *Russkaya rech* [Russian speech]. Vol. 1. Pg. 1923, pp. 17–58.

Статья поступила в редакцию 12.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Юнаковская А. А. Повседневные городские жанры (на материале речи жителей г. Омска) // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 43–50. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-41-48

FOR CITING

Yunakovskaja A. A. Everyday urban genres (on the basis of speech of habitants of the Omsk). *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 43–50. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-41-48 (in Russian).

УДК 811.161.1'276.5

ББК 81.2Рус-67

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-49-55

Е. И. Голованова
Челябинск, Россия

E. I. Golovanova
Chelyabinsk, Russia

УСТНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР

ORAL PROFESSIONAL DIALOGUE AS A COMPLEX SPEECH GENRE

Аннотация. Статья посвящена проблеме жанровой квалификации устного профессионального диалога, представляющего собой малоизученную разновидность неформального речевого взаимодействия специалистов. Утверждается, что профессиональная коммуникация, в отличие от других видов коммуникации, включена в контекст профессиональной деятельности, которая характеризуется целенаправленностью, результативностью и общественной значимостью. Непринужденно-сниженная тональность речевого взаимодействия в рамках устного профессионального диалога определяется повседневным характером профессиональных ситуаций, требующих вербального сопровождения. Своеобразие устному профессиональному диалогу придают используемые в нем профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, в которых помимо специальных знаний воплощены групповые профессионально-корпоративные оценки предметов, явлений и отношений. Сочетание в устном профессиональном диалоге признаков информативных, оценочных и императивных жанров позволяет квалифицировать его как комплексный речевой жанр.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, устный профессиональный диалог, жанр, тональность, профессионализм, профессиональный жаргонизм.

Сведения об авторе: Голованова Елена Иосифовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Место работы: Челябинский государственный университет.

E-mail: ligol@csu.ru

Abstract. The article is devoted to the genre qualifications of oral professional dialogue, which is a little-known variety of informal verbal interaction among specialists. It is argued that professional communication, as opposed to other kinds of communication, is included in the context of professional activity, which is characterized by purposefulness, effectiveness and public significance. Specific tonality of the speech interaction within the framework of an oral professional dialogue is determined by the nature of the everyday professional situations requiring verbal accompaniment. The originality of the oral professional dialogue used in it is given by professional oral units and units of professional jargon, in which in addition to special knowledge group professional-corporate evaluations of objects, events and relations are embodied. The combination in an oral professional dialogue characteristics of informative, evaluative and imperative genres allows to qualify it as a complex speech genre.

Key words: professional communication, oral professional dialogue, genre, tonality, professional oral unit, unit of professional jargon.

About the author: Golovanova Elena Iosifovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

1. Введение

Теоретические вопросы профессиональной коммуникации относятся к числу актуальных в лингвистике. Несмотря на усиливающийся интерес к этой проблематике, в ряде научных центров: Казани, Курске, Перми, Самаре, Кемерово, Красноярске, Санкт-Петербурге, Челябинске, Череповце (см.,

например, исследования Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной [1], Е. И. Головановой [2 ; 3], Д. В. Казаковой [4], Л. В. Прибытовой [5], Н. С. Скрипичниковой [6], М. И. Солнышкиной [7], О. В. Фельде [8] и др.), до сих пор не определен перечень важнейших параметров и форм профессиональной коммуникации, не описаны типовые ситуации профес-

сионального общения, не прояснена связь между особенностями профессиональной коммуникации и типом профессиональной деятельности, в рамках которой она осуществляется, не создано полной типологии профессиональных единиц в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Еще в 1977 году в монографии В. П. Даниленко «Русская терминология» были четко разграничены две сферы изучения терминов как основного класса профессиональных единиц: сфера фиксации (словари, справочники, ГОСТы) и сфера функционирования (разнообразные устные и письменные тексты) [9]. Первая из этих сфер активно формировалась и изучалась лингвистами-терминологами, второй же уделялось гораздо меньше внимания – в силу ряда объективных причин.

В целом, до начала 2000-х годов в терминоведении задача изучения связи между специальной лексикой и особенностями ее употребления в различных ситуациях профессионального общения не ставилась. Это наглядно представлено в «Историческом систематизированном словаре терминов терминоведения» С. В. Гринева, изданном в 1998 году. Целью словаря являлась полная инвентаризация терминоведческих терминов, с установлением авторства каждого термина и года первого его употребления в печати [10 : 5]. Среди направлений терминоведческих исследований здесь указаны функциональное и функционально-типологическое терминоведение, терминоведческая теория текста. Последняя манифестирована дифференциацией таких терминов, как терминорождающий, терминопользующий, терминоксидирующий текст (термины В. М. Лейчика), терминологическая структура текста, а также терминологическая насыщенность, терминологическая частотность и терминологический образ текста. Что касается других разрядов специальной лексики, то в словаре представлены профессионализмы, профессиональные жаргонизмы и номены, упомянуты также периферийные разряды: терминойд, предтермин, прототермин и псевдотермин.

В качестве наиболее разработанных на тот момент областей терминоведения, судя по данным словаря, выступили параметры и свойства терминов и терминологий, процессы терминообразования и терминографического описания. При этом в качестве лакун предстали термины и понятия, интерпретирующие функционирование специальных

единиц (особенно нетерминологической лексики) в текстах различных жанров, стилей и сфер коммуникации.

2. Специфика профессиональной коммуникации и типы дискурса

С течением времени, не без влияния когнитивно-коммуникативного направления в языкознании и связанных с ним идей антропоцентризма, неофункционализма, экспансионизма и экспланаторности, появились работы терминоведов, посвященные проблемам профессиональной коммуникации и типам профессионального дискурса.

В русле терминоведения формировалось представление о том, что каждая разновидность профессионального дискурса обладает определенной системой жанров, которые выступают средством организации и формализации социального взаимодействия в рамках профессиональной области. Так, например, в сфере железнодорожного транспорта выделяются радиопереговоры, инструкции, приказы, сигналы-команды, объявления автоинформатора, устные объявления на вокзалах и в поездах и т.д. [11].

В нашем понимании профессиональная коммуникация – это разновидность общения, которая характеризуется наличием надситуативных целей, общностью знаний и восприятия коммуникантов, стереотипностью ситуаций общения. Главное отличие профессиональной коммуникации от других видов коммуникации (бытовой, семейной, фольклорной и т.д.) состоит в том, что она изначально включена в контекст профессиональной деятельности. Отсюда характеристики профессиональной коммуникации определяются содержанием профессиональной деятельности как таковой.

Важнейшими категориальными признаками профессиональной деятельности выступают ее целенаправленный характер, результативность и общественная значимость. Помимо названных, выделяются характеристики профессиональной деятельности, обусловленные ее связью с главным источником и производителем – профессиональным деятелем: *активный характер* профессиональной деятельности (направленное обращение энергии деятеля в реальное действие); *интенциональность* (наличие у деятеля намерения совершить действия), *контролируемый характер* (способность деятеля контролировать процесс реа-

лизации своего намерения для получения предполагаемого результата).

При дифференциации форм профессиональной коммуникации наиболее важными параметрами выступают цель и мотивы общения; статусно-ролевые характеристики коммуникантов; модальность, или тональность, общения (официальное, нейтральное, дружеское); способ коммуникации (устный / письменный, контактный / дистантный).

Цели общения в рамках профессиональной деятельности подчинены задачам трансляции, хранения, обработки и переработки специальной информации, оценки деятельности, организации эффективного взаимодействия, в том числе кооперативных отношений, в процессе деятельности. Вслед за Т. В. Шмелевой, многие исследователи выделяют следующие жанры профессиональной коммуникации: информативные, императивные, оценочные, этикетные.

Учет статусно-ролевых характеристик общающихся предполагает дифференциацию двух типов взаимодействия, выделение которых связано с противопоставлением «вертикальных» (вышестоящий – нижестоящий в системе) и «горизонтальных» отношений (т.е. равных по статусу коммуникантов). В соответствии с этим выделяются две основные разновидности профессионального общения: 1) формальное (официальное), статусно-ролевое общение и 2) неформальное (неофициальное), групповое (корпоративное) или межличностное общение.

Первому типу отношений соответствует ограниченный набор стандартных ситуаций, предполагающий функционирование правил субординации. Коммуниканты выступают здесь прежде всего как субъекты институциональной, регламентированной деятельности, как носители профессиональных знаний, а также субъекты права, реализующие заданный набор должностных обязанностей (что не исключает его корректировки в соответствии с меняющимися задачами деятельности). Данная разновидность отношений может носить непосредственный характер (устное официальное общение) и опосредованный – письменное общение специалистов в рамках профессиональной деятельности.

Главная цель подобного общения – оптимизация профессиональной деятельности, выработка ее долговременных и кратковременных программ, стратегических

направлений. Профессионально значимая информация представлена здесь, главным образом, нейтральными, объективированными единицами, стремящимися к точности и однозначности содержания. Предназначение подобных единиц – служить ориентиром в разнообразных структурах знания и деятельности.

Используя нормативные, стандартизированные единицы языка профессиональной коммуникации (термины), коммуниканты подчеркивают объективность вербализованной в текстах профессиональной информации и имплицитно воздействуют друг на друга. Данная сфера коммуникации не элиминирует ситуаций выражения оценки коммуникантов (к результатам, объектам деятельности, к коллегам, их действиям, отношениям). Это оценки, характеризующие важность – несущественность, простоту – сложность, обобщенность – детализированность, типичность – нетипичность, сходство – различие тех или иных профессионально значимых ментальных объектов.

Второй тип отношений – неформальные, неофициальные – имеет множество форм репрезентации, набор ситуаций подобного общения практически не ограничен. Объединяющим началом здесь является решение проблем в рамках конкретной ситуации, реализация разнообразных профессиональных задач в условиях микрогруппы. В единицах профессиональной коммуникации здесь важно не объективированное, а наоборот, субъективированное, *при*-своенное знание. В них зафиксирована та часть профессиональной информации, которая актуализируется в каждодневных, повторяющихся действиях и операциях, а потому – через опыт – приближена к личному миру человека, составляет круг его ближайших, повседневных концептов.

К настоящему времени наиболее изучены разновидности официального и нейтрального общения, в то время как неофициальное или полуофициальное, дружеское общение в среде специалистов практически не исследовано. Кроме того, названные виды общения – по степени изученности – четко соотносятся со способами коммуникации. Так, письменные жанры профессиональной коммуникации изучены лучше, чем устные (в частности, разговор, беседа, собеседование, консультация, доклад, прием посетителей, деловой спор, выступление). Относительно изученными можно признать особенности таких жанров, как деловой те-

лефонный разговор, учебная и публичная лекция, урок, экзамен и некоторые другие.

3. Устный профессиональный диалог: цель, тональность, лексическое наполнение

В центре внимания данной статьи находится устный профессиональный диалог, понимаемый нами как неформальное речевое взаимодействие специалистов в той или иной сфере деятельности для решения профессиональных задач. На тональность этого общения влияют многие факторы и причины (см. [12]). Чаще всего здесь наблюдается дружеская или ироническая тональность. Характер такой тональности задается прежде всего повседневным характером профессиональных ситуаций и выражается в используемых лексических единицах: профессионализмах, профессиональных жаргонизмах, а также в разнообразных рекуррентных единицах – речевых клише, паремиях, крылатых выражениях, типичных для данного профессионально-корпоративного социума (подробнее см. [13 ; 14]).

Важной особенностью устного диалога в профессиональной среде является сочетание информативности с оценочностью, а также во многих случаях – с императивностью. Приведем ряд характерных примеров из устной коммуникации операторов, режиссеров и журналистов, работающих на телевидении:

(1) *Бантик про котенка поставим в конец выпуска* («бантик» – легкий, забавный сюжет в новостной программе для поднятия настроения зрителю).

(2) *Разбей кирпич перед тем, как читать* («кирпич» – неструктурированный журналистский текст).

(3) *Возьми девушку у окна крупняком* («крупняк» – крупный план).

(4) *Этот кадр не годен из-за пересвета* («пересвет» – слишком большое количество света в кадре).

(5) *Запишем синхрон на фоне зданий* («синхрон» – короткий законченный фрагмент интервью, где звук и изображение записаны синхронно).

(6) *Сломался суфлер, придется читать текст с листа* («суфлер» – телесуфлер, экран, на который подается текст для ведущего во время эфира).

(7) *Свяжемся с ним [информантом] через хрипушку* («хрипушка» – включение корреспондента или респондента по телефону в прямой эфир или передача в эфир предварительно записанного по телефону сообщения).

(8) *После интервью с горби даже выбрать нечего* («горби» – тип людей, которые, отвечая на вопросы, говорят много, но бессодержательно).

В каждом из этих примеров содержатся единицы, являющиеся профессионализмами (*бантик, пересвет, синхрон, суфлер, хрипушка*) или профессиональными жаргонизмами (*кирпич, крупняк, горби*), с помощью которых достигается компрессия и экспрессивность речи. Кроме того, данные фрагменты диалога, помимо информативности, обладают признаками оценочности и императивности. Так, например, в репликах (1), (2), (3), (5), (7) императивность выражена эксплицитно – формой повелительного наклонения глагола (*разбей, возьми*) или глаголом первого лица множественного числа в изъявительном наклонении, будущем времени (*поставим, запишем, свяжемся*), а в репликах (4), (8) – имплицитно, через актуализацию негативной оценки текущего состояния (*кадр не годен* = ‘надо переснимать’; *выбрать нечего* = ‘придется искать что-то другое’). В реплике (6) присутствует как констатация негативного факта (*суфлер сломался*), так и «ленивый директив» [15 : 6] (*придется читать с листа*). Оценочность в данных примерах выражена в семантике специальных лексических единиц «кирпич», «пересвет», «хрипушка» и «горби» (во всех случаях присутствует негативная оценка).

Покажем особенности устного профессионального диалога на примере речи сотрудников правоохранительных органов:

(9) *Приедешь в СМЭ, зайди к королеве мертвых, поторопи, чтобы подсутились с заключением по тому, что мы им вчера привезли* («королева мертвых» – старший патологоанатом, заведующий судебно-медицинской лабораторией).

(10) *По Свободе дом 2 квартира 45 – кухонный боксер* («кухонный боксер» – обозначение домашнего скандала, чаще всего между мужем и женой, на который соседи вызывают полицию).

(11) *А пробей-ка по базе тех жуликов, которых вчера взяли на Пушкина* («пробить по базе» – получить или проверить конфиденциальную информацию о чьем-либо семейном положении, финансовом состоянии, предпринимательской деятельности, кредитной истории, наличии судимостей и т.д.).

(12) *По два-два-девять ходил?* («два-два-девять» – преступление, предусмотренное ст. 229 УК РФ).

(13) *Ты мне когда водку сделаешь?* («водка» – химическая экспертиза ликеро-водочных изделий).

(14) *А когда будем деньги печатать?* («деньги печатать» – проводить судебно-техническую экспертизу документов).

Приведенные примеры демонстрируют сочетание информативности с оценочностью и/или императивностью. Реплики (9), (11) содержат эксплицитно выраженную императивность (с помощью глаголов повелительного наклонения *зайди, пробей*), в репликах (13), (14) она подразумевается: *когда сделаешь?* = ‘пора сделать’; *когда будем печатать?* = ‘требуется печатать’. В данных примерах вопросительное предложение выступает в роли косвенного речевого акта и представляет собой не запрос информации, а вопрос-упрек. Косвенный упрек подчиняется принципам кооперации и вежливости, действие которых направлено на его нейтрализацию [16 : 77].

В реплике (10) информация о факте предполагает типичную реакцию – выезд сотрудников полиции на место происшествия и последующие их профессиональные действия. В специальном наименовании «кухонный боксер» содержится скрытая негативная оценка, реконструировать которую помогает когнитивный диссонанс, возникающий из сочетания не связанных между собой единиц «боксер» (спортсмен, занимающийся боксом, т.е. кулачным боем в защитных перчатках на ринге по определенным правилам) и «кухонный» (относящийся к кухне, т.е. к помещению для приготовления пищи). Данное сочетание вызывает противоположные гендерные ассоциации: кухня традиционно связывается с женским образом, а бокс, наоборот, с мужским.

Реплика (12), на первый взгляд, представляет собой прямой запрос информации. Однако для профессионалов, знакомых с содержанием данной статьи уголовного кодекса (хищение или вымогательство наркотических веществ), установление связи задержанного (обвиняемого) с этими деяниями влечет совершенно определенное оценочное мнение о субъекте.

4. Выводы

Таким образом, благодаря использованию разнообразных средств, в том числе специальных наименований, в устном профессиональном диалоге реализуется комплекс жанровых характеристик, что позво-

ляет считать рассматриваемый устный неформальный диалог в рамках профессиональной деятельности комплексным речевым жанром, совмещающим черты разных жанров коммуникации.

Повышенная эмоциональность и оценочность в устном профессиональном диалоге достигается благодаря профессионализмам, выступающим средством краткого, но емкого обмена специфической профессиональной информацией, и профессиональным жаргонизмам, которые значимы не столько в качестве репрезентантов специального знания, сколько в качестве актуализаторов оценочной информации.

Профессионализмы в большинстве своем носят непринужденно-сниженный, фамильярный характер, призванный подчеркнуть профессионо-групповую солидарность коммуникантов. Жаргонизмы в профессиональной среде помогают ориентироваться не в знаниях, а в отношениях внутри коллектива, адаптироваться к особым профессиональным условиям (важен не сам профессиональный предмет или понятие, а его оценка: через нее фиксируется, хранится и передается определенный поведенческий стереотип членов профессиональной группы). С помощью данных единиц актуализируется скрытое или открытое воздействие коммуникантов друг на друга, реализуется объективная или субъективная модальность.

В заключение отметим, что проблема жанровой организации профессионального общения является значимой не только для терминоведения, но и для лингвистики в целом. От ее решения зависит создание целостной и непротиворечивой теории профессиональной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голев Н. Д., Шпильная Н. Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1 (49). С. 128–137.
2. Голованова Е. И. Профессиональные стереотипы и конвенции в обиходном языке медицинских работников // Язык медицины : международный межвузовский сборник научных трудов в честь юбилея В. Ф. Новодрановой. Вып. 5. Самара : КРУПТЕН-Волга, 2015. С. 359–363.
3. Голованова Е. И. Социолект шахтеров как отражение стереотипов профессионального сознания // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 26 (355). С. 26–29.

4. Казакова Д. В. Категория комического в медицинском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 20 с.

5. Прибытова Л. В. Профессиональный язык шахтеров Кемеровской области: терминология и жаргон : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005. 22 с.

6. Скрипичникова Н. С. Устойчивые словесные комплексы в устной профессиональной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 22 с.

7. Солнышкина М. И. Профессиональный морской подъязык и словарь профессионального языка // Каланов Н. А. Словарь морского жаргона. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Моркнига, 2011. С. 420–437.

8. Фельде О. В. Комическое в профессиональном дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, № 9. С. 140–145.

9. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М. : Наука, 1977. 248 с.

10. Гринева С. В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения : учеб. пособие. М. : МПУ, 1998. 96 с.

11. Москвитин Е. В. Немецкий железнодорожный социолект: системный, структурно-семантический и функциональный аспекты : автореф. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2015. 22 с.

12. Фельде О. В. Устная речь // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский фед. ун-т; под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск, 2014. С. 709–710.

13. Голованова Е. И., Скрипичникова Н. С. Особенности употребления крылатых выражений в профессиональном дискурсе сотрудников правоохранительных органов // На крыльях слова : материалы междунар. заоч. науч. конф., посв. юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2015. С. 44–49.

14. Скрипичникова Н. С., Голованова Е. И. Речевые клише фольклорного характера в устном профессиональном общении // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. Т. 6. Красноярск : Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2015. С. 78–86.

15. Глазкова С. Н. Национально-культурная специфика русского директива : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2013. 48 с.

16. Винантова И. В. Структурные и прагматические особенности косвенных речевых актов со значением упрека, выраженных в форме вопроса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (4). С. 77–80.

REFERENCES

1. Golev N. D., Shpil'naya N. N. Obydannaya meditsinskaya kommunikatsiya (vidy diskursivnykh praktik) [Ordinary Medical Communication (types of discursive practices)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2012, no. 1 (49), pp. 128–137.

2. Golovanova E. I. Professional'nye stereotipy i konventsii v obikhodnom yazyke meditsinskikh rabotnikov [Professional stereotypes and conventions in everyday language medical professionals]. *Yazyk meditsiny: mezhdunarodnyy mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov v chest' yubileya V. F. Novodranovoy* [Language of Medicine: International Interuniversity collection of scientific papers in honor of the anniversary of V. F. Novodranova]. Vyp. 5. Samara, 2015, pp. 359–363.

3. Golovanova E. I. Sotsiolekt shakhterov kak otrazhenie stereotipov professional'nogo soznaniya [Sociolect miners as a reflection of stereotypes of professional consciousness]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2014, no. 26 (355), pp. 26–29.

4. Kazakova D. V. *Kategoriya komicheskogo v meditsinskom diskurse* [Comic category in medical discourse. Cand. philol. sci. thesis diss]. Kemerovo, 2013. 20 p.

5. Pribytova L. V. *Professional'nyy yazyk shakhterov Kemerovskoy oblasti: terminologiya i zhargon* [Professional language miners of the Kemerovo region: terminology and jargon. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Kemerovo, 2005. 22 p.

6. Skripichnikova N. S. *Ustoychivye slovesnye komplekсы v ustnoy professional'noy kommunikatsii* [Stable verbal complexes in oral professional communication. Cand. philol. sci. thesis diss]. Ekaterinburg, 2016. 22 p.

7. Solnyshkina M. I. *Professional'nyy morskoy pod'yazyk i slovar' professional'nogo yazyka* [Professional marine sub-language and vocabulary of professional language]. Kаланов Н. А. *Slovar' morskogo zhargona* [Dictionary of maritime jargon]. Moscow, 2011, pp. 420–437.

8. Fel'de O. V. Komicheskoe v professional'nom diskurse [The comic in professional discourse]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State University]. 2011, Vol. 10, no. 9, pp. 140–145.

9. Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology: the experience of linguistic descriptions]. Moscow, 1977. 248 p.

10. Grinev S. V. *Istoricheskiy sistematizirovannyi slovar' terminov terminovedeniya* [Historical systematic Glossary of the terminology]. Moscow, 1998. 96 p.

11. Moskvitin E. V. *Nemetskiy zheleznodorozhnyy sotsiolekt: sistemnyy, strukturno-semanticheskiy i funktsional'nyy aspekty*: [German rail sociolect: systemic, structural-semantic and functional aspects. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Sankt-Peterburg, 2015. 22 p.

12. Fel'de O. V. *Ustnaya rech' [Oral speech]. Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik* [Effective verbal communication (basic competences): Dictionary Directory. Electronic Edition]. Krasnoyarsk, 2014, pp. 709–710.

13. Golovanova E. I., Skripichnikova N. S. *Osobennosti upotrebleniya krylatykh vyrazheniy v professiolekte sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov* Features of the use of aphorisms in the professional language of law enforcement officers]. *Na kryl'yakh slova* [On the wings of words: proceedings of the International scientific conference in honor of the anniversary of prof. S. G. Shulezhkova]. Magnitogorsk, 2015, pp 44–49.

14. Skripichnikova N. S., Golovanova E. I. *Rechevye klishe fol'klornogo kharaktera v ustnom professional'nom obshchenii* [Speech cliches folklore character in oral professional communication]. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve* [Man and language in the communicative space: collection of scientific works]. Vol. 6. Krasnoyarsk, 2015, pp. 78–86.

15. Glazkova S. N. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika russkogo direktiva* [National-cultural specificity of Russian Directive. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2013. 48 p.

16. Vinantova I. V. *Strukturnye i pragmaticheskie osobennosti kosvennykh rechevykh aktov so znacheniem upreka, vyrazhennykh v forme voprosa* [Structural and pragmatic features of indirect speech acts with the meaning of reproach, expressed in the form of a question]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. Issues of theory and practice]. 2009, no. 2 (4), pp. 77–80.

Статья поступила в редакцию 08.06.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Голованова Е. И. Устный профессиональный диалог как комплексный речевой жанр // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 49–55. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-49-55

FOR CITING

Golovanova E. I. Oral professional dialogue as a complex speech genre. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 49–55. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-49-55 (in Russian).

УДК 81'24
ББК ББК 81
DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-56-66

В. И. Карасик
(Волгоград, Россия)

V. I. Karasik
(Volgograd, Russia)

КОМИССИВ КАК ПОСТУПОК: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

COMISSIVE AS A BEHAVIORAL ACTION: LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES

Аннотация. Обсуждается проблема лингвокультурного анализа речевых актов. Несмотря на детальный структурный и семантический анализ этих явлений в прагмалингвистике теория речевых актов имеет определенные перспективы развития в направлении выявления культурной специфики речевых поступков. Рассматриваются комиссивы – речевые действия, выражающие интенцию говорящего взять на себя определенные обязательства. Их прототипным проявлением является обещание, их основным системным коррелятом выступает угроза. Предлагается выделить четыре базовых типа обещаний: обиходные, ритуальные, институциональные и гарантийные. Важнейшим признаком обиходного обещания является соотношение между данным словом и его выполнением, в ритуальном комиссиве (его прототип – клятва) на первый план выступает сакрализация данного поступка, усиленная сопровождающими этот акт символическими действиями, в институциональном обещании акцентируется статус говорящего, в гарантийном комиссиве, используемом прежде всего в юридическом дискурсе, в центре внимания оказываются санкции за невыполнение взятых на себя обязательств. Комиссивы детально осмыслены в пословицах и афоризмах. Выделяются два основных вида предписаний применительно к обещаниям – для тех, кто обещает, и для тех, кому обещают.

Ключевые слова: комиссив, обещание, речевое действие, культурные предписания, ритуал, институциональность, гарантия.

Abstract. The paper deals with a problem of speech acts cultural analysis. Structurally and semantically, speech acts have been thoroughly investigated in Pragmalinguistics, but their cultural potential may be a new and interesting direction of studying cultural characteristics of speech. Comissives – speech action types expressing speaker's intention to commit themselves to certain obligations – are represented by a number of actions, their most common prototype is a promise and their close correlate is a threat. I argue that there are four basic types of promises – habitual, ritual, institutional and containing a guaranty. Habitual promises focus upon the correlation between a given word and its implementation, ritual promises (exemplified by oaths) make the situation sacral and intensify it by concomitant symbolic actions, institutional promises emphasize the agent status, and promises which contain guaranties (usually in legal discourse) concentrate upon the sanctions following the failure to complete obligations. Comissives are given much attention to in proverbs and aphorisms. Two main prescriptions relating to this behavioral action may be singled out: the first are addressed to promisers and the second to promisees. Promisers according to collective norms of behavior should be responsible for their words, and promisees are recommended not to trust easily any promise given to them.

Key words: comissive, promise, speech act, cultural prescriptions, ritual, institutionality, guaranty.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, doctor of Philology, Professor, Chair of the English Philology Department.

Place of employment: Volgograd State Socio-Pedagogical University.

1. Комиссив как предмет изучения в прагмалингвистике

Изучение языка как деятельности является закономерным этапом в развитии лингвистики. Описание языковой структуры послужило фундаментом для моделирования

языковых функций, и коммуникативный подход к языку вызвал к жизни прагмалингвистику – мощное направление в языкознании, сориентированное на выявление закономерностей в общении. В рамках прагмалингвистики были детально разработаны теории

речевых актов и постулатов общения, в основе этих теорий лежит понимание языка как системы символических действий, направленных на оказание воздействия на адресата, самовыражение и обмен информацией [1–10]. Единицей описания общения в прагмалингвистике становится коммуникативная ситуация, в центре которой находится языковая личность и необходимыми компонентами которой оказываются условия и обстоятельства общения, с одной стороны, и используемые при этом коммуникативные средства, с другой стороны. Условия и обстоятельства общения поддаются типизации и детерминированы культурой социума, т.е. ценностями, нормами и обыкновениями поведения, а также отношениями между участниками коммуникативной ситуации. Эти отношения определяются целью общения, эмоциональным состоянием коммуникантов и их взаимными ролевыми ожиданиями и установками. Проблемы прагмалингвистики, поставленные на повестку дня в трудах британских и американских представителей аналитической философии, получили широкое освещение в работах отечественных лингвистов в 70–80 годы XX века (Москва, Киев, Ленинград, Тверь, Пятигорск, Уфа), но затем отошли на периферию научных интересов исследователей. Представляется, что с учетом современных достижений в теории дискурса и лингвокультурологии прагмалингвистическое осмысление языка имеет большой потенциал для развития.

С позиций теории деятельности все действия, производимые людьми, распадаются на социально значимые и социально нейтральные единицы активности, реализуемые во внешнем или внутреннем плане. Действия основаны на рациональном целеполагании, направлены на изменение либо сохранение действительности и в структурном плане включают субъекта (актера), объект и средства. Лингвистически релевантным оказывается противопоставление речевых и неречевых действий (точнее – коммуникативных и некоммуникативных, первые могут выражаться вербально и невербально). Для психологов важным является различие между импульсивными и опосредованными поведенческими актами, при этом в составе действия выделяются его ориентировочные, исполнительные и контрольные компоненты. В социологии выделяются действия целерациональные, ценностно-рациональные, традиционные и аффективные, по М. Веберу, либо интеллектуальные, экспрессивные и

моральные, по Т. Парсонсу, либо стратегические, нормативные, драматургические и коммуникативные, по Ю. Хабермасу. В этих схемах мы видим обусловленность действий потребностями индивидов, моральными нормами, привычными обстоятельствами, ролевыми ожиданиями. Существенным является противопоставление собственно действий и поступков, первые не предполагают необходимого выбора и ответственности за этот выбор, вторые определяются этими моментами.

С позиций лингвокультурологии, как простые действия, так и поступки обусловлены традициями этноса и различных групп в его составе. В этом плане лингвокультурное моделирование и объяснение разных типов речевых актов позволяет уточнить как систему норм общества, так и природу коммуникативных действий.

В системе речевых актов традиционно выделяется класс комиссивов – речевых действий, базовая интенция которых состоит в убеждении адресата в намерении говорящего совершить либо не совершать некоторое действие [11–20]. Комиссив устанавливает определенное положение дел и соотносится с другими типами речевых действий, классы которых варьируются в работах исследователей. Дж. Остин выделяет вердиктивы (приговор, оценка), экзерситивы (назначение на должность, приказ, совет), комиссивы (обещание, клятва), беабитивы (извинения, поздравления), экспозитивы (констатации, признания), Дж. Серль противопоставляет репрезентативы (утверждения, уверения), директивы (приказы, просьбы), комиссивы (обещания, гарантии), экспрессивы (выражения эмоций) и декларативы (изменения говорящим статуса адресата – назначения, церемониальные акты), А. А. Романов предлагает более дробную систему речевых действий, в основе которых лежат определенные иллокутивные функции (конститутивная, репрезентативная, интерактивная и когнитивная). В рамках декларативно-экспрессивных действий, обусловленных конститутивной функцией, выделяется класс комиссивов, включающий обязательства, клятвы, зарок, заверения, соглашения, обещания, гарантии, обеты, держания пари [3 : 54].

Возможны два основных способа выделения и описания речевых актов и их жанровых разновидностей: первый способ состоит в логическом моделировании ситуаций и установлении действий, соответствующих при-

знакам той или иной ситуации, второй способ заключается в инвентаризации глаголов, обозначающих речевые действия, т.е. фиксирующих те разновидности речевых актов, которые социум считает нужным вербально обозначить. Эти два способа взаимодополнительны. Достоинством первого способа является выделение достаточно детального списка коммуникативных действий, но отсюда же вытекает и основной его недостаток: некоторые действия могут оказаться нерелевантными для речевого коллектива. Например, признак несерьезности обещания, сделанного в шуточной форме, не находит выражения в системе комиссивов и не имеет специального обозначения как подтип данного класса. Достоинство второго подхода – опора на предпочтения социума, но в группе глаголов, обозначающих обязательства говорящего совершить или не совершать определенные действия, могут оказаться описательные единицы, которые не столько характеризуют действие, сколько показывают отношение общества к нему. Теория речевых действий предполагает опору на разграничение перформативов, т.е. действий, в результате которых происходит изменение обстоятельств, и дескриптивов, т.е. описаний тех или иных действий. Тематические группы глаголов в рамках класса комиссивов закономерно включают как перформативы, так и дескриптивы, и тем самым размывается содержательная суть объяснения речевых действий. Вместе с тем следует заметить, что описание, сопряженное с оценкой, исключительно важно для характеристики действия.

2. Типы комиссивов

Интроспективный анализ обязательств разного типа – логико-ситуативный подход к выделению комиссивов – позволяет установить следующие родовые и видовые признаки единиц данного класса: 1) обязательство как проективное целерациональное поведение человека, 2) жанрово-ситуативное уточнение типовых обстоятельств – бытовое обиходное обещание, торжественное обещание, деловое обещание с конкретизацией намерений и ответственности за его выполнение, обещание с обращением к сверхъестественным силам, юридически значимое обещание с констатацией действий в случае его нарушения, 3) характеристика проективного действия – обещание делать либо не делать чего-либо, 4) характеристика времени действия обязательства – краткосроч-

ное либо долгосрочное обязательство, 5) основанное на риске обязательство, взятое на себя участниками спора, 6) обязательство, которое не предполагает его выполнения, 7) обязательство, сопряженное с угрозой для кого-либо, 8) способ выражения обязательства – устный либо письменный, публичный либо приватный, сопровождаемый либо не сопровождаемый ритуальным действием.

Комиссив как проективное речевое действие соотносится с классом менасивов – речевых актов, содержанием которых является выражение намерения причинить вред адресату. Семантика обязательства и угрозы частично пересекается: эти классы речевых действий объединяются по направленности в будущее, но различаются по знаку интенции (приведение адресата в состояние эмоционального комфорта либо дискомфорта). Речевое действие угрозы детально исследовано в прагмалингвистике [21–30]. Столь пристальное внимание исследователей к данному классу речевых действий объясняется частотностью использования угроз в разных типах дискурса, их высоким манипулятивным потенциалом и вариативностью языкового и неязыкового выражения. Известно, что в ряду способов воздействия угроза как воздействие посредством физической или психической силы является в критической ситуации более эффективным инструментом получения нужного для субъекта результата, чем оказание влияния с помощью авторитета, аргументации или манипуляции. Кроме того, угроза является распространенным способом установления нужного для субъекта статусного соотношения между участниками общения. Комиссивы и менасивы пересекаются не только в плане проективного конструирования действительности, но и в двух основных способах такого проектирования: демонстрации волеизъявления субъекта либо вуалирования роли субъекта (ср.: *Вы не пожалейте, что выбрали нашу компанию. – Неверное решение чревато для вас нежелательными последствиями*).

Обратившись к «Новому объяснительному словарю синонимов русского языка», в детальной статье Ю. Д. Апресяна и М. Я. Гловинской мы находим следующие глаголы, обозначающие интересующий нас комиссив: *обещать, давать (честное) слово, сулить, клясться, обязываться*. Авторы отмечают, что все эти глаголы ориентированы в будущее (в отличие от слов ру-

чатся и гарантировать), предполагают передачу адресату слова, которое рассматривается как залог того, что сказанное будет обязательно выполнено, и допускают перформативное употребление. Устанавливаются тонкие смысловые различия между этими словами: 1) по содержанию обещания и трудности его выполнения, 2) по важности для участников ситуации обещанных действий, 3) по обязательности выполнения обещанного, 4) по характеристике «залога» выполнения обещания, 5) по возможным следствиям невыполнения обещания, 6) по ожиданиям адресата относительно действий субъекта, 7) по цели или мотивировке речевого акта, 8) по форме осуществления речевого акта, 9) по наличию возможных свидетелей, 10) по оценке обещания говорящим [31 : 236–241].

В английском словаре синонимов Вебстера (WNDS) приводятся следующие глаголы, обозначающие обещание: *promise, engage, pledge, plight, covenant, contract*. Эти слова объединены общим значением 'to give one's word that one will act in a specified way (as by doing, making, giving, or accepting) in respect to something stipulated' – давать слово, что некто будет действовать определенным образом (нечто делая, давая или принимая) по отношению к тому, о чем оговорено. Различия между этими словами сводятся к следующим признакам: 1) степень обязательности выполнения обещанного, 2) степень официальности и торжественности обещания, 3) уточнение ситуаций (в частности, обещание жениться или взять кого-либо на работу), 4) наличие взаимных обязательств, 5) юридическое обязательство.

В формальном плане любое обещание является поступком, т.е. предполагает выбор из возможных вариантов поведения и ответственность за свое действие либо бездействие. Вместе с тем можно противопоставить различные типы комиссивов: обиходные и ритуальные (*Я больше не буду списывать. – Мы отомстим ему за это злодейство!*), персональные и институциональные (*Я тебе сразу же позвоню, обещаю! – Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину*), негарантийные и гарантийные (*Приеду через полчаса. – Гадом буду!*). Можно выделить также обещания выполнимые и невыполнимые (*Работа будет выполнена в срок. – Не обещайте деве юной любви вечной на земле. – Б. Окуджава*). Обиходные персо-

нальные выполнимые негарантийные обязательства представляют собой немаркированный сектор комиссивов, т.е. произносятся и воспринимаются как выражение интенции что-то сделать (или чего-то не делать), при этом участники общения понимают, что допустимы отклонения от принятых на себя обязательств и санкции за невыполнение обещания не будут чересчур суровыми. Приведем примеры из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и корпуса «Библиотека лексикографа» (сост. А. А. Бурыкин):

Я думаю, что сейчас нет смысла продолжать этот разговор, но обещаю вам, что мы встретимся и тогда поговорим обо всем как следует (Ю. Домбровский); Обещаю вам выслушать всё до конца со вниманием (Е. Чижов); Сразу навскидку не скажу, но обещаю подумать (А. Маринина).

Подобные речевые действия не воспринимаются как поступки, определяющие судьбу. В ряде случаев участники общения понимают, что высказывание не является искренним:

Повторяю: не вздумай соврать, ни в одном слове! – Обещаю, – соврал я (А. Рубанов); Обещаю светлое будущее через пять лет, а пока объясняю, что надо поработать бесплатно (Н. Попов).

Обещание часто контрастирует с угрозой:

...я поминутно погонял моего ямщика, то обещая ему на водку, то угрожая побоями (А. С. Пушкин).

Комиссив «обещание» функционирует в диагностическом и недиагностическом контексте, т.е. раскрывает либо не раскрывает суть ситуации принятия на себя обязательств, сопутствующих обстоятельств и выполнения либо невыполнения обещания. Обещание может касаться значимых и незначимых событий, в первом случае оно смыкается с клятвой:

*И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.
(М. Ю. Лермонтов).*

Контраст между обещанием и клятвой отражает степень эмоционального переживания этого поступка:

«Мне не нужно клятвы, – сказала Лиза, – довольно одного твоего обещания» (А. С. Пушкин).

Обещание в данном контексте означает личную ответственность человека за свои обязательства, клятва же осмысливается как сакральное действие, свидетелем которого выступают высшие силы.

Иногда приходится давать обещания, в выполнении которых нет уверенности:

*Я много обещаю –
Исполню ли? Бог весть!*
(А. С. Пушкин).

Сомнение в возможности выполнить обещанное в приведенном примере объясняется непредсказуемостью будущего. Но есть ситуации, когда человек понимает, что вероятность исполнения своего слова очень мала, а люди надеются, что им будет оказана помощь:

Нехлюдов выслушал все просьбы и жалобы и, посоветовав одним, разобрав других и обещав третьим, испытывая какое-то смешанное чувство усталости, стыда, бессилия и раскаяния, прошел в свою комнату (Л. Н. Толстой).

Интересна семантика русского глагола «сулить», который является разговорным синонимом более употребительного слова «обещать» и, как следует из его этимологии, означает «обещать лучшее» (в значении «предвещать» эти синонимы относятся к событиям и обстоятельствам, а не к людям и поэтому не могут рассматриваться как знаки поступка). Ингерентной оценкой в семантике «сулить» объясняется возможность перформативного употребления *я обещаю*, ср. невозможность **я сулю*. Этот глагол интересен тем, что акцентирует позицию адресата, того, кому обещают что-то, поскольку типичная ситуация такого обещания выдвигает на первый план сомнительность результата:

...вместо Кронштадта очутилась она у теньки из Фонарного переулка. Эта сулила ей золотые горы в весьма близком будущем (В. В. Крестовский);

Деловая интуиция, трезвый расчет были ему мало присущи: он с порога обольщался выгодами, которые ему сулили, видел себя в мечтах богатым человеком – и вечно просчитывался и сидел на мели (В. Я. Лакшин).

В произведениях художественной литературы даны точные зарисовки человеческих типов, которые проявляются в речевом акте обещания:

Хуже всего то, что он сам не знает себя, и поэтому нельзя положиться на его намерения и обещания: сегодня решится на одно, а завтра сделает другое (И. А. Гончаров).

В ряде случаев эти описания показывают социальную обусловленность такого поведения:

*Но он придворный: обещаешь
Ему не стоят ничего*
(А. С. Пушкин).

Критическая оценка несостоятельного обещания точно выражена в заключительном четверостишии хрестоматийно известного стихотворения:

*Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.*
(Е. А. Баратынский).

Обратим внимание на следующие особенности этого поэтически осмысленного поступка: некто пытается проектировать свое будущее и будущее другого человека поспешно, не имея должного опыта, и поэтому не чувствует, что такое поведение обречено на фиаско. Не случайно речь идет не о единичном случае, а о распространенном, свойственном многим поступке. Используется местоимение первого лица множественного числа, т.е. субъект выступает как представитель рода человеческого.

В поэтическом тексте обещание может приобретать характер жизненной доминанты. Таковы заключительные строки известного стихотворения Роберта Фроста:

*The woods are lovely, dark and deep,
But I have promises to keep,
And miles to go before I sleep,
And miles to go before I sleep.*
(R. Frost).

*Лес чуден, темен и глубок.
Но должен я вернуться в срок.
И до ночлега путь далек,
И до ночлега путь далек.*
(Перевод Г. Кружкова).

Фраза «у меня есть обещания, которые я должен выполнить» становится жизненным ориентиром лирического героя. Под ночлегом в данном случае понимается завершение жизненного пути. Путник должен идти вперед, даже если хочется остановиться и

остаться на месте. Вероятно, слово «обещание» в этом контексте осмысливается как предназначение, как миссия.

Обещания, которые квалифицируются как поступки, обусловлены тремя основными факторами: 1) ритуальностью, т.е. подтверждением своей главной идентичности, 2) институциональностью, т.е. принадлежностью к тому или иному социальному учреждению, 3) гарантированностью выполнения взятых на себя обязательств, т.е. указания на санкции, которые накладываются в случае нарушения обещания.

Ритуальное обещание осмысливается как клятва. Клятва представляет собой сакральное действие, содержание которого состоит в принятии на себя обязательств совершить что-либо и/или правдиво свидетельствовать о чем-либо, а выражение которого представляет собой формулу, включающую апелляцию к высшим силам и готовность подвергнуться проклятию и наказанию в случае нарушения клятвы [32]. Первоначальные клятвы относились только к магическому призванию божества как подтверждению подлинности намерений говорящего, а в дальнейшем стали подтверждением исключительной важности ритуального обещания, сопровождающего инициацию (переход в новое качество). Как и любое ритуальное формульное выражение, подобные комиссивы включают особые сопровождающие речь действия и со временем становятся клишированными высказываниями:

Надрезав основания больших пальцев левых рук, они сомкнули их в рукопожатии и произнесли слова клятвы: «Клянемся быть с этого момента братьями!» (Ю. Жуков);

– Не пишите больше! – попросил пришедший умоляюще. – Обещаю и клянусь! – торжественно произнёс Иван. Клятву скрепили рукопожатием (М. Булгаков);

Что-нибудь вроде «признаю свою вину, изкажил, обещаю исправить, осознал», – вот в таком роде, вы ведь знаете, уже есть стандарт (В. Гроссман).

В качестве сопровождающих клятву действий использовались воздевание рук к небесам, прикосновение к земле или сакральным предметам, в ряде случаев принесение в жертву людей или животных, поедание земли или нанесение себе или кому-либо увечий.

Широкое внедрение в общероссийскую коммуникативную практику норм и обыкно-

вений воровского сообщества отражено в формуле декларации некоторой непреложной истины:

А ты отвечаешь? – Отвечаю! (с акцентированным выделением первого слога в ответной реплике). «Отвечаю – это клятва. Печать подлинности пацанского слова, коим скрепляются соглашения, задвигаются постановления, разруливаются базары» (www.gorogez.ru). В этом ёрническом комментарии используются понятия воровского жаргона «постанова» (положение дел) и «базар» (обещание, за невыполнение которого нужно отвечать).

Чем более ритуальным становится обещание, тем более вероятно, что оно будет усилено повтором (часто используется троекратный повтор) и выражено первым лицом во множественном числе:

«Клянемся относиться к театру с той глубокой и священной жертвенностью, с какой относился Станиславский!» – «Клянемся! Клянемся! Клянемся!» – повторили стоящие у могилы Станиславского артисты театра... (В. Давыдов).

Ритуальность торжественного обещания обусловлена нахождением в пограничной ситуации, в данном случае – клятва дана во время похорон.

Особый характер ритуального комиссива может состоять в выраженном или подразумеваемом действии, имеющем отношение к высшим ценностям, в частности, к жизни:

И еще я тебе обещаю, что это будет последний рассвет, который ты увидишь в своей жизни (А. Маринина).

В приведенном примере выражена угроза, которая усилена обещанием.

Институциональное обещание имеет определенное сходство с ритуальным, но в первую очередь подчеркивает принадлежность говорящего к профессиональной или некоторой иной социальной группе:

– Как наместник эмира, обещаю вам воевать с большевиками до полной победы (Е. Парнов);

«Вы всех своих сообщников не выдавайте, а только назовите имя вашего главаря, и я обещаю, что избавлю вас от пыток» (Д. Фурман);

Сомнительно такое заявление: «... я не обещаю, но добиваюсь освобождения» (приведенные примеры взяты из объявлений адвокатов) (В. Залманов).

Такой тип обещания определяется по содержанию проективного действия и явному либо неявному обозначению говорящим своего статуса. Когда говорящий обозначает свою профессиональную или другую социальную принадлежность, он активизирует цепь ассоциаций, в первую очередь оценочных. Например, «Я как историк считаю...» (у меня есть достаточно высокая квалификация для вынесения определенной оценки) или «Даю слово офицера» (подразумевается, что офицеры в отличие от других всегда держат своё слово). Если некто обещает не прибегать к пыткам, значит, он будет их использовать в случае отказа адресата выполнить требуемое действие. Интересны случаи акцентированного выражения своих возможностей в комиссивном речевом действии: фраза «не обещаю, но добиваюсь освобождения» означает, что другие только обещают и не выполняют своих обещаний. Комиссив отличается от других речевых актов подчеркиванием статуса субъекта: «Скажу как отец: выпорю» или «И теперь, мой народ, я обещаю не только мудро, но и добро и кротко править тобою!» (Л. Чарская). В известном стихотворении К. Симонова «Сын артиллериста» герой посылает на смертельное задание сына своего погибшего друга и говорит, что как командир он бы этого не сделал, но как отец он должен послать в самое опасное место того, кого считает своим сыном.

Комиссив, в котором четко определяется ответственность за будущее действие, характерен прежде всего для юридического дискурса. Так, например, в типовом трудовом договоре обозначены следующие должностные обязанности работника:

Работник обязан:

Добросовестно выполнять работу согласно профессии (должности), на которую он принят в соответствии с требованиями тарифно-квалификационного справочника (ЕТКС), должностной инструкции и стандартов предприятия;

Соблюдать правила внутреннего трудового распорядка организации;

Соблюдать трудовую дисциплину;

Выполнять установленные нормы труда;

Соблюдать требования по охране труда и обеспечению безопасности труда;

Бережно относиться к имуществу Работодателя и других работников;

Незамедлительно сообщать Работодателю либо непосредственному руководителю о возникновении ситуации, представляющей угрозу жизни и

здоровью людей, сохранности имущества Работодателя;

Сообщать по требованию Работодателя полную и достоверную информацию, необходимую для ведения кадрового и иных видов учета, своевременно информировать Работодателя об изменении своих персональных данных;

Исполнять иные обязанности, предусмотренные трудовым законодательством, коллективным договором, соглашениями, настоящим трудовым договором и иными локальными нормативными актами, содержащими нормы трудового права (dogovor-urist.ru).

Подписав соответствующий текст, работник тем самым выражает своё обязательство выполнять указанные пункты договора. Подразумевается, что невыполнение этих пунктов автоматически влечёт за собой расторжение договора.

Вербализация следствий, вытекающих из комиссива, носит оценочный характер:

«И последний раз перед всеми обещаю, что если и дальше так будет, то не посмотрю я на то, что хороший боец ты и товарищ, а выгоню из отряда!» (А. Гайдар);

«Черт с вами, обещаю отпустить на все четыре стороны, только сдавайтесь и выпустите графиню!» (Н. Островский);

Если будешь записывать, то я со своей стороны попрошу заведующего колонией прибавить тебе и от меня ударов пятьдесят, расскажешь же подробно и толком, о чем умолчала Штурман, обещаю избавить тебя от порки вовсе, сам выбирай (А. Кошко).

Гарантийный комиссив представляет собой обещание сделать нечто при выполнении определенного условия со стороны адресата. В своем полном выражении такой комиссив содержит положительный и отрицательный для адресата варианты развития событий.

3. Аксиология комиссивов

Обещание детально осмыслено в пословицах и афоризмах. Выделяются два вектора норм поведения по отношению к обязательствам – ориентиры для тех, кто обещает, и для тех, кому обещают.

Ориентиры для тех, кто обещает:

Следует непременно выполнять обещания: *Всякое вольное обещание обязательно (рус.); Дав обещание, не отступайся (рус.); Слово дал – держи, обещал – сделай (рус.); Обещание выполнением ценится (рус.);*

Обещать да не выполнить – позор (осетинск.); Великодушный выполняет свои обещания (тадж.); Обещание дороже золота (узбекск.); Верность клятве – мера чести (Ш. Руставели).

Следует обдуманно давать обещания: Обещать-то легко, да думай исполнить (рус.); Что не властен давать, то бесчестно обещать (рус.); Нужно трижды язык повернуть, прежде чем обещать (рус.); Лучше сто раз отказать, чем один не исполнить обещанного (кит.); Обещай рассудя, а давай не скупясь (рус.); Медли обещать, спеши выполнять (арабск.); Кто осторожнее в своих обещаниях, тот точнее в их исполнении (Ж. Руссо); Клятва есть речательство, излишнее в отношениях с людьми честными, и бесполезное – с прочими (А. Декурсель).

Следует соотносить свои возможности и обещания: Не можешь помочь – не обещай (корейск.); Обещая, помни о своих возможностях (грузинск.); Не обещай того, что не в силах сделать (мордовск.); Большие обещания уменьшают доверие (К. Г. Флакк).

Следует знать, что невыполненные обещания рождают вражду: Иной из-за стыда дает обещания другу, и без причины наживает в нем себе врага (Б. Сира); Коль нет врага, не наживай его невыполненными обещаниями (грузинск.); Где божба и клятва, там и преступление (франц.); Обещанное исполнишь – масляная каша, обещанное забудешь – зубастая плетка (марийск.).

Ориентиры для тех, кому обещают:

Следует знать, что обещания не всегда выполняются: От слова до дела целая верста (рус.); От обещания до дела далека дорога (франц.); На посуленном далеко не уедешь (рус.); Обещание от дела далеко отлетело (португ.); Обещал бычка, а дает тычка (рус.); Что обещание, что зарок – не надежны (рус.); Обещанного три года ждут (рус.); Обещалкиных на свете хоть пруд пруди (рус.); Обещаниями сыт не будешь (грузинск.); Кто много обещает, тот ничего не сделает (рус.); Неисполненное обещание, что письмо на воде (рус.); Кто обещает увести на край света, дальше дивана не отойдет (С. Омулов).

Следует знать, что обещания часто даются непорядочными людьми: Лгун горазд обещать, непутевый – сплетни собирать (казахск.); Хитрый обещает, а дурень верит (белорус.); Обещаниями убаюкивают, красным словом заставляют спать (мон-

гольск.); Никто так много не обещает, как тот, кому нечего дать (итал.); Кто не имеет, легко обещает (болгарск.); Золотые горы обещает чаще не их собственник (болгарск.); Еще никто не обеднел от обещаний (кубинск.); Клятву, данную врагу, нарушают из страха перед ним, а данную богу – из пренебрежения к нему (Плутарх).

Следует знать, что людям свойственно верить в обещания: Кадку без дна можно наполнить только обещаниями (болгарск.); Люди готовы наобещать горы, чтобы избавиться от необходимости дать хотя бы крохи (Вовенарг); Обещания обходятся дешевле подарков, а ценятся гораздо дороже (А. Франс); Кормить обещаниями можно только тех, кто их проглатывает (И. Родионов).

Не следует верить слишком красивым обещаниям: Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки! (рус.); Где обещают много груш, туда иди с маленьким лукошком (македонск.); В раю обещаний человек может умереть с голоду (датск.); Зайцу обещали хвост, и он до сих пор все ждет (мордовск.); Обещали «завтра, завтра», и олень без хвоста остался (осетинск.); Если ты варишь плов из обещаний, то я принесу море масла (турецк.); Берегись того, кто обещает что-нибудь за ничто (Барух); Кто сулит всё – тот не даст ничего (Брюн).

Не следует верить обещаниям тех, кто терпит невзгоды: Обет, данный в бурю, забывается в затишье (англ.); Когда человек торопится на другой берег, он готов пообещать доставить на небо того, кто его переправит (тамилск.); Как тонет – топор сулит, а вытащишь – и топорища жаль (рус.); Дурные люди не соблюдают клятв, данных в безвыходном положении, после того, как от него избавились (Демокрит); Легко давать обещания, стоя на краю пропасти (Квиллар).

Не следует верить обещаниям тех, кто считает себя хозяевами жизни: Обещать – дело господское, исполнять – холопское (рус.); Собаки любят вилять хвостом, князья любят изменять обещаниям (монг.); Если тебе гарантируют жизнь, значит, она в опасности (Г. Малкин).

Не следует верить наспех данным обещаниям: Кто быстро обещает, долго исполняет и быстро кается (кубинск.); Кто быстро обещает, тот медленно дает (литовск.); Кто быстро обещает, тот обещания не помнит (испанск.); По скорым обещаниям ветер гуляет (литовск.); Не дове-

райся тому, кто легко обещает (японск.); Обещания недолговечнее корки пирога (англ.); Обещания помнятся, пока губы не обсохли от их произнесений (тагальск.).

Субъект комиссива, как следует из приведенных норм поведения, должен ответственно относиться к своим обещаниям, осознавая, что обещанное непременно следует выполнить. Эти требования определяют позицию деятеля, который своим поведением преобразует действительность. В пословицах и афоризмах обозначены типичные оценки социума по отношению к тому, кто не держит своего слова: он теряет репутацию и приобретает врагов. Подчеркивается необходимость трезвой рациональной оценки своих возможностей. Рекомендации адресатам комиссивов отражают позицию мудрого созерцателя, который знает, что мир несовершенен и советует не быть чересчур доверчивым, уточняя типичные ситуации, в которых проявляются те, кто безответственно или злонамеренно дает обещания, клятвы или гарантии.

4. Заключение

Комиссив представляет собой речевое действие, выражающее интенцию говорящего взять на себя определенные обязательства. Прототипным проявлением комиссива является обещание. Основным системным коррелятом обещания выступает угроза. Можно выделить четыре базовых типа обещаний: обиходные, ритуальные, институциональные и гарантийные. Важнейшим признаком обиходного обещания является соотношение между данным словом и его выполнением, в ритуальном комиссиве (его прототип – клятва) на первый план выступает сакрализация данного поступка, усиленная сопровождающими этот акт символическими действиями, в институциональном обещании акцентируется статус говорящего, в гарантийном комиссиве, используемом прежде всего в юридическом дискурсе, в центре внимания оказываются санкции за невыполнение взятых на себя обязательств. Комиссивы детально осмыслены в пословицах и афоризмах. Выделяются два основных вида предписаний применительно к обещаниям – для тех, кто обещает, и для тех, кому обещают. Первые требуют ответственно относиться к себе и окружающим, вторые рекомендуют трезво оценивать поведение тех, кто легко дает обещания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 22–130.
2. *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. : Прогресс, 1986. С. 151–169.
3. *Романов А. А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Пособие по теоретическим курсам. М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
4. *Богданов В. В.* Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения : Сб. науч. тр. Калинин : Калининск. ун-т, 1989. С. 25–37.
5. *Сусов И. П.* Лингвистическая прагматика. Винница : Нова Книга, 2009. 272 с.
6. *Vach K., Harnish R. M.* Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge : MIT Press, 1979. 327 с.
7. *Edmondson W.* Illocutionary Verbs, Illocutionary Acts, and Conversational Behaviour // Ekmeyer H. & Riesser H. (eds.) Words, World and Context : New Approaches in World Semantics. Berlin : Walter de Gruyter, 1981, pp. 485–499.
8. *Tsohatzidis S.* (ed.) Foundations of Speech Act Theory : Philosophical and Linguistic Perspectives. London : Routledge, 1994. 500 p.
9. *Yule G.* Pragmatics, Oxford : Oxford University Press, 1996. 138 p.
10. *Searle J. R., Vanderveken D.* Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. 227 p.
11. *Антонова А. В.* Интенция обещания и средства ее выражения в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 24 с.
12. *Былина Е. Э.* Прагматика обещания в современном англоязычном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012. 20 с.
13. *Восканян Г. Р.* Опыт анализа предложений, содержащих перформативы-обязательства (на материале современного английского языка) // Проблемы синтаксиса словосочетания и предложения в современном английском языке : Межвуз. сб. науч. тр. Пенза : Изд-во Пензенского лингв. ун-та, 1987. С. 45–52.
14. *Гашева О. В.* Речевой акт обещания в современном французском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 24 с.
15. *Филимонова Е. А.* Прототипическая картина класса комиссивов: на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 24 с.
16. *Abbood Ad-Darraji H. H.* et al. Offering as a Comissive and Directive Speech Act : Consequence for Cross-Cultural Communication // International Journal of Scientific and Research Publications, Vol. 2, Iss. 3, March 2012, pp. 1–9.

17. Al-Bantany N. F. The Use of Commissive Speech Acts and Its Politeness Implication : A Case of Banten Gubernatorial Candidate Debate // *Passage*, 2013, № 1(2), pp. 21–34.

18. Davidson J. Subsequent Versions of Invitations, Offers, Requests and Proposals Dealing with Potential or Actual Rejection // Atkinson M. J. & Heritage J. (eds.) *Structures of Social Actions : Studies in Conversation Analysis*, Cambridge University Press, 1984, pp. 102–128.

19. Hickey R. A Promise is a Promise : On Speech Acts of Commitment in English // *Studia Angelica Posnaniae*. Vol.18, 1986, pp.69–80.

20. Siebel M. Illocutionary Acts and Attitude Expression // *Linguistics and Philosophy*, 2003, № 26, pp. 351–366.

21. Благий Т. Л. Коммуникативно-прагматические классы предложений угрозы, страха и опасения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1994. 17 с.

22. Байрамуков Р. М. Речевое действие угрозы в рассказах В. М. Шукшина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2001. 22 с.

23. Хохлова Н. В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 19 с.

24. Афанасьева Л. А. Организация интеракций с наличием угрозы негативного коммуникативного результата: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 23 с.

25. Мартынова И. А. Функционально-семантическое поле менасивных речевых актов (на материале современной англоязычной художественной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 18 с.

26. Жучков Д. О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа : на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 22 с.

27. Энттейн О. В. Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 20 с.

28. Новоселова О. В. Функционально-семантическая характеристика дискурсивных практик со значением угрозы в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 21 с.

29. Gil J. M. Face-Threatening Speech Acts and Face-Invasive Speech Acts : An Interpretation of Politeness Phenomena // *International Journal of Linguistics*, 2012, Vol. 4, № 2, pp. 400–411.

30. Salgueiro A. B. Promises, threats, and the foundations of speech act theory // *Pragmatics*. 2010. Vol. 20:2, pp. 213–228.

31. Апресян Ю. Д., Гловинская М. Я. Обещать 1 // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Первый вып. 2-е изд., испр. / Под общ.

рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 236–241.

32. Изотов В. Сущность понятия «клятва» // 2013 [Электронный ресурс] www.bogoslov.ru/text/3109806.html

REFERENCES

1. Austin J. Slovo kak deystvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 22–129.

2. Searle J. Chto takoe rechevoy akt? [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 151–169.

3. Romanov A. A. *Sistemnyy analiz regulyativnykh sredstv dialogicheskogo obshcheniya* [System analysis of regulatory assets of dialogic communication]. Moscow, 1988. 183 p.

4. Bogdanov V. V. Klassifikatsiya rechevykh aktov [Classification of speech acts]. *Lichnostnyye aspekty yazykovogo obshcheniya* [Personal aspects of linguistic communication]. Kalinin, 1989, pp. 25–37.

5. Susov I. P. *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Vinnitsa, 2009. 272 p.

6. Bach K., Harnish R. M. *Linguistic Communication and Speech Acts*. Cambridge, 1979. 327 p.

7. Edmondson W. Illocutionary Verbs, Illocutionary Acts, and Conversational Behaviour. Ekmeier H., Riesser H. (eds.) *Words, World and Context: New Approaches in World Semantics*. Berlin, 1981, pp. 485–499.

8. Tsohatzidis S. (ed.) *Foundations of Speech Act Theory: Philosophical and Linguistic Perspectives*. London, 1994.

9. Yule G. *Pragmatics*, Oxford, 1996. 138 p.

10. Searle J. R., Vanderveken D. *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge, 1985.

11. Antonova A. V. *Intentsiya obeshchaniya i sredstva yeye vyrazheniya v angliyskom yazyke* [Intension of promises and its means of expression in English: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Samara, 2004. 24 p.

12. Bylina Ye. E. *Pragmatika obeshchaniya v sovremennom angloyazychnom diskurse* [Pragmatics promises in today's English-speaking discourse : Cand. philol. sci. thesis diss.]. Irkutsk, 2012. 20 p.

13. Voskanyan G. R. *Opyt analiza predlozheniy, soderzhashchikh performativny-obyazatel'stva (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Experience analysis of sentences containing performatives-obligation (based on the modern English language)]. *Problemy sintaksisa slovosochetaniya i predlozheniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Problems of syntax phrases and sentences in modern English language]. Pyatigorsk, 1987, pp. 45–52.

14. Gasheva O. V. *Rechevoy akt obeshchaniya v sovremennom frantsuzskom i angliyskom yazykakh* [The promise speech act in modern French and English: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Yekaterinburg, 2007. 24 p.

15. Filimonova Ye. A. *Prototipicheskaya kartina klassa komissivov: na materiale angliyskogo i russkogo yazykov* [Prototypical picture of the commissive class: on a material of English and Russian languages: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ufa, 2003. 24 p.

16. Abbood Ad-Darraj H. H. et al. Offering as a Commissive and Directive Speech Act: Consequence for Cross-Cultural Communication. *International Journal of Scientific and Research Publications*, Vol. 2, Iss. 3, March 2012, pp. 1–9.

17. Al-Bantany N. F. The Use of Commissive Speech Acts and Its Politeness Implication: A Case of Banten Gubernatorial Candidate Debate. *Passage*, 2013, no. 1(2), pp. 21–34.

18. Davidson J. Subsequent Versions of Invitations, Offers, Requests and Proposals Dealing with Potential or Actual Rejection. Atkinson M. J., Heritage J. (eds.) *Structures of Social Actions: Studies in Conversation Analysis*. Cambridge, 1984, pp. 102–128.

19. Hickey R. A Promise is a Promise: On Speech Acts of Commitment in English. *Studia Angelica Posnaniesia*. Vol.18, 1986, pp.69–80.

20. Siebel M. Illocutionary Acts and Attitude Expression. *Linguistics and Philosophy*, 2003, no. 26, pp. 351–366.

21. Blagiy T. L. *Kommunikativno-pragmaticheskiye klassy predlozheniy ugrozy, strakha i opaseniya v sovremennom nemetskom yazyke* [Communicative and pragmatic proposals classes of threat, fear and apprehension in modern German language: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Irkutsk, 1994. 17 p.

22. Bayramukov R. M. *Rechevoye deystviye ugrozy v rasskazakh V. M. Shukshina* [The threat speech act in stories by V. M. Shukshin: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Stavropol', 2001. 22 p.

23. Khokhlova N. V. Sposoby i sredstva realizatsii kommunikativnoy kategorii ugrozy v russkom i angliyskom yazykakh [Ways and means to implement the threat communicative category in the Russian and English languages: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2004. 19 p.

24. Afanas'yeva L. A. *Organizatsiya interaktsiy s nalichiyem ugrozy negativnogo kommunikativnogo rezul'tata: na materiale angliyskogo yazyka* [Organization of interactions with the presence of the threat of

negative communicative result: on a material of English language: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Voronezh, 2005. 23 p.

25. Martynova I. A. Funktsional'no-semanticheskoye pole menasivnykh rechevykh aktov (na materiale sovremennoy angloyazychnoy khudozhestvennoy literatury) [Functional-semantic field of the menasive speech acts (on the material of modern English literature): Cand. philol. sci. thesis diss.]. Samara, 2006. 18 p.

26. Zhuchkov D. O. Rechevoy akt ugrozy kak ob'yekt pragmalingvisticheskogo analiza: na materiale angliyskogo yazyka [The threat speech act as an object of pragmalinguistic analysis: on a material of English language: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Voronezh, 2010. 22 p.

27. Epshteyn O. V. *Pragmalingvisticheskiye osobennosti menasivnogo rechevogo akta v politicheskom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka)* [Pragmalinguistic features of the menasive speech act in the political discourse (on the material of English language): Cand. philol. sci. thesis diss.]. Samara, 2010. 20 p.

28. Novoselova O. V. Funktsional'no-semanticheskaya kharakteristika diskursivnykh praktik so znacheniyem ugrozy v angliyskom yazyke [Functional-semantic characteristics of the threat discursive practices in English: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Tver', 2013. 21 p.

29. Gil J. M. Face-Threatening Speech Acts and Face-Invasive Speech Acts: An Interpretation of Politeness Phenomena. *International Journal of Linguistics*, 2012, Vol. 4, no. 2, pp. 400–411.

30. Salgueiro A. B. Promises, threats, and the foundations of speech act theory. *Pragmatics*. 2010. Vol. 20:2, pp. 213–228.

31. Apresyan Yu. D., Glovinskaya M. Ya. Obeshchat' 1 [Promise 1]. *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms Russian language]. Yu. D. Apresyan (ed.). Moscow, 1999, pp. 236–241.

32. Izotov V. Sushchnost' ponyatiya «klyatva» [The essence of the concept of "oath"]. See at: www.bogoslov.ru/text/3109806.html

Статья поступила в редакцию 09.09.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карасик В. И. Комиссив как поступок: лингвокультурные характеристики // Жанры речи. 2016. №2. С. 56–66. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-56-66

FOR CITING

Karasik V. I. Commissive as a behavioral action: linguistic and cultural features. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 56–66. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-56-66 (in Russian).

УДК 821.161,1.09+929

ББК 83.3(2Рос=Рус)

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-67-71

Б. Ю. Норман
Минск, Беларусь

B. Yu. Norman
Minsk, Belarus

ПОЛИЛОГ: РЕЧЕВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИЕМ

POLYLOGUE: SPEECH REALITY AND LITERARY TECHNIQUE

Аннотация. Статья продолжает дискуссию об особом статусе полилога – одновременного говорения нескольких коммуникантов. Приводятся многочисленные примеры из драматургических и прозаических произведений русской литературы (А. Чехов, Ю. Олеши, В. Аксенов, Л. Улицкая и др.), демонстрирующие важную роль полилога как литературного приема. Рассматривается ситуация полилога в реальном устном общении, описываются ее условия и делается вывод, что она не соответствует правилам успешного общения. Полилог свидетельствует прежде всего о разобщенности коммуникантов.

Ключевые слова: полилог, говорящий, литературный прием, смысловая несогласованность реплик, разобщенность коммуникантов.

Сведения об авторе: Норман Борис Юстинович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания.

Место работы: Белорусский государственный университет (Минск).

E-mail: boris.norman@gmail.com

Abstract. The article continues the discussion on the special status of polylogue – simultaneous speaking of several communicants. There are numerous examples from dramatic and prose works of Russian literature (A. Chekhov, Yu. Olesha, V. Aksyonov, L. Ulitskaja etc.), demonstrating the important role of polylogue as a literary technique. We consider the polylogue situation in real oral communication, and we describe its conditions and conclude that it does not meet the rules of successful communication. Polylogue indicates first of all disunity of communicants.

Key words: polylogue, speaker, literary technique, semantic inconsistency of replicas, disunity of communicants.

About the author: Norman Boris Yustinovich, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Slavonic Linguistics.

Place of employment: Belarusian State University (Minsk).

В статье показывается, как признаки полилога (тематические перескоки, сложное взаимодействие реплик, разрыв диалогических единств, особый вид линейного развертывания и др., описываемые в лингвистической литературе и замечательно точно охарактеризованные Ю. Олешей: «Нужно попробовать применить в пьесе обыкновенную человеческую речь – рваную, заикающуюся речь, с мгновенным перескакиванием с одной темы на другую») используются как литературный прием, чтобы показать разобщенность героев. Конечно, не всегда и не все коммуниканты – участники полилога разобщены, и взаимоотношения между персонажами могут быть значительно сложнее, чем просто разобщенность. Однако, по нашим наблюдениям, именно данный литературный прием интересен и представляет со-

бой достойный объект лингвистического анализа.

В центре данной небольшой статьи – феномен полилога. Это ситуация, при которой в устном разговоре участвует несколько коммуникантов, и каждый говорящий развивает свою тему. Цитирую для начала фрагмент из эссе Юрия Олеша «Работа над пьесой»:

Нужно попробовать применить в пьесе обыкновенную человеческую речь – рваную, заикающуюся речь, с мгновенным перескакиванием с одной темы на другую.

Обедают.

М у ж (к Маше). Ты что, подстриглась?

М а ш а . А ты разве не видел? Вчера.

М у ж . Доктор Гурфинкель совсем... того...

Отец. Осторожно, Маша, ляпнешь на скатерть. Я всегда говорил, что он сумасшедший.

М а ш а . А не коротко подстриглась?

О т е ц . Что это значит – театральный врач?

М у ж . Он вчера целую ночь просидел на бульваре. Почему у нас никогда нет спичек?

М а ш а . Вы придираетесь к нему. Он очень хороший. Я только что видела спички.

О т е ц . Смотри, кисель все-таки густой получился.

И т.д.

Попытки передать реальный разговор «с перескакиванием с одной темы на другую» были представлены в русской литературе еще в начале XX в. Так, в рассказе Н. Тэффи «Семейный аккорд» изображается беседа в кругу семьи из трех человек. Приведу и здесь только краткий фрагмент:

Дочка моет чайные ложки и говорит, поворачивая голову к буфету:

– С одной черной шляпой всю зиму! Покорно благодарю. Я знаю, вы скажете, что еще прошлогодняя есть. В вас никогда не было справедливости...

– Десятка, пятерка, валет... Вот, зачем пятерка! Не будь пятерки, – валет на десятку, и вышло бы. Не может быть, чтобы они, зная, что я уезжаю, и, опять-таки, получивши задаток...

– А Зиночка вчера, как нарочно, говорит мне: «А где же твоя шляпка, Сашенька, что с зеленым пером? Ведь ты, говорит, хотела еще с зеленым купить?» А я молчу в ответ, хлопаю глазами. У Зиночки-то у самой десять шляп.

– Так и сказал: «Если вы, Иван Матвеевич, надумали взять отпуск именно теперь, то что именно будете вы...»

– Одна шляпка для свиданий, одна для мечтаний, одна для признаний, одна для купаний – красная. Потом с зеленым пером, чтоб на выставки ходить.

– Врут карты. Быть не может. Разложу еще. Вон сразу две семерки вышли. Десятка на девятку... Тут сюда... Вот этот пасьянс всегда верно покажет.

А вот пример из литературы 60-х годов XX в. Прочитую начало полилога из повести В. Аксенова «Пора, мой друг, пора...»:

– На Гавайских островах любимый спорт – плавание по волнам на доске. Безумно сложная штука, – говорил Олег.

– Я помню, был на соревнованиях во Львове. Так вот, выдали нам талоны на питание, а мы с Гошей Масловым... – рассказывал Эдуард.

– Таня, у тебя в Москве много подруг? – спросил Миша.

– Наш режиссер тиран, невозможный тип, – жаловалась Таня...

Вообще в русской литературе это традиция, идущая от А. П. Чехова. Разобщенное говорение свойственно, например, персонажам «Вишневого сада» и «Трех сестер». И неслучайно, что в современной пьесе Л. Улицкой «Русское варенье», написанной по мотивам чеховских пьес, прием полилога – яркий сигнал, отсылка к классике. Примером может послужить одна из двух интермедий этой пьесы:

– Осторожно! Уборная не работает!

– Где эти битые яйца?

– Это медсестра пришла делать Константиномукол.

– Надо вызвать мастера по ремонту пишущих машинок! Это катастрофа! Я не могу работать!

– Он не работает!

– Она не работает!

– Я работаю как ломовая лошадь!

– Не надо идеализировать прошлое!

– Не надо идеализировать будущее!

– Вы серо живете, вы много говорите ненужного!

– Дача разваливается! Ну неужели никто ничего не сделает?

И т.д.

Один из фильмов Киры Муратовой – «Увлеченья» – начинается с встречи нескольких человек – пациентов и посетителей больницы – в больничном саду на взморье. Это жокеи, цирковые артисты, медсестра – и каждый говорит «сам по себе» (или сам с собой), вставляя иногда в свою речь специальные термины, но зрителю неясны и даже не очень слышны эти реплики. Это лишь знак общения, а не само общение – и если так, то не все ли равно зрителю, о чем люди говорят? Данный прием в практике кинопроизводства называется гургуром: герои о чем-то говорят, но слов зритель разобрать не может. Звукорежиссеры в таких случаях часто прибегают к помощи аудиобиблиотек с уже записанным «гулом толпы».

В театре также существует постановочный прием: в сценах, когда надо изобразить шумящую толпу, актеры массовки произносят одну и ту же фразу: «О чем говорить, когда не о чем говорить?» Это тоже своего рода полилог и, вместе с тем, – явный шаг в сторону театра абсурда: общение как такое, как знак, но лишенный содержания.

В реальной жизни речь нескольких человек, объединенных общим пространством, может протекать одновременно. В драматургических текстах данная возможность отражается редко, с помощью ремарки: «Говорят

одновременно», или «Вместе», или даже посредством фигурной скобки, объединяющей реплики. Обычно же реплики персонажей располагаются в тексте последовательно, и только по их смысловой несогласованности мы понимаем, что перед нами – полилог.

Ситуация полилога используется в прозаических или драматургических текстах с особой целью – как правило, чтобы показать внутреннюю разобщенность участников коммуникации. И если понимать под полилогом именно литературный прием, то он, очевидно, должен гиперболизировать явление, укрупнять его, чтобы оно лучше выделялось на фоне обычной речи.

Смысловая несогласованность реплик коммуникантов – первый и важнейший признак полилога. Суть данной речевой ситуации не только в том, что каждый участник разговора придерживается своей темы и своего модуса общения, но и в том, что никто никого не слушает. Соответственно, соседние реплики должны быть тематически максимально удалены друг от друга (иначе читатель или зритель может не почувствовать приема). По объему же реплики должны быть по возможности невелики – чтобы их смысловая несогласованность была очевидной (иначе можно подумать, что это чередующиеся монологи).

Еще одна структурная особенность полилога как литературного приема заключается в том, что его участников должно быть более двух. Дело в том, что если участников всего двое и каждый в разговоре ведет свою линию, то поведение собеседника может восприниматься как сознательный уход от темы (чреватый конфликтом) или же переход на особый код – тайный язык. Пример ухода от темы:

- Я доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морона.
- Очень рад. Садитесь, пожалуйста, доктор, – любезно сказал Шерлок Холмс.
- Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?
- Что-то не по сезону холодная погода нынче, – сказал Холмс.
- Что она говорила вам? – злобно закричал старик.
- Впрочем, я слышал, крокусы будут отлично цвести, – невозмутимо продолжал мой приятель.
- Ага, вы хотите отделаться от меня! – сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая охотничьим хлыстом... (К. Дойль. Пестрая лента; пер. М. и Н. Чуковских).

Пример перехода собеседников на особый код (язык с тайными смыслами):

... Карина зашла к хозяйке и завела с ней несколько туманный, но вполне понятный обоим разговор.

– Красивая у вас беседка, – сказала она, – поглядывая в окно.

– Кто же его знает, – сказала хозяйка. – Он ведь сегодня не ночевал.

– В Сочи веселее, но плохой пляж, – сказала Карина раздраженно.

– Может, еще и вернется, – сказала хозяйка.

– Но компания там замечательная. И потом гора Ахун...

– Да, он парень видный, – согласилась хозяйка (Ю. Алексеев. Бега).

Перечисленные условия (тематическая удаленность реплик друг от друга, их краткость и количество участников) никем строго не регламентированы, но в своей совокупности они и формируют предпосылки полилога.

Что же касается обыденного устного общения, то полилог – реальность, на которую даже не всегда обращают внимание (либо списывают ее на те или иные обстоятельства). Условиями, порождающими такую ситуацию в реальной коммуникации, могут быть: а) несоблюдение правил речевого этикета; б) психологическая несовместимость собеседников: разный темперамент, степень возбужденности или равнодушия, состояние эйфории и т.п.; в) некомфортные обстоятельства коммуникации (внешний шум, «эффект толпы», слабость лидера-модератора, организующего общение, и т.п.). Характерные проявления таких условий мы можем сегодня наблюдать в российских телевизионных ток-шоу, например, в передаче Андрея Малахова «Пусть говорят» на канале ОНТ. Участники полилога в реальном устном общении озабочены только выражением собственной позиции, и свою тему они развивают исключительно с учетом собственных потребностей. Присутствие второго (или третьего и т.д.) участника – это лишь фон, образно говоря, та «стенка», о которую учится отбивать мячи начинающий теннисист.

Но разве «эгоцентризм говорящего» [1 : 14] не проявляется также в диалогах? Более того, диалог ведь в принципе тоже может объединять более чем двух беседующих, ср. определение диалога в толковом словаре:

ДИАЛОГ – Разговор между двумя или несколькими лицами [2].

Чем же принципиально отличается полилог от диалога?

По-видимому, дело тут в особенностях организации текста. Можно согласиться с болгарским исследователем Ц. Йотовым, который считает, что монолог, диалог и полилог различаются не столько по признаку «количества участников общения (один, два, много), а в зависимости от степени организованности их совместной деятельности. Из этого следует, что монологизирование имеет место и при организации взаимодействия многолюдных коммуникативных систем, а полилог и диалог – при общении человека с самим собой» [3 : 45].

А О. А. Лаптева замечает: «Монолог отличается от диалога не столько структурно, сколько объемно: время его осуществления позволяет ему развернуться с привлечением большего числа языковых элементов, чем у диалога с его преимущественно краткими репликами. <...> Возникают благоприятные возможности для появления несистемной омонимии» [4 : 19]. Поэтому в монологе, по ее мнению, больше предпосылок для неточностей в выражении речи, для коммуникативных неудач. Полилог же фактически, по самому своему статусу, есть коммуникативная неудача. Это стоит пояснить.

Мысль человека ассоциативна и произвольна, и если ничто не мешает ее свободному полету, то она бесконечна. Соответственно, при переводе из внутренней речи во внешнюю она подчиняется своей логике и своей эстетике. Конечно, поток сознания не может найти адекватное выражение в словах, но в случае с говорящим-экстравертом монолог, действительно, может быть сколько угодно длинным: он воплощает в себе все направления, закоулки и оттенки мысли, все богатство впечатлений и эмоций. Непрерывность тут – гарантия свободы и полноты выражения. Вот как пишет об этом современный прозаик:

Ведь тут одно лукавство, будто бы настоящее человеческое общение – это когда измученная душа говорит, а потом слушает, а потом опять говорит; настоящее человеческое общение – это когда твоя измученная душа безостановочно говорит (В. Пьецух. Письма к Тютчевой).

Монологическая речь способна к саморазвитию, ее последовательность определяется внутренним миром говорящего и той ситуацией, в которой совершается речевой акт. Она даже не нуждается в слушателе,

свидетельством чему служат классические образцы ораторского искусства.

Почему же тогда случаи полилога, когда они имеют место в реальной жизни, плохо оцениваются носителями языка? Потому что в наивном сознании заложена изначальная установка на обмен информацией – рациональной или эмоциональной. Именно примат коммуникативной функции отдает психологическое предпочтение диалогу перед монологом. Дело не в длине порождаемого текста, а в том, есть ли на него реакция, каков от него эффект. Л. П. Якубинский, развивая мысль Л. В. Щербы, писал о том, что естественная («природная») форма использования языка – это диалог. Развитие диалога основывается на связи между репликами; монолог же «представляет собой определенную композиционную сложность» [5 : 36]. Позже, как известно, эта идея была абсолютизирована М. М. Бахтиным в его теории речевых жанров: «Диалог по своей простоте и четкости – классическая форма речевого общения» [6 : 250]. В другой же своей работе ученый писал: «Для слова (а следовательно, для человека) нет ничего страшнее *безответности*» [Там же : 306].

В одной из свежих работ, посвященных интересующему нас феномену, – статье Э. Б. Яковлевой – мы читаем: «Полилог представляет собой коммуникативный речевой акт, с одной стороны, как в диалоге, рассчитанный на обязательность реакции, с другой стороны, не претендующий в силу своеобразия некоторых реплик на возможную реакцию со стороны всех партнеров, за исключением одного или нескольких» [7 : 86]. С нашей точки зрения, как раз необязательность реакции, неважность ее для говорящего, и отличает полилог от диалога.

Полилог нарушает логику коммуникации, основные правила общения. Структура его, с одной стороны, примитивна (это чередование независимых реплик), а с другой – непредсказуема: тут каждый коммуникант поглощен собой, своими собственными мыслями и эмоциями. В народном представлении такое псевдообщение («диалог глухих») оценивается отрицательно и в фольклоре высмеивается («Здорово, кума! – На рынке была. – Аль ты глуха? – Купила петуха» и т.д.). Именно поэтому полилог становится объектом художественного творчества: это способ показать разобщенность коммуникантов.

Представление о коммуникативной функции как первичной и основополагающей для

возникновения, функционирования и развития языка поддерживается и лингвистами. Американский социолингвист Уильям Лабов, известный своими тонкими наблюдениями, пишет: «...Язык используется человеческими существами лишь в социальном контексте для сообщения друг другу потребностей, мыслей и чувств. ...Мало кто из людей занят подолгу беседами с самим собой. Сомнительно, относятся ли к языку предложения, которые никому ничего не сообщают» [8 : 96]. В свете сказанного неудивительно, что ситуация полилога плохо оценивается не только в этическом плане, но и в интеллектуальном. Одновременное говорение непродуктивно в информационном отношении, это значит – сомнителен его перлокутивный эффект. Полилогическое общение также асоциально, ибо не учитывает ни личность слушающего, ни, как уже говорилось, его реакцию. Можно сказать, что истина в данном случае глаголет устами юмориста, изрекшего: «Монолог мудреца – это диалог с самим собой, а диалог дураков – это два монолога» (М. Мелихан). Два (или три и более) монолога – вот чем, по существу, является полилог.

Однако подчеркнем еще раз: полилог как литературный прием имеет под собой веские основания. Это – действенный способ выявить и подчеркнуть разобщенность коммуникантов, их эгоизм и плохую совместимость с окружающей средой (а, может быть, еще и повышенную эмоциональность, низкую речевую культуру и т.п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mustajoki A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication. In : *Language and Dialogue*. 2: 2. 2012. John Benjamins Publishing Company. Pp. 216–243.
2. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
3. Йотов Ц. Диалог в общении и обучении. София : Народна просвета, 1979. 128 с.
4. Лантева О. А. Речевые возможности текстовой омонимии. Изд. 3-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 416 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Норман Б. Ю. Полилог : речевая реальность и литературный прием // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 68–72. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-67-71

5. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М. : Наука, 1986. С. 17–58.

6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества М. : Искусство, 1979. 424 с.

7. Яковлева Э. Б. Полилог : третья форма речи? // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2007. № 1. С. 82–89. Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/polilog-tretya-forma-rechi>

8. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // *Новое в лингвистике*. Вып. VII. М. : Прогресс, 1975. С. 96–181.

REFERENCES

1. Mustajoki A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication. *Language and Dialogue*. 2: 2. 2012. John Benjamins Publishing Company. Pp. 216–243.

2. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsova (ed.). St-Petersburg, 2000. 1536 p.

3. Yotov Ts. *Dialog v obshchenii i obuchenii* [Dialogue in communication and learning]. Sofiya, 1979. 128 p.

4. Lapteva O. A. *Rechevyye vozmozhnosti tekstovoy omonimii* [Speech capabilities of text homonyms]. Moscow, 2009. 416 p.

5. Yakubinskiy L. P. O dialogicheskoy rechi [About the dialogical speech]. Yakubinskiy L. P. *Izbrannyye raboty. Yazyk i yego funktsionirovaniye* [Yakubinsky L. P. Selected works. Language and its functioning]. Moscow, 1986, pp. 17–58.

6. Bakhtin M. M. *Aestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. 423 p.

7. Yakovleva E. B. Polilog: tret'ya forma rechi? [Polylog: third form of speech?]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* [Proceedings of the higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences]. 2007, no. 1, pp. 82–89. See at: <http://cyberleninka.ru/article/n/polilog-tretya-forma-rechi>

8. Labov W. Issledovaniye yazyka v yego sotsial'nom kontekste [Study of language in its social context]. *Novoye v lingvistike. Vyp. VII* [New in linguistics. Vol. VII]. Moscow, 1975, pp. 96–181.

Статья поступила в редакцию 13.10.2016.

FOR CITING

Norman B. Yu. Polylogue: speech reality and literary technique. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 68–72. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-67-71 (in Russian).

УДК 811.161.1'276.3'38

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78

А. В. Сидоренко
Стерлитамак, Россия

A. V. Sidorenko
Sterlitamak, Russia

ДЕТСКАЯ КЛЯТВА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: РЕЧЕЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

CHILDREN'S OATH IN THE SOVIET ERA: SPEECH GENRE CHARACTERISTICS

Аннотация. Автор исследует клятву как вторичный жанр детской речи. Основу материала статьи составили устойчивые выражения, функционирующие в неофициальной коммуникации. Большинство из них появилось в советское время, что связано с особой ролью ритуала в СССР и особенностями советской речежанровой системы. Наиболее существенные отличия детской клятвы связаны: с ее формальной организацией (более узкий репертуар компонентов, выступающих в функции залога или гаранта при обязательности их вербализации, возможность рифмы, устойчивый характер), с наличием способов ее нейтрализации в целях освобождения от ответственности за нарушение; разнообразием источников, из которых происходит заимствование речевых формул клятв (жаргон, устная речь) и на основе которых возникают новые тексты (текст присяги пионера, стихотворные переложения клятв, художественные тексты). Ставится вопрос об отношении клятвы к детскому фольклору.

Ключевые слова: речевой жанр, клятва, жаргон, детский фольклор.

Сведения об авторе: Сидоренко Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Место работы: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал.

E-mail: alexeysidorenkoff@gmail.com

Abstract. The oath in child's speech becomes a secondary character. The basis of the article comprises set expressions, functioning in an informal communication. Most of them appeared in the Soviet period, due to the specific role of ritual in the USSR and the characteristics of the Soviet system of the speech genres. The most significant differences between children's oath are: its formal organization (a narrower repertoire of specific components acting as a guarantee in the case of their verbalization, the possibility of rhyme, stability); the presence of methods to neutralize it with the purpose of exemption from liability for its breach; a variety of sources, of which there is a borrowing of speech formulas of oaths (jargon, oral speech), and on which there are new texts (text of the pioneer oath, poetic transcriptions of oaths, literary texts). The author poses the question of the relation of the oath to the children's folklore.

Keywords: speech genre, oath, slang, children's folklore.

About the author: Sidorenko Alexey Vladimirovich, candidate of philological sciences, associate professor of the Russian language chair.

Place of employment: Sterlitamak Branch of Bashkir State University.

1. Вводные замечания

Сфера детской речи представляет научный интерес в том числе с точки зрения развития речежанрового мышления, которое возникает «значительно раньше первых вербальных проявлений, задолго до начала формирования у ребенка языковой структуры» [1 : 43]. Отсутствие многих жанров в детской речи вызвано ограничениями, связанными со статусом коммуникантов, в то же время ей свойственны особые жанры (жанры детского фольклора [2]; инсценированный квазидialog [3] и др.). Некоторые из них представляют собой реликты жанров

традиционного фольклора. Так, закличка, имеющая зачин «Самолет, самолет, забери меня в полет...», противопоставлена традиционным текстам данного жанра, где коммуникативная цель содержит «просьбу решить прежде всего хозяйственные вопросы» [2 : 18], а в качестве адресата выступают объекты природы [4, т. 2 : 260]. Закличка «Самолёт, самолёт...» лишилась присущих жанру магических целей, изменился ее адресат, цель произнесения, поэтому у С. Б. Борисова она названа «кричалкой», «детским речитативом» [5, т. 2 : 352].

Произведения детского фольклора де-

лятся на «творчество взрослых для детей» (колыбельные, пестушки), «творчество взрослых, ставшего со временем детским» (заклички, загадки) и «детское творчество в собственном смысле этого слова» (молчанки, дразнилки) [6 : 557]. По аналогии с этим в детской речи многие жанры имеют разновидности, отличающиеся по ряду параметров. Так, противопоставлены анекдот и анекдот детский [7 : 231]. Важно и культурно-историческое место жанра, в связи с чем говорят, например, о советской жанровой системе [8], анекдоте 1970-х [9], анекдоте начала XXI в. [10].

2. Постановка проблемы

Разнообразие аспектов изучения клятв [4 ; 11–15] продиктовано их фиксацией «в мифологии, в религиозном дискурсе христианства, в фольклоре, в эпистолярном наследии, в поэтике, в художественном, политическом и бытовом дискурсах» [13 : 222]. По-видимому, клятва как речевой жанр органична для детской речи, но появление того разнообразия материала, каким мы располагаем, связано с историко-культурными, политическими и языковыми новациями советского периода, т.к. «более всего на увеличение жанрового репертуара ребенка влияет расширение его социального опыта» [1 : 45]. В результате наблюдений над речевым материалом, отражающим во многом собственный детский опыт общения, мы пришли к выводу о своеобразии оформления «детской» неформальной клятвы, отличающего ее от «взрослой», после чего была поставлена задача описать особенности функционирования данного речевого жанра. Клятва для детской речи является вторичным жанром. А «любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно что-то ограничивает (иногда – довольно много), порождает один или целую серию запретов» [9 : 169], что будет учтено при исследовании параметров клятвы (на основе «анкеты» речевого жанра [16]).

3. «Речевой портрет» клятвы в детской речи

3.1. Коммуникативная цель

Клятва – «торжественное обещание, уверение, подкрепляемое иногда упоминанием чего-либо священного, дорогого для того, кто обещает, уверяет; присяга» [17, т. 5 : 1064]. Она соотносится как с обещанием, так и с уверением [18 : 226], чему соответствуют коммуникативные цели: обещание че-

го-либо и уверение в чем-либо. «Глубинным психологическим мотивом» клятвы является «потребность говорящего в доверии со стороны адресата(ов)», а ее целевая установка связана с «достижением искомого доверия» [19 : 4]. Цель присяги («официального и торжественного обещания, клятвы соблюдать верность, какие-либо обязательства» [17, т. 11 : 787]) – не только торжественное обещание, но и фиксация перехода в новый статус присягающего. В СССР ребенок сталкивался с присягой, когда вступал в пионеры, а опосредованно – знакомясь по фильмам и рассказам взрослых с воинской присягой, и в клятве неофициальной, бытовой мы обнаружим их влияние.

3.2. Образ автора и адресата

Во-первых, в детской речи исключаются клятвы (именуемые зарокон), где адресатом и адресантом является одно и то же лицо: «покалялся в душе, дал себе зарок» и т.д. [14].

Во-вторых, неофициальная клятва предполагает равенство адресата и адресанта (в присяге адресат выше по статусу). «Детская» клятва «неинтересна» старшему: взрослый может наказать адресанта за ложь, а старший ребенок – применить физическое воздействие. Адресат не должен быть таким, кто не способен повлиять на репутацию адресанта в случае обмана (им адресуются дразнилки типа «*Обманули дурака на четыре кулака...*»). Да и само оформление клятвы либо «несерьезно» для взрослого («*Ленина обманывать никогда нельзя*»), либо неэтично по отношению к нему («*зуб даю*»).

В-третьих, клятва в детской речи безразлична к параметру *единичности / обобщенности* адресата – это может быть как группа сверстников, так и один из них (в отличие от обобщенного адресата в «Клятве пионера»).

В-четвертых, как и в коммуникации между взрослыми, между адресатом и адресантом «должна присутствовать хотя бы некоторая степень знакомства» [14 : 20], т.к. при исключении встречи в будущем «*давать зуб*» бессмысленно.

В-пятых, как мы увидим далее, детские клятвы могут иметь гендерные ограничения, касающиеся адресата и адресанта.

3.4. Диктум

Клятва «предполагает включённость события в личную сферу автора» [16 : 16] и либо заверяет адресата в истинности сооб-

щённой информации, либо гарантирует ему нечто в будущем: с точки зрения временной отнесенности выделяют клятвы «перспективные» и «ретроспективные (о прошлом или, реже, настоящем)» [11 : 117]. С точки зрения оценки диктумного события клятва противопоставлена обещанию, которое «на обыденном уровне сознания не всегда и не обязательно жертвенно» [13 : 221]. Ситуация, соотношенная с клятвой, мыслится как имеющая высокую степень значимости.

3.5. Фактор прошлого

Клятве может предшествовать рассказ о к.-л. событиях («*Раньше, чтобы доказать, что я говорю правду, мы говорили: «Клянись мамой»*» [5, т. 1 : 534]) или обещание («*В “секретки” я играла, когда мне было 7–8 лет. Мы с девочками-ровесницами из моего двора собирали разноцветные красивые стёклышки, бусинки. И выкапывали ямку и клали туда все содержимое. Показывалось место зарывания предметов только лучшим подругам. Мы говорили: “Клянись мамой, что не расскажешь!”.* И все друг другу клялись» [5, т. 1 : 534]). Инициатива в том, чтобы прибегнуть к клятве, может исходить от адресата (тогда клятве предшествует его реплика).

3.6. Фактор будущего

После произнесения клятвы предполагается, что адресат поверит в искренность адресанта, а последний принимает на себя ответственность за ее нарушение. В детской среде адресант может заранее нейтрализовать действие клятвы, чтобы иметь возможность безнаказанно солгать: «*Достаточно было в момент произнесения незаметно сделать за спиной две двойных фигуры (большой палец, понятно, между указательным и средним, мизинец же мучительным образом перекрещивается с безымянным)*» [5, т. 1 : 535]. Подобного в клятве взрослых нет, хотя описанный прием в какой-то мере соответствует народной традиции использования фигуры (кукиша, дули) в качестве оберега [4, т. 3 : 26–27] и подчеркивает магический характер детской клятвы. Еще один способ такого рода – тайно скрестить указательный и средний пальцы, против чего была придумана формула «*честное слово “без крестиков”*» [5, т. 2 : 628].

3.7. Формальная организация

Репертуар клятв у детей гораздо уже, чем у взрослых. Потому они так узнаваемы в ре-

чи и, по-видимому, более «ритуальны». Детской речи не свойственны формулы типа следующей, где адресант предлагает адресату выбрать залог клятвы: «*– Клянись, чем хочешь... всем дорогим...*» (В. Шукшин. Калина красная). С другой стороны, судя по известным нам «детским» формулам, в качестве клятвы недостаточно произнести лишь слово «клянись» – всегда следует указывать, чем именно. Здесь в традиционной клятве противопоставляется два класса объектов: 1) «святой, чрезвычайно ценный для человека предмет», служащий залогом в его клятве; 2) «как правило, одушевленный предмет, исполняющий роль свидетеля клятвы и гаранта ее исполнения» [18 : 226]. То же – и в детской речи: в качестве залога выступает, например «*сердце матери*» («*клянись сердцем матери*»), «*зуб*» («*зуб даю*»), а *Ленин* (а также иногда *Сталин*, *партия*) выступает как свидетель клятвы или гарант ее исполнения. Предметы и лица, используемые как залог и гарант, отражают систему ценностей детского коллектива, потому их набор ограничен. В речи взрослых он более многообразен: «*– Ну хлебом клянись! – громко бубнил набитым ртом, а сам будто оглох*» (О. Павлов. Карагандинские девятины); «*– Клянись тебе своею жизнью, клянись угаданным тобою сыном звездочёта, всё будет хорошо*» (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Способы оформления детской клятвы

1. Формулы, включающие перформативный глагол «клянись» + существительное или субстантивное словосочетание, указывающее на залог клятвы («*клянись сердцем матери*», «*клянись честью*» и др.). Некоторые из них заимствуются у взрослых, но трансформируются (так, в девичьей клятве «*клянись честью*» под «честью» подразумевалась девственность, что налагало жесткие ограничения на образ адресанта [20]).

2. Формулы, в основе которых – модель сочетания «*честное слово*», но распространенная компонентом, указывающим на залог или свидетеля клятвы. В речи компонент *слово* опускается, как в сочетаниях «*честное пионерское*», «*честное октябрятское*», «*честное ленинское*», «*честное сталинское*», «*честно Ленина, честно Сталина, честно всех вождей*» [5, т. 1 : 535; т. 2 : 626–628]. Адресант, с одной стороны, апеллирует к важным ценностям – честности и чести принадлежать к октябряткам, пионерам (вплоть до «*честного садового*», произно-

симого в детском саду (<http://serebryakova.livejournal.com/244262.html>)), а с другой – призывает в свидетели членов своей группы или представителей политического пантеона (*Ленина, Сталина, вождей*). К таким формулам близко выражение «слово пацана», апеллирующее к ценностям мужского мира (*пацанов*): « – Слово пацана! – клянусь я, и тотчас Люська убегает» (А. Иванов. Географ глобус пропил).

3. Формулы-предписания, содержащие в своем составе имя свидетеля (гаранта) клятвы: «*Ленина и Сталина обманывать нельзя*», «*Ленина и партию обманывать нельзя*» и др. Автор помнит ситуации, когда адресат, недостаточно уверенный в том, что ему говорят правду, грозил адресанту, что его ложь будет равносильна тому же, что «*обмануть Ленина*». Это напоминает божбу, «апеллирующую к Богу и другим персонажам божественного статуса» [4, т. 2 : 513], в силу особого отношения к Ленину. Уже вскоре после его смерти «сложилась определенная традиция клясться именем Ленина и произносить эти клятвы в ритуальной последовательности» [21 : 141], в этот процесс сразу же были вовлечены и дети: «*Мы, юные пионеры отряда им. дедушки Ильича при детском доме, клянемся над прахом нашего дорогого Ильича, что будем подготавливаться к той тяжелой и упорной работе, которая нас ждет в будущем...*» [21 : 134].

4. Формулы жаргонного происхождения, включающие глагол-связку *буду* и существительное, называющее нежелательный статус, угрожающий нарушителю клятвы. Выражение «*гадом буду*» («*гад буду*») – воровская клятва, а *гад* в аргю – «сотрудник правоохранительных органов» [22 : 58]. Сюда же относятся формулы «*падлой буду*» (*падла* в аргю – «последний человек, негодяй» [25 : 413]), «*бля буду*» (*блядь* в аргю – «предатель преступников» [22 : 58]; у М. А. Грачёва приведена формула «*блядь буду*», но автор настоящей работы встречал в речи исключительно усеченный вариант, приведенный выше). Об актуальности данных формул для детской речи свидетельствует их кодификация в словаре «Русское детство» [5, т. 1 : 195; т. 2 : 196], кроме последней.

5. Выражение жаргонного происхождения, содержащее существительное, указывающее на залог клятвы («*Зуб даю*» [22 : 142]), и глагол *даю*. Оно часто сопровождается жестом: «*Зуб даю*», – *я ногтем*

большого пальца зацепил за зубы, щёлкнул им и провёл пальцем по горлу, будто резнул по шее» (О. Носов. Неоплаченный долг) [Цит. по: 5, т. 1 : 444]. В литературном языке ему соответствует фразеологизм «*руку даю на отсечение*». Формулы этой и предыдущей группы могут быть адресованы только представителям мужского пола (см. характера залога).

6. Ритуалы, в основе которых – жест, при этом адресант может обойтись без вербальной формулы. И хотя интенция «обещание» не может быть «выражена неречевыми средствами» [14 : 25], такой способ возможен для «уверения». Примером служит обыкновение «дотрагиваться до красного» в знак подтверждения своих слов. На регулярный его характер указывают, к примеру, публикации в «Живом журнале»: «*И тут Колька потребовал: – До красного дотронься, что генерал – дедушку Ленина обманывать нельзя!*» (<http://tinaword.livejournal.com/1194262.html>); «*Когда пионера подозревали во лжи, пролили дотронуться до красного: прикоснувшийся к красному врать не может*» (<http://alikh-zubr.livejournal.com/177145.html>). В следующем фрагменте находим развернутое описание ритуала клятвы, включающего жесты: «*Честное пионерское! (здесь дающий клятву осенял себя салютом). Красная звезда! (нужно было шагнуть в сторону, сделав ноги на ширине плеч, и одновременно раскинуть руки, образуя собой живую звезду). Ленина обманывать никогда нельзя!!! Обязательно ухитриться успеть ухватиться за красное (например, за свой же галстук)*» (<http://serebryakova.livejournal.com/244262.html>).

Прикосновение к красному отражает систему ритуалов советского времени (целование красного знамени – часть воинской присяги в СССР). Ср. также: «*Ребята рассказывали, что когда принимают в пионеры в мужских школах, мальчик, стоящий в шеренге первым, преклонив колени, целует красное знамя дружины. А другие ребята целуют свои красные галстуки*» [5, т. 2 : 238]. От официальной присяги к неформальной клятве передается обычай использовать ритуальный жест, а от красного цвета знамени любому красному предмету – смысловая нагрузка «священного». С другой стороны, подобные действия – своеобразное проявление «памяти жанра» (клятва изначально предполагала жест [12 : 51]). Разумеется, взрослый такую клятву всерьёз

воспринимать не мог, как и опасность «обмануть Ленина»: «Когда надо было подтвердить истинность своих слов или придать им вес, мы клялись Лениным и дотрагивались до красного» (<http://www.ljpoisk.ru/archive/3932487.html>).

7. С. Б. Борисов фиксирует девичьи «ритуалы, предусматривающие использование крови как «чернил» для написания текста клятвы» [20], противопоставленные всем описанным выше способам оформления клятвы по форме (письменная – устной).

4. Клятва и детский фольклор

Тексты детских клятв воспроизводятся в речи как готовые формулы, а потому вызывает интерес вопрос об их отношении к детскому фольклору. Так, исследователи говорят об «этикетном фольклоре» и «фольклоре детского права», к которым относят «формулы устрашения перед дракой», «стереотипные выражения регулирования конфликтов», «формулы фиксации собственности» и др. [7 : 226], однако о клятвах в известных нам работах речь не идет [2 ; 7 ; 23 ; 24]. Это может быть связано как с ограниченным набором текстов данного жанра, так и с его отсутствием в традиционном фольклоре. По словам К. В. Чистова, «прозаическая фольклорная устная речь, воплощающаяся в целом веере жанров, отделена от обыденной речи не столько резко обозначенной границей, а, условно говоря, полосой перехода» [25 : 59–60]. «Из текстов, формирующихся и бытующих в «полосе перехода»... некоторое внимание уделялось только этикетным формам общения ..., пословицам и поговоркам, и, наконец, устойчивым словосочетаниям (фразеологизмам). Подобные речевые явления вплетаются в обыденную устную речь, не отчлняются от нее. Вместе с тем в определенном смысле это уже тексты, вошедшие в традицию, это стереотипы речевого поведения, фольклорные зерна, рассыпанные в разовых текстах» [25 : 61]. Очевидно, что «фольклорные зёрна» некоторых детских клятв (поэтических и прозаических) «проросли» в традицию, как следующий текст, представленный в заголовке газеты: «Честное слово, красная звезда, Ленина обманывать никогда нельзя!» (<http://www.perm.kp.ru/daily/24106/331605/>). Подобные тексты питались от пионерской традиции «стихотворных переложений клятвы или девиза» [26]. Налицо и свойственная фольклорному тексту вариативность: в одном из вариантов приведенного

текста «честное слово» заменено на «честное пионерское», а в другом заключительная фраза звучит как «Ленина и Сталина обманывать нельзя!». В детском фольклоре рифма обеспечивает мнемонический, суггестивный, развлекательный и др. эффекты [27], и стихотворная организация текстов клятв выступает как предельное воплощение признака устойчивости.

5. Выводы

Клятва, таким образом, имеет специфическую разновидность в детской речи, которая отличается по целому ряду параметров от клятв, свойственных речи взрослых: по признаку речевого оформления, концепции адресата и адресанта, наличию возможности их нейтрализации. Для клятвы в детской речи характерна большая степень формализации, нередко рифмованный характер, обязательность вербализации компонентов, указывающих на залог или гаранта клятвы. Большинство рассмотренных нами текстов и ритуалов «детских» клятв характерно для советского периода. Это далеко не случайно. Клятва как речевой жанр обрела в советское время массовый характер (как в официальной, так и в неофициальной коммуникации) в силу «ритуализации общественной речевой деятельности» [28] и соответствия «советской речевых жанровой системе» [8]. Сегодня, очевидно, из речи ушли формулы клятв, связанные с советской идеологией, однако сохраняются арготические по происхождению выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. Сб. науч. ст. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 40–52.
2. Карпунин И. Е. Русский детский фольклор в Башкортостане. Уфа : Баш. энциклопедия, 2013. 654 с.
3. Петрова Т. И. Инсценированный квазидialog как особый жанр детской речи (на материале речи детей 6 – 8 лет) : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2000. 185 с.
4. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1999; 2004. Тт. 2–3. 732 с.
5. Борисов С. Б. Русское детство XIX–XX вв. : культурно-антропологический словарь : в 2 т. СПб : «Дмитрий Буланин», 2012. 832 с.
6. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М. : Высшая школа, 2001. 735 с.

7. Белоусов А. Ф., Головин В. В., Кулешов Е. В., Лурье М. Л. Детский фольклор: проблемы и перспективы изучения // I Всерос. конгресс фольклористов: сб. док. / Ред. А. С. Каргин. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2005. Т. 1. 2005. С. 215–239.

8. Романенко А. П., Санджи-Гаряева З. С. Общелингвистические основания советской жанровой системы // Жанры речи. Сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. С. 62–74.

9. Деметьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

10. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // Жанры речи. Сб. науч. ст. Саратов: ИЦ Наука, 2005. Вып. 4. С. 296–301.

11. Карабыков А. В. Культурно-коммуникативный механизм и формы осуществления перформативности в истории культуры: дис. ... доктора филол. наук. Томск, 2014. 348 с.

12. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: ФАИР, 1998. 352 с.

13. Малинович Ю. М. Малинович М. В. Модусы речевого акта обещания: клятва в индоевропейских культурах // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 220–230.

14. Галлямова Н. Ш. Речевой акт «Обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // Язык и культура. 2010. №3. С. 16–32.

15. Сиразиева З. Н. Клятва как речевой жанр в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 24 с.

16. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Русистика. Берлин, 1990. № 2. С. 20–32.

17. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: АН СССР, 1950–1965.

18. Карабыков А. В. Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы Междунар. науч. конф.: в 3 ч. Кемерово: Юнити, 2006. Ч. 3. С. 226–231.

19. Чесноков И. И. Речевой акт клятва: истоки и первичные формы объективации // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2013. №9 (84). С. 4–7.

20. Борисов С. Б. Субкультура девичества: российская провинция 70–90-х гг. XX в.: автореф. дис... доктора культурологии. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov8.htm> (дата обращения: 26.11.16).

21. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1999. 285 с.

22. Грачев М. А. Толковый словарь русского жаргона. М.: ЮНБЕС, 2006. 794 с.

23. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 296 с.

24. Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре). М.: Лабиринт, 2002. 224 с.

25. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. М.: ОГИ, 2005. 272 с.

26. Леонтьева С. Г. Поэзия пионерских праздников. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/leontieva4.htm> (дата обращения: 26.11.16).

27. Петрова А. А. Фольклорная рифма как прием: синтактика, семантика, прагматика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 228 с.

28. Кронгауз М. А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krongauz1.htm> (дата обращения: 26.11.16).

REFERENCES

1. Sedov K. F. *Psicholingvističeskie aspekty izučeniya rečevykh žanrov* [Psycholinguistic aspects of studying of speech genres] // *Zhanyr rechi. Sb. nauch. st.* [Speech genres: collection of scientific works]. Saratov, 2002, Iss. 3, pp. 40–52.

2. Karpuhin I. E. *Russkij detskij fol'klor v Bashkortostane* [Russian children's folklore in Bashkortostan]. Ufa, 2013. 654 p.

3. Petrova T. I. *Inscenirovannyj kvazidialog kak osobyj žanr detskoj reči (na materiale reči detej 6–8 let)* [The dramatized quasialogue as a special genre of the children's speech (on material of the speech of children of 6-8 years)]. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Vladivostok, 2000. 185 p.

4. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvističeskij slovar': v 5 t. / Pod red. N. I. Tolstogo* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary. Ed. by N. I. Tolstoy]. Moscow, 1999, 2004, vv. 2–3.

5. Borisov S. B. *Russkoe detstvo XIX–XX vv.: kul'turno-antropologičeskij slovar': v 2 t.* [Russian childhood of the XIX–XX centuries: cultural and anthropological dictionary]. St. Petersburg, 2012. 832 p.

6. Anikin V. P. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorčestvo* [Russian folklore]. Moscow, 2001, 735 p.

7. Belousov A. F., Golovin V. V., Kuleshov E. V., Lur'e M. L. *Detskij fol'klor: problemy i perspektivy izučeniya* [Children's folklore: problems and prospects of studying] // *Pervyj Vseross. kongress fol'kloristov* [First Russian congress of specialists in folklore]. Moscow, 2005, v. 1, pp. 215–239.

8. Romanenko A. P., Sandzhi-Garjaeva Z. S. *Obshhefilologičeskie osnovanija sovetskoj žan-rovoj sistemy* [Philological bases of the Soviet genre system] // *Zhanyr rechi. Sb. nauch. st.* [Speech genres: collection of scientific works]. Saratov, 2002, Iss. 3, pp. 62–74.

9. Dement'ev V. V. *Teorija rečevykh žanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

10. Shmeleva E. Ja., Shmelev A. D. *Russkij anekdot v dvadcat' pervom veke (transformacii rečevogo*

zhanra) [Russian anecdote in the twenty first century (transformation of a speech genre)] // *Zhanry rechi. Sb. nauch. st.* [Speech genres: collection of scientific works]. Saratov, 2005, Iss. 4, pp. 296–301.

11. Karabykov A. V. *Kul'turno-kommunikativnyj mehanizm i formy osushhestvlenija performativnosti v istorii kul'tury* [The cultural and communicative mechanism and forms of implementation of a performativity in the history of culture. Doct. philol. sci. thesis diss]. Tomsk, 2014. 348 p.

12. Mechkovskaja N. B. *Jazyk i religija* [Language and religion]. Moscow, 1998, 352 p.

13. Malinovich Ju. M., Malinovich M. V. *Modusy rechevogo akta obeshhanija: kljatva v indoevro-pejskih kul'turah* [Modes of the speech act of the promise: an oath in Indo-European cultures] // *Logicheskij analiz jazyka. Lingvofuturizm. Vzgljad jazyka v budushhee* [Logical analysis of language. A language look in the future. Ed. by N. D. Arutyunova]. Moscow, 2011, pp. 220–230.

14. Galljamova N. Sh. *Rechevoj akt «Obeshhanie, kljatva» v russskoj jazykovej kartine mira: lingvokul'turologicheskij, funkcional'no-pragmaticheskij aspekty* [The speech act «Promise, an oath» in the Russian language picture of the world: linguoculturological, functional and pragmatical aspects] // *Jazyk i kul'tura* [Language and culture], 2010, v.3, pp. 16–32.

15. Sirazieva Z. N. *Kljatva kak rechevoj zhanr v russskojazychnoj i anglojazychnoj lingvokul'turah* [Oath as a speech genre in Russian-speaking and English-speaking cultures. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Kazan, 2012, 24 p.

16. Shmeleva T. V. *Rechevoj zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii jazyka* [Speech genre. Possibilities of the description and use in teaching language] // *Rusistika*. Berlin, 1990, v. 2, pp. 20–32.

17. *Slovar' sovremennogo russskogo literaturnogo jazyka: V 17 t. I Pod red. V. I. Chernyshjova* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow; Leningrad, 1950–1965.

18. Karabykov A. V. *Rechevoj zhanr kljatvy v istorii kul'tury* [A speech genre of an oath in the history of culture] // *Izmenjajushajasja Rossija: novye paradigmy i novye reshenija v lingvistike: materialy Mezhdunar. nauch. konf.: v 3 ch.* [The changing Russia: new paradigms and new decisions in linguistics. Collection

of scientific works]. Kemerovo, 2006, v. 3, pp. 226–231.

19. Chesnokov I. I. *Rechevoj akt kljatva: istoki i pervichnye formy objektivacii* [Speech act oath: sources and primary forms of an objectivization] // *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The studies of Volgograd state pedagogical university]. 2013, v. 9 (84), pp. 4–7.

20. Borisov S. B. *Subkul'tura devichestva: rossijskaja provincija 70–90-h gg. 20 v.* [Subculture of the girlhood: Russian province of the 70–90th of the 20th century. Doct. cultur. sci. thesis diss.]. Available

at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov8.htm> (accessed 26 November 2016).

21. Tumarkin N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoy Rossii*. [Lenin is alive! Lenin's cult in the Soviet Russia]. St. Petersburg, 1999. 285 p.

22. Grachev M. A. *Tolkovyj slovar' russskogo zhar-gona* [Dictionary of the Russian slang]. Moscow, 2006. 794 p.

23. Lojter S. M. *Russskij detskij fol'klor i mifologija: Issledovanie i teksty* [Russian children's folklore and mythology: Research and texts]. Petrozavodsk, 2001. 296 p.

24. Cherednikova M. P. «*Golos detstva iz dal'nej dali...*» (*Igra, magija, mif v detskoj kul'ture*) [«A childhood voice from a distant distance ...» (A game, magic, the myth in children's culture)]. Moscow, 2002. 224 p.

25. Chistov K. V. *Fol'klor. Tekst. Tradicija: Sb. st.* [Folklore. Text. Tradition: collection of scientific works]. Moscow, 2005. 272 p.

26. Leont'eva S. G. *Pojezija pionerskih prazdnikov*. [Poetry of pioneer holidays]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/leontieva4.htm> (accessed 26 November 2016).

27. Petrova A. A. *Fol'klornaja rifma kak priem: sintaktika, semantika, pragmatika* [Folklore rhyme as reception: syntactics, semantics, pragmatics. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2006. 228 p.

28. Krongauz M. A. *Bessilie jazyka v jepohu zrelogo socializma* [The impotence of language in the era of developed socialism]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krongauz1.htm> (accessed 26 November 2016).

Статья поступила в редакцию 28.11.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сидоренко А. В. Детская клятва в советскую эпоху: речежанровые характеристики // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 73–79. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78

FOR CITING

Sidorenko A. V. Children's oath in the soviet era: speech genre characteristics. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 73–79. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78 (in Russian).

УДК 811,581'38

ББК 81.2Кум-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-79-86

Е. В. Маркасова, Тянь Вэньцзюань
Пекин, КНР

**МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ
МЕСТОИМЕНИЯ «МЫ»
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

***Аннотация.** Работа является продолжением серии статей, посвященной контрастивным исследованиям речевого доминирования в русском и китайском языках. В китайском, как и в русском языке, употребляя «мы» вместо других местоимений, адресант подменяет состав субъекта и тем самым манипулирует адресатом, чтобы последний понял услышанное так, как хочет адресант. Местоимение «мы» в обоих языках отражает общие законы коммуникативного поведения человека. Грамматические различия обуславливают более «мягкий» (по сравнению с русским) характер манипулятивного воздействия «мы» в китайском языке.*

***Ключевые слова:** контрастивная лингвистика, прагматика, речевое манипулирование, местоимение.*

***Сведения об авторах:** Маркасова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка и литературы.*

Место работы: Пекинский университет.

***E-mail:** markasovaelena@yandex.ru*

Тянь Вэньцзюань, аспирант факультета русского языка и литературы.

Место работы: Пекинский университет.

***E-mail:** 100solitude@live.cn*

E. V. Markasova, Tian Wantziuan
Peking, China

**MANIPULATIVE FUNCTION OF PRONOUN
“WE” IN RUSSIAN AND CHINESE
(THE PRAGMATIC ASPECT)**

***Abstract.** The given research is a continuation of the series of articles devoted to contrastive research in speech domination in the Russian and Chinese languages.*

In Chinese as well as in Russian, by using the pronoun «мы» («we») instead of other pronouns, an addresser substitutes the semantic composition of the subject and thereby manipulates the addressee in order to control the way the latter understands the message. As a result, the pronoun «мы» reflects common laws of communicative human behaviour in both languages. Differences in grammar can «soften» the manipulative influence of the pronoun «мы» in Chinese language compared to Russian.

***Key words:** contrastive linguistics, pragmatics, speech manipulation, pronoun.*

***About the authors:** Elena Valeryevna Markasova, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language.*

Place of employment: Peking University.

Tian Wantziuan, Postgraduate student, Department of Russian Language.

Place of employment: Peking University.

Вводные замечания

В последнее время контрастивная лингвистика все чаще обращается к изучению лексики, морфологии и синтаксиса в коммуникативном аспекте. Поиск средств для выражения одинаковых или подобных намерений в общении уже традиционно связывается с понятиями жанр, коммуникативная единица, иллокутивная цель, пропозиция и др. [1: 27–29]. Актуальность этой тематики обусловлена и современными принципами преподавания иностранных языков (мы имеем в виду ориентированность на реальные коммуникативные ситуации), и проблемами поиска эквивалентов в практике перевода.

В нашей работе речь идет о манипулятивной функции личного местоимения «мы». В частности, нас интересуют общие особенности и различия в употреблении этого местоимения в одинаковых речевых жанрах на материале языков, принадлежащих к разным языковым семьям. Эта статья является продолжением серии статей, посвященной речевому доминированию в русском и китайском языках [2].

Материал для исследования собран на основе данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и корпуса китайского языка Китайского лингвистического центра при Пекинском университете (CCL – Center for Chinese Linguistics PKU). В статье также

Статья написана при поддержке Министерства образования КНР (номер проекта 15JJD740009).

© Маркасова Е. В., Тянь Вэньцзюань, 2016

использованы примеры из работ русских и китайских лингвистов.

1. Общие сведения о местоимении «мы» в русском и китайском языках

1.1. Соотношение я и мы

Традиционно местоимение «мы» трактовалось в русских грамматиках XVIII–XIX вв. как форма множественного числа местоимения «я». В XX веке стала доминирующей другая точка зрения: «мы — это не «много я», а «я + другое лицо / другие лица», следовательно, надо считать «я» и «мы» самостоятельными лексемами [3 : 290]. В. В. Виноградов писал: «Я, ты не имеют множественного числа. Много я, много ты — эти понятия не могут быть непосредственно выражены грамматическими средствами. Местоимения «мы, вы» имеют другие значения» [4 : 330].

В русском языке местоимение *мы* отличается семантической размытостью, что делает его средством манипулирования собеседником [5]. Хотя «мы» не является множественным числом местоимения «я», в нем присутствует «я», и, фигурально выражаясь, изменения в «количественном соотношении» «я» и «не я» всегда чувствительны для адресата, особенно если «я» в «мы» отсутствует.

В китайском же языке местоимение «我们» состоит из иероглифов «我 (я)» и «们 (знак множественного числа)», то есть в китайском как раз выражена идея множественности «я», из которых состоит «мы». Вопрос о составе лиц, включенных в китайское «мы», остается открытым, ответ на него всегда зависит от контекста, как и в русском языке [6 : 63–66].

1.2. Основание манипулятивности *мы*

Персональность является тем полем, на котором происходят драматические события, заставляющие человека становиться то субъектом, то объектом действия, поэтому стоит согласиться с тем, что грамматические категории — «небезопасное в употреблении средство» [5 : 145]. Пожалуй, первым обратил внимание на «опасность» местоимения «мы» К. Бюлер, писавший о том, что в употреблении этого местоимения можно увидеть отражение социальной организации. Эта идея легла в основу многих современных исследований [7–9].

Б. Ю. Норман пишет: «В некоторых языках различаются «мы» инклюзивное и «мы» эксклюзивное. Это значит — там с помощью

разных форм выражается ситуация, когда говорящий объединяет себя со слушающим, и ситуация, когда говорящий объединяет себя с кем-то третьим, а собеседник исключается из числа совокупного субъекта... Это открывает простор для многообразных речевых манипуляций, см.: [10 : 220–224]. В русском языке нет лексических средств выражения инклюзива и эксклюзива.

В китайском языке инклюзивное и эксклюзивное «мы» выражаются разными морфологическими формами, но инклюзивное «咱们» и эксклюзивное «我们» стилистически не эквивалентны. По мнению известного китайского лингвиста Лю Шусяня, инклюзивное «мы» «咱们» характерно для северных диалектов и носит разговорный и иногда просторечный характер [6 : 66]. Учитывая региональность употребления личного местоимения «咱们 (инклюзив)» и его разговорный характер, мы не анализируем это местоимение в нашей работе.

В обоих языках отсутствует «королевское» мы, в связи с чем мы не рассматриваем этот тип.

2. Общие особенности употребления «мы» в русском и китайском языках

2.1. Эксклюзивное «мы»

В обоих языках существуют дипломатическое и авторское «мы», и различий в их функционировании мы не обнаружили.

При использовании дипломатического «мы» адресант «создает» связанную с собой группу «мы = я + другие», чтобы не быть «одиноким». При этом грань между дипломатическим «мы» и другими типами (авторским «мы» и диктаторским «мы») иногда трудно уловить. Такое «мы» часто звучит в публичных выступлениях политических деятелей. Например:

1) *Эти чудаки, оказывается, забыли, что, ведя борьбу с обоими уклонами, мы осуществляем лишь заветы Ленина, безусловно настаивавшего на решительной борьбе...* [И. В. Сталин. Международное положение и оборона СССР (1927)].

При помощи «мы» Сталин «создает» группу, члены которой несут ответственность вместе с ним. При этом по отношению к самим членам этой группы «мы» носит диктаторский характер.

Как в русском, так и в китайском языках авторское «мы» вместо «я» широко употребляется в научной литературе: авторы используют «мы» даже если их работа вы-

полнена без чужой помощи, чтобы подчеркнуть коллегиальность выводов или факт своей включенности в число ученых, когда-либо изучавших эту проблематику. Например:

1) В докладе **мы** сосредоточимся на четырех основных проблемах (НКРЯ);

2) 因此, **我们**的研究就从分析商品开始。(CCL)
(В связи с этим свое исследование мы начинаем с анализа товара).

Как в китайской, так и в русской стилистике распространено представление о том, что авторское «мы» – это «мы скромности». Однако, видимо, граница между «мы скромности» и «мы дипломатическим» легко стирается в ситуациях, когда автор хочет снять с себя индивидуальную ответственность.

В некоторых случаях легко совершается переход «мы» авторского из эксклюзивного в инклюзивное. Например:

……我们就能明白：前后两部不仅在思想内容上，而且在艺术上也是一个整体。(CCL)

…мы можем теперь понять, что первый и второй тома составляют одно целое не только по содержанию, но и по художественному стилю.

В примере авторское «мы» – это «я» (автор) + «вы» (читатели). Так достигается эффект сближения автора и читателя. В русском языке это также возможно (особенно в устных выступлениях ученых и в научно-популярных текстах).

В обоих языках возможна замена авторского «мы» местоимением «я», причем это дискуссионный вопрос и в русской, и в китайской лингвистике.

В русских научных текстах дореволюционного периода было распространено авторское «я». Например:

В этом сочинении я изложил доказательства всех предложений, в которых не нужно прибегать к помощи параллельных линий. [Н. И. Лобачевский. Пангеометрия (1855)].

В постперестроечный период в России были попытки вернуться к «я» авторскому как к маркеру самостоятельности и личной ответственности автора, но эта точка зрения не была принята всеми. [10]. «Я» правомерно, по мнению Чан Чуньюань, если автор высказывает мнение, альтернативное по отношению к существующим в изучаемой области, но в прочих случаях прагматически неуместно.

2.2. Инклюзивное «мы»

В обоих языках существуют идеологическое и диктаторское «мы». Идеологическое «мы» часто используется политиками в качестве инструмента речевого воздействия, например:

1) И год будет таким, каким **мы** сами его сделаем, насколько эффективно, творчески, результативно будет трудиться каждый из нас. Других рецептов просто нет. **Мы** должны выполнить, реализовать всё намеченное, ради себя, ради наших детей, ради России. [В. В. Путин. Текст новогоднего выступления, 2015];

2) 我们要坚定不移，勇往直前，

建设有中国特色的社会主义，实现中华民族伟大复兴的“中国梦”。(习近平讲话)

(**Мы** должны предпринять настойчивые усилия, проявить несокрушимую волю, продолжая двигаться вперед... – Речь Си Цзиньпина)

Так адресант пытается разбудить в адресате желание стать членом позитивно оцениваемой группы [7], то есть приобщиться к «коллектив», границы которого в момент восприятия речи выглядят четкими, а состав – однородным.

Референтом диктаторского «мы» является сам адресант со своей группой или без. Политические деятели часто используют «мы» этого типа, с помощью которого навязывают свое мнение другим. Например:

1) У нас серьезная команда во фракции КПРФ в Госдуме и в целом в партии. <...> **Мы** живем в демократическом обществе. Сегодня, в день, когда врио губернатора стал коммунист, это доказано абсолютно всем. [Наталья Башлыкова. Вадим Потомский: «С «Единой Россией» у нас полное взаимопонимание» // Известия, 2014.02.26];

2) Есть и другой вопрос: удовлетворены ли **мы** нынешним состоянием дел? И тут **мы** обязаны со всей реалистичностью и прямотой ответить – нет, не удовлетворены. [Горбачев. Выступление на XX съезде Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи 16 апреля 1987 года].

Диктаторское «мы» довольно широко употребляется и в китайском языке. Им часто пользуются высокопоставленные лица по отношению к адресатам с иным статусом. Например:

2) 新学期，又是一个新的开始，

我们怀着喜悦的心情迎接它的到来！(CCL)

(Новый семестр – новое начало. **Мы** с радостью его встречаем!)

Разумеется, большинство учеников с радостью встречает летние каникулы, а не новый семестр. Скорее всего, это слова учителя или директора школы, который «заставляет» учеников радоваться вместе с ним.

2.3. «Мы» как заменитель местоимений «ты», «вы», «он», «она»

В обоих языках существуют родительское/учительское «мы». Родители и учителя при обращении к детям/ученикам часто употребляют личное местоимение «мы» в качестве замены для «ты» или «вы». Например, в так называемом родительском «мы»:

1) *Мы уже ботиночки сами шнуруем* (из разговора);

2) 宝贝，要迟到了，**我们**快一些好吗？

(日常对话) (Сынок, **мы** опаздываем, давай побыстрее, хорошо?)

Как родительское, так и учительское «мы», может служить (в зависимости от темпа, тембра, частоты основного тона и проч.) и средством интимизации, и средством выражения угрозы, и способом подавления воли адресата. Последнее очевидно в примерах:

3) *Завтра мы сдаем деньги в фонд класса* (из разговора);

4) 你要记住，**我们**是学生，

我们的主要任务是学习。(CCL)

(Запомни: **мы** ученики, **наша** главная задача – учиться).

Сходство перечисленных ситуаций в том, что, подобно докторскому, родительское и учительское «мы» сокращают расстояние между участниками общения. Адресант, употребляя «мы», либо маскирует разницу в статусах (чтобы маскировать факт давления), либо ставит адресата на одну ступень с собой (чтобы повысить статус адресата и, соответственно, его самооценку), создавая иллюзию равенства. В обоих случаях «единение» лиц в «мы» манипулятивно и может быть как конструктивным, так и деструктивным (в терминологии К. Ф. Седова продуктивным и непродуктивным) [12 : 109].

3. Различия в употреблении местоимения «мы» в русском и в китайском языках

3.1. Наличие стилистических синонимов для «мы»

В китайском языке существуют стилистические синонимы «мы»: 我们 (нейтральное) и 咱们 (разговорное) для «я+ты», «я+вы»,

«я+ты+он», «я+вы+он» «я+ты+они» «я+вы+они». Для «я+он» и «я+они» синонима-инклюзива не существует.

Хотя неопределенность второго компонента «мы» характерна для обоих языков, а конкретный состав «совокупного субъекта» ясен из контекста, в русском языке, в отличие от китайского, у «мы» нет вариантов, различающихся стилистически.

3.2. «Мы» как заменитель местоимений «ты», «вы» (докторское «мы»)

Докторское «мы», используемое врачами при обращении к своим пациентам, считается одним из особых употреблений этого личного местоимения, оно семантически аналогично личному местоимению «вы». Например:

1) *Как мы себя чувствуем?* (из разговора)

Докторское «мы» выражает стремление обеих сторон к интимизации общения, создает у пациента ощущение сочувствия [10 ; 11]. В русском языке докторское «мы» близко к родительскому. В китайском языке такое употребление местоимения «мы» невозможно: китайские врачи употребляют только «您» (вы).

3.3. «Мы» в предложениях, содержащих совет или приказ

Существует различие между русским и китайским употреблением «мы» в предложениях, где глагол в форме настоящего времени выражает побуждение к действию. В китайском языке, «我们» («мы») используется говорящим для смягчения категоричности приказа, а его опущение может привести к противоположному эффекту. Местоимение «мы» смягчает требование в примере:

4) а) 我们测验吧。(Пишем контрольную);

б) 测验吧。(Пишите контрольную).

В связи с тем что глаголы китайского языка не спрягаются, без особой интонации при опущении «мы» слушатель не чувствует стилистического оттенка и скорее всего поймет предложение (б) как жесткий приказ.

В русском языке возможны разные варианты. «В большинстве случаев возможен выбор говорящим как одного, так и другого способа обозначения первых двух лиц коммуникативной ситуации. При этом один из способов можно расценить как более нейтральный» [3 : 254–255]. В. Б. Евтюхин при-

водит примеры с местоимениями «я» и «ты» и показывает, что как вариант с местоимением, так и вариант без местоимения может быть нейтральным. Причем примеры показывают, что при глаголе в повелительном наклонении (рассматривается пара «Не бойся его» и «Ты не бойся его») употребление местоимения «приводит к смягчению побуждения и выражению модальности просьбы, а не требования» [13 : 445].

В русском языке в аналогичной ситуации вместо жесткого требования «*Пишите контрольную*» возможны разные варианты: «*Пишем контрольную!*» – без «мы», либо «*Мы пишем контрольную!*» с «мы» инклюзивным, то есть вовлекающим адресата в круг лиц, уже выполняющих эту работу. При этом предполагается, что адресат не делает то, что он уже должен был делать (как все, входящие в «мы»). Это заявление по-русски имеет множество интерпретаций: «мы» может быть и инклюзивным, и эксклюзивным, и дипломатическим, и диктаторским и др. То есть такого эффекта стабильного смягчения категоричности, как в китайском здесь нет.

3.4. «Мы» + личное местоимение в форме творительного падежа

Еще одно отличие проявляется при попытке перевода русских конструкций типа «мы» + личное местоимение в форме творительного падежа + глагол» на китайский язык. «Мы с X» – конструкция, не имеющая аналога в китайском. В других языках данный смысл выражается через сочинительную конструкцию: «я и X» или «X и я». Свойственная русскому языку, она имеет множество вариантов, отражающих соотношение коммуникативных статусов упоминаемых лиц. Если же в русскоязычном тексте мы встречаем оборот типа *Петр Иванович и я*, то за ним стоят не всегда известные постороннему особенности отношений двух персон. Например, может быть не всегда уместно «мы с ним», если я – студент, а он – ректор. Есть и сложности в выборе «она со мной», «мы с ней», «я с ней». Всякий раз у участников разговора могут возникать взаимные претензии по поводу «значимости» каждой персоны, упомянутой в этих конструкциях.

Отличие в этом отношении возникло из-за особенностей обоих языков.

3.4.1. Мы + второе лицо

В русском языке отсутствует лексический инклюзив «мы», включающий в себя адре-

сата, но есть специфические конструкции «мы с тобой», «мы с вами». Мы имеем в виду только конструкции, подразумевающие совместное действие, и не рассматриваем омонимию, которая предполагает воздействие на адресата, не входящего в состав «мы». В китайском языке уточняющее добавление «с тобой» / «с вами» не считается необходимым. Китайцы привыкли употреблять неопределенное «мы» во всех случаях и определять его состав только по контексту. Например:

а) Мы с тобой говорили об этом.

У этого предложения три варианта китайского перевода.

б1) 我们聊过这件事了 (Употреблено неопределенное «мы» 我们);

б2) 咱们聊过这件事了 (Употреблено инклюзивное «мы» 咱们. Как было сказано, это местоимение чаще употребляется в разговорной речи);

б3) 我和你/我们和你聊过这件事了 (Выражен конкретный состав «мы»:我和你 я и ты / 我们和你 мы и ты. Конечно, этот вариант перевода уже не касается инклюзива).

Таким образом, в русском языке принято выражать инклюзив в форме «мы с тобой» / «мы с вами», а в китайском языке, как правило, так не делают.

3.4.2. «Мы» + третье лицо

Эта конструкция, подобная «мы с тобой/вами», состоит из двух частей: личное местоимение «мы» и уточняющее добавление «с кем». Поскольку уточняющим добавлением в этой конструкции является третье лицо, её функция заключается уже не в выражении инклюзива, а просто в уточнении состава «мы». Например, мы с ним, мы с мамой, мы с Иваном и т.д. Личное местоимение «мы» в этой конструкции может включить в себя либо только самого адресанта, либо адресанта и членов его группы, но чаще – только самого адресанта (мы с мамой = я и мама). Эта особенность характерна именно для русского языка. Подобного употребления личного местоимения «мы» не встречается ни в китайском языке, ни в основных европейских языках. При переводе этой конструкции на китайский язык не употребляется личное местоимение «мы», а просто указывается его конкретный состав. Например:

а) Мы с мамой готовили пиццу.

б) 我和妈妈做了批萨 («мы с мамой» перево-

дится как «我和妈妈 я + мама»; вариант «我们和妈妈 мы + мама» недопустим.)

3.4.3. Порядок слов

Для китайского языка характерен строго определенный порядок слов в предложении. Например:

а) Мы с тобой не хотим встречаться.

б) Мы не хотим с тобой встречаться.

В русском языке второе предложение не является полным аналогом первого, оно может быть понято как декларация нежелания представителей некой группы лиц встречаться с адресатом, в то время как а) включает в себя два варианта прочтения: обоюдное нежелание встречаться и отказ группы встречаться с адресатом. Но в китайском языке предложения а) и б) переводятся одинаково: 我们不想和你见面. Из-за невозможности изменения порядка слов китайское предложение не может передавать различия между этими русскими предложениями.

Пример 1. Мы с вами не знаем этого.

我们 (咱们 разг.) 不知道这个 Чтобы передать значение «с вами», можно употребить 我们 (咱们 разг.) 两个不知道这个 Слово «两个» (вдвоем) подчеркивает состав «мы» = я+вы.

Пример 2. Мы с тобой говорили об этом.

我们 (咱们 разг.) 聊过这件事了 (Мы говорили об этом.) Можно добавить слово 两个 (вдвоем). Состав «мы» (мы=я+ты) слушатель определяет по контексту. Хотя «мы с тобой» принято переводить на китайский как «我+你 (я+ты)», в данном случае употребляется только 我们 (мы), а не 我+你 (я+ты), иначе получится «Я тебе говорила об этом».

В русском предложении «мы с тобой» не всегда является нейтральным, оно имеет либо положительную, либо отрицательную коннотацию, которая выражается в изменении частоты основного тона и эмфатическом выделении слова. Особенности мелодики и характер эмфазы («тобой») может быть средством интимизации общения или показывать раздражение говорящего по поводу поведения собеседника.

Пример 3. Мы с тобой не разговариваем.

我们 (咱们 разг.) 不说话 (Мы не разговариваем.). То же самое, что и пример 1. «我和你» (я + ты) недопустим. В русском языке «мы» в этом примере может быть и инклюзивным, и эксклюзивным.

Пример 4. Мы с вами не разговариваем.

我们 (咱们 разг.) 不说话 (Мы не разговариваем.)

В большинстве случаев, опираясь на контекст, «мы с тобой/вами/ним/ней/ними» можно перевести как 我们 (мы) (второй участник совокупного субъекта определяется по контексту). Если мы хотим точно перевести смысл и уточнить состав совокупного субъекта, то принято использовать «我和X» (я с тобой/вами...). Однако следует отметить, что в некоторых случаях в китайском языке такой перевод звучит неудачно. Например, мы говорим только 我们不知道 (мы не знаем), а не 我和你不知道 (я с тобой не знаем).

Наличие этой конструкции в русском языке позволяет подчеркивать противопоставление «мы» и «не мы», коммуникативная граница выглядит более жесткой. В китайском языке описанная конфликтогенная ситуация выглядит значительно дипломатичнее.

4. Заключение

Сопоставив наши наблюдения с данными других исследователей, мы пришли к выводу о том, что в китайском, как и в русском языке, употребляя «мы» вместо других, более «подходящих» местоимений, адресант постоянно интерпретирует состав субъекта в соответствии со своими интересами. Таковы общие особенности речевого манипулирования.

Манипулятивное воздействие личного местоимения «мы» может быть конструктивным и деструктивным в обоих языках, однако вопрос о конструктивности и деструктивности «мы» идеологического, диктаторского или дипломатического решается применительно к материалу в зависимости от отношения исследователя к экстралингвистической проблематике (является ли идеологическое воздействие отрицательным или положительным фактором).

Грамматические ограничения в ряде случаев обуславливают более «мягкий» (по сравнению с русским) характер манипулятивного воздействия «мы» в китайском языке. В результате в китайском языке дистанции между участниками общения, устанавливаются по-другому, а это влияет на прочие характеристики жанров речи.

5. Благодарность

Авторы благодарят за советы и конструктивную критику проф. Ван Синь и проф. Чжоу Хайянь (Пекинский университет, Китай), а также Павла Вячеславовича Ключишина (независимого исследователя).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Гладров В., Которова Е. Г. Контрастивное изучение моделей речевого поведения // Жанры речи. № 2(12). 2015. С. 27–39.

2. Маркасова Е. В., Ван Синь, Цзен Лифу. Речевое доминирование в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: русско-китайские соответствия // Коммуникативные исследования. 2016. № 3. С. 93–101.

3. Евтюхин В. Б. Местоимение // Богданов С. И., Евтюхин В. Б., Князев Ю. П. и др. Морфология современного русского языка: учебник для высших учеб. заведений РФ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 634 с.

4. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

5. Норман Б. Ю. Грамматическое лицо в идеологической рекламе // Коммуникативные исследования. 2014. № 1. С. 142–151.

6. 吕叔湘 (Люй Шусян)、江蓝生 (Цзян Ланьшэн). 近代汉语指代词. 上海: 学林出版社, Указательные местоимения в современном китайском языке. Шанхай: Изд-во Сюе-линь, 1985. С. 63–66.

7. Норман Б. Ю. Русское местоимение МЫ: внутренняя драматургия // Russian linguistics. 2002. Vol. 26. № 2. С. 217–234.

8. Пазилова Н. М. Семантика личных местоимений в разносистемных языках (на материале английского, узбекского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1991. 18 с.

9. Карамова А. А. Грамматические средства идеологичности политического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 143–148.

10. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск: Издательский центр Белорусс. гос. ун-та, 2009. 183 с.

11. Соколова Г. В. «Я» и «мы» для обозначения автора в русском научном тексте // Лингводидактический поиск на рубеже веков. М.: Информационно-учебный центр гос. РТЯ им. А. С. Пушкина, 2000. С. 202–212.

12. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2016. 440 с.

13. Шелякин М. А. Местоимение // Современный русский язык: фонетика, лексикология, словообразование, морфология, синтаксис. 4-е изд. / под общ. ред. Л. А. Новикова. М.; СПб.; Краснодар: Лань, 2003. С. 445.

1. Gladrow W., Kotorova E. G. Kontrastivnoe izuchenie modelej rechevogo povedeniya [Contrastive study of speech behavior patterns]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2015, no. 2(12), pp. 15–19.

2. Markasova E. V., Van Sin'i, Czen Lifu. Rechevnoe dominirovanie v komedii A. S. Griboedova «Gore ot uma»: russko-kitajskie sootvetstvija [Speech dominance in the comedy of A. S. Griboedov "Woe from wit": correlations in Russian and Chinese]. *Kommunikativnye issledovanija* [Communication studies]. 2016, no. 3. Pp. 93–101.

3. Evtjuhin V. B. Mestoimenie. Bogdanov S. I., Evtjuhin V. B., Knjazev Ju. P. et al. *Morfologija sovremennogo russkogo jazyka: uchebnik dlja vysshih ucheb. zavedenij RF* [Pronoun. Morphology of modern Russian language: textbook for higher studies. institutions of the Russian Federation]. St. Petersburg, 2009. 634 p.

4. Vinogradov V. V. *Russkij jazyk* [Russian Language]. Moscow, 1947. 784 p.

5. Norman B. Yu. Grammaticheskoe lico v ideologicheskoj reklame [Grammatical person in ideological billboard advertising]. *Kommunikativnye issledovanija* [Communication studies]. 2014, no. 1. Pp. 142–151.

6. 吕叔湘 (Lu Shuxiang)、江蓝生 (Jiang Lan-shen). 近代汉语指代词. 上海: 学林出版社 [Demonstrative Pronouns in Modern Chinese]. Shanghai, 1985, pp. 63–66.

7. Norman B. Yu. Russkoe mestoimenie my: vnutrennyaya dramaturgiya [The Russian pronoun we: its internal dramatics]. *Russian Linguistics*, 2002, vol. 26, no. 2. Pp. 217–234.

8. Pazilova N. M. *Semantika lichnyh mestoimenii v raznosistemnyh jazykah (na materiale anglijskogo, uzbekskogo i russkogo jazykov)* [The semantics of personal pronouns in the languages with different systems (in English, Uzbek and Russian languages)]. Tashkent, 1991. 18 pp.

9. Karamova A. A. Grammaticheskie sredstva ideologichnosti politicheskogo diskursa. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. 2014, no. 2 (48). Pp. 143–148.

10. Norman B. Yu. *Lingvisticheskaja pragmatika* [Linguistical Pragmatics]. Minsk, 2009. 183 p.

11. Sokolova G. V. «Ja» i «my» dlja oboznachenija avtora v russkom nauchnom tekste [I and we refer to the author in Russian scientific text]. *Lingvodidakticheskij poisk na rubezhe vekov* [Linguodidactic search at the turn of the centuries]. Moscow, 2000, pp. 202–212.

12. Sedov K. F. *Obshhaja i antropocentricheskaja lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow, 2016. 440 p.

13. Sheljakin M. A. Mestoimenie [Pronoun]. *Sovremennyj russkij jazyk: fonetika, leksikologija, slovoobrazovanie, morfologija, sintaksis*. 4–e izd. / pod obshh.

red. L. A. Novikova [Modern Russian language: phonetics, lexicology, word formation, morphology, syntax]. Moscow; St. Petersburg; Krasnodar, 2003, p. 445.

Статья поступила в редакцию 6.12.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Маркасова Е. В., Тянь Вэньцзюань. Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект) // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 80–87. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-79-86

FOR CITING

Markasova E. V., Tian Wantziuan. Manipulative function of pronoun “we” in Russian and Chinese (the pragmatic aspect). *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 80–87. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-79-86 (in Russian).

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 811,581'38

ББК 81.2Кум-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-87-95

**О. А. Леонтович, Л. В. Косинова,
Н. Ю. Симоненко**
Волгоград, Россия

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
КИТАЙСКИХ НАРРАТИВНЫХ ЖАНРОВ**

Аннотация. В статье изложена часть результатов, полученных в ходе работы над исследовательским проектом «Нарратив как средство осмысления реальности в контексте российско-китайской межкультурной коммуникации», выполненным группой ученых Волгоградского государственного социально-педагогического университета при поддержке РГНФ. Обоснованы теоретические подходы, методика и ключевые параметры анализа нарративов, критерии выбора материала и алгоритм его анализа. Описаны национально-специфические китайские нарративные жанры «чуанци», «хуабэнь», «хуагу», «эржэньчжуань», «шулайбао» и др. Особое внимание уделено жанрам «сяниэн», «куайбань», а также китайской нарративной песне, их структуре, формату, особенностям исполнения, языковой специфике и интертекстуальным связям.

Ключевые слова: нарратив, китайская лингвокультура, нарративный жанр, национально-культурная специфика.

Сведения об авторах: Леонтович Ольга Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой межкультурной коммуникации и перевода.

Email: olgaleo@list.ru

Косинова Лариса Валерьевна, ст. преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и перевода.

Email: Millory@yandex.ru

Симоненко Наталья Юрьевна, ст. преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и перевода.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Email: natkaf88@mail.ru

**O. A. Leontovich, L. V. Kosinova,
N. Yu. Simonenko**
Volgograd, Russia

**LINGUOCULTURAL SPECIFICS OF
CHINESE NARRATIVE GENRES**

Abstract. The paper covers part of the results obtained by a group of scholars from Volgograd State Socio-Pedagogical University during the work on the project: «Narrative as a medium of conceptualisation of reality in the context of Russian-Chinese intercultural communication» supported by the Russian Foundation for Humanities. The authors explain the theoretical approaches, methods and key dimensions of narrative analysis. They further analyse the culturally specific Chinese narrative genres «chuanqi», «huaben», «huagu», «errenzhuan», «shulai-bao», etc. Special attention is given to the genres «xiangsheng» and «kuaiban», as well as Chinese narrative song, their structure, format, forms of performance, language peculiarities and intertextual connections.

Key words: narrative, Chinese language and culture, narrative genre, cultural specifics.

About the authors: Leontovich Olga Arkadyevna, Doctor of Philology, Professor and Chair, Department of Intercultural Communication and Translation.

Kosinova Larisa Valeryevna, Assistant Professor, Department of Intercultural Communication and Translation.

Simonenko Natalya Yuryevna, Assistant Professor, Department of Intercultural Communication and Translation.

Place of employment: Volgograd State Socio-Pedagogical University

Введение

Осознание того, что человеческое мышление нарративно, заставляет исследователей все чаще обращаться к анализу повествований об отношениях личности с миром и

внутренних мотивах, обуславливающих выбор ее жизненного пути. Как утверждает Ж.-Ф. Лиотар, истории о жизни, обладающие «социальной инструментальностью и прагматическим потенциалом», выступают как

механизм организации человеческого опыта [1].

В настоящей статье изложена часть результатов, полученных в ходе работы над исследовательским проектом «Нарратив как средство осмысления реальности в контексте российско-китайской межкультурной коммуникации», выполненным группой ученых Волгоградского государственного социально-педагогического университета при поддержке Российского фонда гуманитарных исследований. Задача статьи – описать многообразие китайских нарративных жанров, связав их с особенностями китайского языка и культуры. Исследование не претендует на их всеобъемлющий охват – мы преследуем более скромную цель, стремясь выявить некоторые национально-специфические черты рассмотренных жанров.

В своем исследовании мы опираемся на работы российских и зарубежных нарратологов, нацеленные на поиск формальных критериев изучения, систематизации и моделирования нарративов, алгоритмизацию их анализа, а также постижение заложенных в них смыслов. Мы рассматриваем нарративы как один из значимых способов отражения и формирования социальных конструктов, как источник информации о мировосприятии через призму лингвокультуры [2 : 92].

Методика и материал исследования

Ведущим методом, который мы используем при проведении исследования, является нарративный анализ. Мы придерживаемся широкого понимания нарратива, согласно которому он включает не только вербальные тексты, но и все, что содержит в себе повествование (роман, пьесу, танец, картинку, витраж, пантомиму, комикс, кинофильм и т.д.) [3 ; 4 ; 5]. Мы рассматриваем литературные и нелитературные, художественные и нехудожественные, вербальные и невербальные повествования, что побуждает нас анализировать различные семиотические характеристики китайских нарративов, например, музыкальную составляющую исполнительских жанров, костюмы актеров, их грим, атрибутику и т.д.

Для исследования был разработан единый алгоритм нарративного анализа, использование которого всеми участниками исследовательской группы позволило обеспечить системность подходов и возможность свести воедино полученные результаты рассмотрения нарративов разных типов. Наи-

более значимыми параметрами нарративного анализа мы считаем следующие [6 : 75]:

1) повествователь (нарратор, явный или скрытый), выступающий как рассказчик, «голос» нарративного дискурса [7 ; 8]; 2) персонажи, которых можно рассматривать в разных ипостасях: а) повествовательная vs. образная характеристика; б) эксплицитная vs. имплицитная характеристика; в) характеристика себя (автохарактеристика) vs. характеристика других (альтерохарактеристика) и т.д.; 3) время, анализируемое с различных точек зрения: а) нарративное прошлое, нарративное настоящее и историческое настоящее; б) дискурсивное и нарративное время; 4) события, происходящие одновременно или в хронологической последовательности; однократные, повторяющиеся, итеративные и многократные; связанные причинно-следственными либо иными логическими отношениями; 5) пространство, обеспечивающее контекст для развития нарратива; б) культурные пресуппозиции, интертекстуальные связи, фоновые знания, аллюзии, реминисценции, связь с прецедентными текстами.

В качестве материала исследования мы подбирали как нарративы разных типов, так и их описания и определения. В силу профессиональных интересов авторов, особое внимание в данной статье уделено комическим и песенным нарративам. Базовый практический материал, на который мы опирались, включает: а) письменные тексты, аудио- и видеозаписи китайских комических жанров (в общей сложности 690 единиц); б) 73 китайские песни XX–XXI вв., отвечающие критериям нарративности. В настоящей статье мы опишем лишь некоторые жанры, имеющие ярко выраженную культурную специфику и отвечающие критериям, которые позволяют отнести их к разряду нарративов.

Китайские национально-специфические нарративные жанры

Понятие «жанр» трудноопределимо в связи с отсутствием единства в идентификации и классификации жанров, наличием большого количества различных точек зрения на данное явление, использованием множественных критериев для выделения жанров, разграничения речевых и коммуникативных жанров, их иерархизации и т.д., на что, в частности, указывает в своей книге «Теория речевых жанров» В. В. Дементьев [9 : 10–14]. В данной работе мы ведем речь о *жанре дискурса*, который, вслед за

М. М. Бахтиным и В. И. Карасиком, мы определяем как «относительно устойчивое в тематическом, композиционном и стилистическом планах речевое произведение» [10 : 159–206 ; 11 : 308]. Жанры классифицируются с литературоведческих, лингвистических, дискурсивных и др. позиций. В. В. Дементьев подразделяет их на художественные и нехудожественные, письменные и устные, монологические и диалогические, простые и сложные, прямые и косвенные, спонтанные и риторические, персональные и ритуально-институциональные и т.д. [10].

Сложность анализа нарративных жанров заключается в том, что они также могут быть рассмотрены с множественных позиций. С точки зрения сферы общения, ученые выделяют такие виды нарративов как: нарратив о личном опыте; библейский нарратив; детский нарратив; медицинский нарратив (врача или больного); семейный нарратив; судебный / юридический нарратив; исторический нарратив; музыкальный нарратив; кинематографический нарратив; ментальный / внутренний нарратив и т.д. [8].

Опираясь на таксономию Р. Барта [3], М. Йан также предпринимает попытку разделить нарративные жанры на письменные (*written / printed*), такие как роман, рассказ, нарративное стихотворение, сценарий пьесы, фильма, оперы; и исполняемые (*performed*), например, собственно пьеса, фильм, опера [8]. Недостаток этой классификации, на наш взгляд, заключается в том, что очень сложно провести границу между исполняемыми и неисполняемыми жанрами, что видно из их перечисления. Кроме того, классификацию жанров затрудняет их историческая динамика: некоторые меняют свое наполнение; многие жанры, например, некоторые виды сказов, первоначально были исполняемыми, а ныне существуют лишь в письменной зафиксированной форме.

Учеными выделено более 400 жанров разнообразных китайских сказов, которые подразделяются на песенные, поэтические и прозаические. Критериями их разграничения являются: место возникновения, география распространения, наличие музыкального компонента, виды музыкального сопровождения, способ исполнения, соотношение стихотворного и музыкального начала, наличие сценических движений, объем нарратива и т.д. [12 ; 13]. Ниже мы опишем некоторые китайские национально-специфические жанры, возникновение и развитие которых самым непосредственным образом свя-

зано с историей Китая и особенностями его самобытной культуры.

Чуаньци (传奇, букв. «рассказ о необычном») – первоначально средневековая китайская новелла, написанная литературным языком вэньянь; в XIII—XV вв. термин стал применяться к драме, а затем, в период империи Мин, исключительно к музыкальной драме. Повествование идет от третьего лица (сценариста) выступающего в качестве нарратора. Главные персонажи – герои прошлого или влюбленные; среди второстепенных персонажей могут встречаться фантастические существа. Сюжет строится вокруг героических подвигов или сентиментальных приключений, а иногда – важных политических событий эпохи; встречаются также сатирические и нравоучительные сюжеты. Пространством развития нарратива являются реально существующие места [14 : 468 ; 15 : 89–91].

Хуабэнь (话本, букв. «основа сказа») – это китайская городская народная повесть, возникшая из устного сказа. Источниками хуабэня были как классические танские новеллы чуаньци, так и фольклор. Изначально нарратором являлся исполнитель, со слов которого записывался хуабэнь; впоследствии появились самостоятельные авторские произведения; многие авторы скрывались под псевдонимами. В качестве персонажей выступают удивительные люди. Сюжеты строятся вокруг необыкновенных происшествий; судебных разбирательств, в основе которых лежат таинственные события; волшебства; суеверий; чудес, совершенных даосскими святыми; а также событий прошлых эпох. Интересна структура хуабэня – он всегда начинается с зачинного стихотворения, затем следует зачин, состоящий из стихов и песен, далее идет сам рассказ; хуабэнь завершается стихотворением, подводившим итог описанным в нем происшествиям [14 : 467–469 ; 15 : 90–92].

Отметим также некоторые другие сказительные жанры: **пинтань** (评弹) – прозаический и песенный сказы, исполняемые под аккомпанемент двух инструментов: «саньсянь» и «пипа» [16 : 679]; **дагу / дагушу** (大鼓 / 大鼓书) – декламация с пением под барабан; этот жанр территориально подразделяется на пекинские сказы под барабан (京韵大鼓) и мэйхуаские сказы под барабан (梅花大鼓) [17 : 121]; **чжуйцзы** (坠子) – песенные сказы с песнями, исполняемые под музыкальный аккомпанемент одноименного инструмента; этот жанр распространён в провинциях Хэ-

нань и Шаньдун: один исполнитель рассказывает и поёт, другой аккомпанирует на чжуйцзы, отбивая такт на ножном барабане [18].

Особого внимания среди китайских нарративных жанров заслуживает **пекинская опера** (京剧), огромную роль в которой играют не только текст произведения, но и (даже в большей степени) амплуа героев, их одежда, грим, аксессуары и язык тела.

Для преподавания китайского языка очень значим жанр – **нарратив о происхождении фразеологизмов «чэньюй»** (成语故事), заключающий в себе короткие поучительные истории, которые рассказывают об их происхождении и раскрывают их смысл.

Особого внимания заслуживают китайские комические жанры, в частности: **шунанхуан** (双簧) – выступление пары артистов, китайский аттракцион, в котором один артист жестикулирует, а другой поёт или говорит за него [19: 131 – 132]; **хуагу** (花鼓) – фольклорные песенки или сценки, часто фривольные, исполняемые женщинами под аккомпанемент маленького барабана и имеющие территориальную специфику: **сучжоуские хуагу**, **яньчжоуские хуагу** и т.д. [20: 237]; **эржэньчжуань** (二人转) – танцевально-песенный дуэт, сценки, исполняемые двумя актерами (фольклорный жанр, популярный на Северо-Востоке Китая); музыкальное сопровождение ведут баньху, сона, чжубань (китайские бамбуковые трещотки), ударные инструменты и др.; пение и рассказ чередуются между собой [21: 33–38]; **шулайбао** (数来宝) – вид частушек, экспромтом исполняемых уличным певцом-попрошайкой под аккомпанемент кастаньет с целью выпросить милостыню [22: 179] и т. д.

Остановимся подробнее на комических жанрах «сяншэн» и «куайбань».

Сяншэн (相声) – это китайский национально-специфический сценический жанр, в основе которого лежат следующие базовые признаки. В качестве нарратора выступают один или два актера. Классический сяншэн существует с устной форме: для достижения максимального комического эффекта необходимо видеть игру артистов или хотя бы слышать их голоса; написанный на бумаге сяншэн теряет свою неповторимую специфику [23; 24]. Приведем отрывок из сяншэна:

甲: ...那个什么... 西装..不, 穿着中山服那(nei4) ...那样子呀
象那样子...那个...他披着一毛巾!

乙: 啊?!

甲: 哦, 对了! 对! 对! 对!

乙: 哎呀!

甲: 他没穿衣裳!

乙: 啊?!!!

甲: 我在澡堂子碰见的呀!

乙: 嗨!

– Он был одет в этот, как его... деловой костюм.... Нет, во что-то типа суньятсеновки ... Такой... похож... будто бы на него было накинуто махровое полотенце.

– А?

– О, верно! Да-да-да-да-да!

– Ай-яя!

– Нет, он не был одет!

– А???

– Я столкнулся с ним в бане!

– Аааа!

《论捧逗》

Артисты, как правило, одеты в традиционные костюмы – длинные халаты до пола с вышивкой или отделкой. Рукава, воротники и пуговицы выполнены в китайском стиле. В диалогических парах чаще всего один артист полный, другой худощавый, что является своеобразной антитезой, способствующей созданию комического эффекта. Каждый артист жанра «сяншэн» имеет своё амплуа: он выполняет или активную доминирующую роль «доугэн» (逗哏), или пассивную роль «подпевалы» «пэнгэн» (捧哏).

С точки зрения семиотики, важную роль играют используемые артистами атрибуты. Традиционно артисты держали в руках веер и белое полотенце: когда в былые времена выступления проводились перед толпой, их окружало много народа, от этого им становилось жарко, и они обмахивались веером, чтобы охладиться, а полотенцем вытирали пот со лба. Кроме того, во время выступления на сцене нередко стоит стол, что создает ощущение трибуны и способствует тому, чтобы артист жанра чувствовал себя оратором.

Обычно выступления проводятся в чайных, оформленных в традиционном стиле, с преобладанием красного цвета и специальным образом расставленными столами. Кроме того, выступления «сяншэн» можно увидеть в концертных залах и по телевизору.

Особенности жанра «сяншэн» проявляются не только в содержании текстов, форме их преподнесения, атрибутике, но и в поведении зрителей. Во время просмотра выступления зрители сидят за столиками, пьют чай и грызут семечки. На концертах китайцы

ведут себя более раскованно, чем в повседневной жизни, сопереживая персонажам.

Куайбань (快板) – это еще один эстрадный жанр, выполняемый в форме речитатива под аккомпанемент одноименного инструмента, похожего на трещотку [25 ; 26]. Он может преследовать различные коммуникативные цели: выпрашивание милостыни, рекламу, прославление, ироническое освещение общественных событий или увеселение. Форма представления – обычно монолог, иногда диалог или полилог; коммуникативные роли зависят от выбранных персонажей.

Артисты одеты в традиционные китайские халаты до пола, в рекламной разновидности жанра форма одежды не имеет значения; атрибутика – музыкальное сопровождение в виде разнообразных инструментов, в частности инструмента «куайбань» или любых предметов, издающих громкие звуки (ведро, таз, кастрюля и т.д.).

Традиционно выступления «куайбань», как и «сяншэн», проводятся в чайных или на уличных площадях. В наше время их можно также увидеть в концертных залах и по телевидению. Выступления на уличных площадях трансформировались в рекламные речевки.

Типичными для жанра «куайбань» являются *иероглифический юмор* и *юмор чисел*. В приводимом ниже куайбане «Одержимый спиртным» (《酒迷》) «говорящее» имя мужа, т. е. стилистический прием антономазии) муж объясняет жене, что он выпивает только потому, что слышит в речи слишком много слов, созвучных слову «спиртное» (*jiu*). Жена обещает ему, что больше не произнесет подобных слов. Тогда мужчина подговаривает своих друзей, в именах которых содержится слог *jiu* (*цзю*), чтобы они пришли к его жене и попросили ему кое-что передать, тем самым пытаясь заставить жену невольно произнести «запретное» слово. Однако жена при помощи смекалки выходит из данной ситуации. Комический эффект достигается за счёт того, что она избегает произнесения имен *Чжан Цзю*, *Ли Цзю*, а также словосочетаний *бамбуковая корзина для спиртного*, *душистый лук*, *девятое сентября*, созвучных со словом *спиртное* (*jiu*). Слово «спиртное» созвучно с цифрой *девять* (九); жена находит им аналоги в виде цифр: *три плюс шесть*, *два плюс семь*, *четыре плюс пять*, *дважды два плюс пять*. Словосочетание *душистый лук* (马莲韭),

содержащее в себе слог *jiu*, она заменяет синонимом без данного звука (扁叶葱); число *девятое сентября* называет в соответствии с лунным календарём – *Праздник хризантем*. Находчивость женщины приводит в изумление её мужа. Приведем отрывок из данного куайбаня:

口 不大会儿有人来找酒迷到了
姓 他老婆出来
: 来人回答 “。九 我叫”
里把着个大酒 他 只
: “, 我跟酒迷大哥是朋友
他九月九到我家里去喝酒 ”
身走 九
又来了酒迷的朋友叫李九
韭 手里提着一捆
: “, 我的名字叫李九
。他九月九到我家里去喝酒 也是”
身走 完 李九
大斑酒迷架着
。屋里 从外面走
: 老婆 “? 是不是有人来找我, 哎
? 什么朋友 他姓名字
? 西 手里拿着什么
。出口 你赶快 ”
: 他老婆 “。三六 先来一个”
? 三六 , 啊 (白)
“。里抱着个大个儿二七 , 啊”
! 啊 二七, 噢 (白)
“, 又来了一李四五, 恩
手里拿着扁叶葱
。人是你的老朋友
二加一个五 你喝
。家里 那天到他 重阳”
酒迷一听伸了舌
! 喝酒 子算 我

Через некоторое время человек пришел к Цзю Ми, подошел к его воротам. Его жена вышла, спросила имя пришедшего.

Человек ответил: «Меня зовут Чжан Цзю».

Он держал в руках бамбуковую корзину для спиртного.

Он сказал: «Цзю Ми – мой друг, передай ему, чтобы он девятого сентября пришел ко мне домой пить спиртное». Сказав это, Чжан Цзю развернулся и ушел.

Вскоре пришел ещё один друг Цзю Ми, его звали Ли Цзю, в руках он держал связку душистого лука.

Он сказал: «Меня зовут Ли Цзю», он также попросил жену Цзю Ми передать мужу, чтобы тот пришел к нему в гости выпить спиртного девятого сентября, и, сказав это, развернулся и ушел.

Цзю Ми вошел в дом, держа в руках горлицу, спросил жену, не приходил ли кто-нибудь к нему и,

если приходил, то как его звали и что было у него в руках.

Жена ответила:

– Сначала пришел Чжан три плюс шесть.

– Что? Чжан три плюс шесть???

– Да, а в руках у него была бамбуковая корзина два плюс семь.

– О! Бамбуковая корзина два плюс семь!

– Ага, а потом пришел Ли четыре плюс пять, в руках у него была связка ароматного лука. Они оба твои друзья, приглашали тебя к себе в гости выпить дважды два плюс пять на Праздник хризантем.

Когда Цзю Ми услышал это, то аж язык от удивления высунул:

– Теперь мне, считай, всю жизнь не выпить спиртного!

《酒迷》

Значительное место в нашем исследовании также занимает китайская **нарративная песня**, содержащая ряд поджанров. Представляется, что на ее примере целесообразно продемонстрировать отражение в повествовании культурных пресуппозиций, интертекстуальных связей, фоновых знаний, аллюзий и связи с прецедентными текстами.

Вслед за В. П. Москвиным, мы определяем текстовую аллюзию как «словесный намек на известное адресату произведение, т. е. на прецедентный текст» [27 : 81–125]. В одной из современных китайских песен «Пробуждение ото сна» (《梦醒黄梁》) есть строки:

唯剩孤枕伴孤床。

<...>

梦醒黄梁

红楼一梦梦一场。

Мне так одиноко, и всё, что у меня есть, – это подушка да кровать. <...> Это был просто сон в красном тереме, который растаял.

Через указание на роман «Сон в красном тереме» – один из четырёх китайских классических романов XVIII в., описывающий любовь двух персонажей и упадок двух богатых семей, нарратор сообщает о том, что все поступки человека влияют на его жизнь и ему самому за них отвечать. На душе у него тоскливо, потому что никто о нём не забывается, воспоминания ранят его душу.

Текстовые аппликации – это фигуры интертекста, которые используют фрагменты текста без указания на источник [28 : 24]. В китайских песенных нарративах примеры текстовых аппликаций чаще всего представлены фразеологизмами «чэньюй» (成语).

Песня «История о времени» (《光阴的故事》) повествует о любви двух персонажей, которых разлучила судьба. Они сожалеют о прекрасной ушедшей молодости. Встретившись через много лет, они осознают, что мир изменился, как и они сами. Песня содержит строку “风花雪月的四季里我在年年的成长”. Четыре первых иероглифа “风花雪月” дословно переводятся как «ветер, цветы, снег, луна». Этот чэньюй имеет истоки в Юньнанских парных надписях (двустилиях на парных каллиграфических панно):

上关花, 下关风,
下关风吹上关花;
苍山雪, 洱海月,
洱海月照苍山雪。

В Шангуане цветут цветы, в Сягуане дует ветер, Ветер из Сянгуаня дует на цветы Шангуаня.

На горе Цан лежит снег, на озере Эрхай светит луна, луна с озера Эрхай освещает снег на горе Цан.

«Ветер, цветы, снег и луна» – это самые знаменитые ландшафты автономного округа Дали в провинции Юньнань: Шангуань – обширная степь; Сянгуань – горная местность, ветер с которой освежает цветы в степи Шангуань; величественная гора Цан покрыта белоснежной шапкой; а озеро Эрхай каждую ночь обретает цвет неба, поэтому луну в нём называют лунной озером Эрхай. Сегодня данная фраза передаёт красоту четырёх времён года и является символом романтических отношений. Таким образом, строку “风花雪月的四季里我在年年的成长” следует переводить как «Год за годом я проживал весну, лето, осень и зиму [без тебя]».

Заключение

На основе данной статьи и исследования китайских нарративных жанров в целом может быть сделан ряд выводов:

1) китайские нарративные жанры в сравнении с русскими намного многообразнее и, с точки зрения жанровой дифференциации и структуры, проявляют большую национально-культурную специфику;

2) в отличие от русских, в Китае сохранились многочисленные нарративные жанры с музыкальным/сценическим сопровождением и использованием традиционной атрибутики;

3) характерной особенностью китайских нарративных жанров является их географическая/ региональная дифференциация;

4) с лингвистической точки зрения, китай-

ские нарративы в значительной степени опираются на особенности языка, в частности: иероглифический юмор, в основе которого заложено наличие в китайском языке большого количества омофонов и возможность их письменной фиксации посредством разных иероглифов; юмор чисел, создаваемый паронимическим сходством между их наименованиями и другими словами; обыгрывание диалектного многообразия китайского языка; фразеологический юмор, возможный за счет существования четырех видов фразеологизмов: «чэной» (成语 – идиом, построенных по древнекитайским нормам языка), «яньюй» (谚语 – пословиц и поговорок), «сехойюй» (歇后语 – народных речений-недоговорок) и «цзинцзюй» (敬句语 – крылатых слов, афоризмов), а также других языковых средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
2. *Леонтович О. А.* Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
3. *Barthes R.* Structural Analysis of Narratives // Image / Music / Text. - New York, 1977. Pp. 79–124.
4. *Bal M.* Narratology. Trans. Christine van Boheemen. Toronto: University of Toronto Press, 1985. 264 p.
5. *Chatman S.* Coming to Terms: The Rhetoric of Narrative in Fiction and Film. Ithaca: Cornell UP, 1990. 256 p.
6. *Леонтович О. А.* Китайский нарратив как средство осмысления действительности // Китайская и русская лингвокультуры в современном глобальном мире: сб. статей / под ред. О. А. Леонтович и Нин Хуайин. Волгоград: Перемена, 2015. С. 72–76.
7. *Genette G.* Narrative Discourse Revisited. Itaca, NY: Cornell University Press, 1988. 175 p.
8. *Jahn M.* Narratology: A Guide to the Theory of Narrative. 2005. English Department, University of Cologne. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-koeln.de/~ame02/pppn.htm> (дата обращения: 09.05.2016).
9. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
10. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
11. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
12. *Ефимов А. Е.* Культура Китая. 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://ayuef.narod.ru/library/culture.doc> (дата обращения: 25.04.2014).
13. *Спешнев Н. А.* Песенно-повествовательное искусство // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. С. 110–119.
14. *Желоховцев А. Н.* Хуабэнь // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. Т. 3. Литература. Язык и письменность. С. 467–469.
15. *Гольгина К. И.* Повествовательная проза на литературном языке вэньянь // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 3. Литература. Язык и письменность. С. 79–92.
16. *新华字典 (Словарь «Синьхуа»).* 北京: 商务印书馆, 1998. 703 页.
17. *关四平 (Гуань Сытин).* 三国演义源流研究. 下编 (Исследование происхождения и становления романа «Троецарствие». Том 2). 独立作家 – 龙视界, 2014. 192 页. 第 121 页.
18. *王维国 (Ван Вэйго).* 汉俄分类词汇手册 (Карманный тематический китайско-русский словарь). 北京: 外语教学与研究出版社, 2002. 1233 页.
19. *廖五梅 (Ляо Умэй).* 唐传奇戏剧化在阅读教学上的应用 (Практическое использование театрализованных танских новелл во время обучения чтению). 秀威出版, 2010. 350 页.
20. *杨馥菱 (Ян Фулин).* 有关台湾车鼓戏之几点考察 (Исследование некоторых аспектов тайваньской пьесы чэгуси // 两岸小戏学术研讨会论文集 (сборник статей по материалам научной конференции «Оперетты двух берегов», т.е. материкового Китая и Тайваня). 国立台湾大学. 音乐学研究所, 2001. 511 页. 第 237 页.
21. *于海阔 (Юй Хайкуо).* 东北二人转的历史、现状及发展趋势述评 (История, современное состояние и тенденции развития дунбэйского жанра эржэньчжуань) // 专题研究. 福建艺术. 2014. 第 33–38 页.
22. *朱光斗 (Чжу Гуандоу).* 对口快板写作知识 (Рекомендации по написанию диалогического куайбаня) // 相声·评书·快板·写作与表演. 群众文艺辅导丛书. 沈阳: 春风文艺出版社, 1982. 第 177–204 页.
23. *杨振华 (Ян Чжэньхуа).* 相声表演技巧 (Искусство выступления в жанре «сяншэнь») // 相声·评书·快板·写作与表演. 群众文艺辅导丛书. 沈阳: 春风文艺出版社, 1982. 第 69–94 页.
24. *薛宝琨 (Сюэ Баокунь).* 中国的相声 (Китайский сяншэнь). 北京: 人民出版社: 新华书店发行, 1985. 267 页.

25. 杨立德 (Ян Лидэ). 杨派山东快书. 武松传 (Шаньдунский куайбаньшу периода Ян. Жизнеописание У Суна). 济南: 山东人民出版社, 1982. 472 页.

26. 朱光斗 (Чжу Гуандоу). 对口快板表演技巧 (Диалогический куайбань: артистические навыки) // 相声·评书·快板·写作与表演. 群众文艺辅导丛书. 沈阳: 春风文艺出版社, 1982 年. 第 205–224 页.

27. Москвин В. П. Интертекстуальность. Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: Либроком, 2011. 164 с.

28. Москвин В. П. Теория интертекстуальности: категориальный аппарат / В. П. Москвин // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. С. 16–51.

REFERENCES

1. Lyotard J.-F. Sostojanje postmoderna (The post-modern condition). Moscow: Institut jeksperimental'noj sociologii. St. Petersburg, 1998. 160 p.

2. Leontovich O. A. Metody kommunikativnyh issledovanij (Methods of communication research). Moscow: Gnozis, 2011. 224 p.

3. Barthes R. Structural Analysis of Narratives // Image / Music / Text. - New York, 1977. Pp. 79 – 124.

4. Bal M. Narratology. Trans. Christine van Boheemen. Toronto: University of Toronto Press, 1985. 264 p.

5. Chatman S. Coming to Terms: The Rhetoric of Narrative in Fiction and Film. Ithaca: Cornell UP, 1990. 256 p.

6. Leontovich O. A. Kitajskij narrativ kak sredstvo osmyslenija dejstvitel'nosti (Chinese narrative as a way of reality comprehension) // Kitajskaja i russkaja lingvokul'tury v sovremennom global'nom mire (Chinese and Russian languages and cultures in the modern global world) / Ed. O. A. Leontovich and Ning Huaiying. Volgograd: Peremena, 2015. P. 72–76.

7. Genette G. Narrative Discourse Revisited. Itaca, NY: Cornell University Press, 1988. 175 p.

8. Jahn M. Narratology: A Guide to the Theory of Narrative. 2005. English Department, University of Cologne. URL: <http://www.uni-koeln.de/~ame02/pppn.htm> (accessed 9 May, 2016).

9. Dementyev V. V. Teorija rechevyh zhanrov (Theory of speech genres). Moscow: Znak, 2010. 600 p.

10. Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorcestva. Moscow, 1986. 445 p.

11. Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, 2002. 476 p.

12. Efimov A.E. Kul'tura Kitaja. 2000. URL: <http://ayuef.narod.ru/library/culture.doc> (accessed 25 April, 2014).

13. Speshnev N. A. Pesenno-povestvovatel'noe iskusstvo (Song and narrative art) // Duhovnaja kul'tura Kitaja (Chinese spiritual art): encyclopedia in 5 vol. / Ed. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. Mos-

cow: Vost. lit., 2006. Vol. 3. Literatura. Jazyk i pis'mennost' (Literature. Language and writing). P. 110–119.

14. Zhelohovcev A. N. Huaben // Duhovnaja kul'tura Kitaja (Chinese spiritual art): encyclopedia in 5 vol. / Ed. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. Moscow: Vost. lit., 2006. Vol. 3. Literatura. Jazyk i pis'mennost' (Literature. Language and writing). P. 467 – 469.

15. Golygina K. I. Povestvovatel'naja proza na literaturnom jazyke vjen'jan' (Narrative prose in the literary language wényán) // Duhovnaja kul'tura Kitaja (Chinese spiritual art): encyclopedia in 5 vol. / Ed. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. Moscow: Vost. lit., 2006. Vol. 3. Literatura. Jazyk i pis'mennost' (Literature. Language and writing). P. 79 – 92.

16. 新华字典 (Xinhua dictionary). 北京: 商务印书馆, 1998. 703 p.

17. 关四平 (Guan Siping). 三国演义源流研究. 下编 (The study of the origin and development of the novel "Romance of the Three Kingdoms". Vol. 2). 独立作家—龙视界, 2014. – 192 9. – 第 121 页.

18. 王维国 (Wang Weiguo). 汉俄分类词汇手册 (Pocket thematic Chinese-Russian dictionary). - 北京: 外语教学与研究出版社, 2002. 1233 p.

19. 廖五梅 (Liao Wumei). 唐传奇戏剧化在阅读教学上的应用 (Practical use of theatrical Tan novels during the teaching of reading). 秀威出版, 2010. 350 p.

20. 杨馥菱 (Yang Fuling). 有关台湾车鼓戏之几点考察 (The study of certain aspects of Taiwan play chegusi) // 两岸小戏学术研讨会论文集 (Papers of the research conference «Operettas of the two shores», i. e. China and Taiwan). 国立台湾大学. 音乐学研究所, 2001. 511 p. – 第 237 页.

21. 于海阔 (Yu Haikuo). 东北二人转的历史、现状及发展趋势述评 (History, modern conditions and tendencies of the dongbei genre errenzhuan) // 专题研究. 福建艺术. 2014. 第 33–38 页.

22. 朱光斗 (Zhu Guangdou). 对口快板写作知识 (Recommendations on writing dialogical kuaiban) // 相声·评书·快板·写作与表演. 群众文艺辅导丛书. - 沈阳: 春风文艺出版社, 1982. – 第 177–204 页.

23. 杨振华 (Yang Zhenhua). 相声表演技巧 (The art of performing xiangsheng) // 相声·评书·快板·写作与表演. 群众文艺辅导丛书. - 沈阳: 春风文艺出版社, 1982. – 第 69–94 页.

24. 薛宝琨 (Xue Baokun). 中国的相声 (Chinese xiangsheng). - 北京: 人民出版社: 新华书店发行, 1985. 267 p.

25. 杨立德 (Yang Lide). 杨派山东快书. 武松传 (Shandong kuaibanshu of the Yang period. Wu Song's life story). 济南: 山东人民出版社, 1982. 472 p.

26. 朱光斗 (Zhu Guangdou). 对口快板表演技巧 (Dialogical kuaiban: artistic skills) // 相声·评书·快板·写作与表演

群众文艺辅导丛书. - 沈阳: 春风文艺出版社, 1982. - 第 205–224 页.

27. Moskvin V. P. Intertekstual'nost'. Ponjatijnyj apparat. Figury, zhanry, stili (Intertextuality. Concepts. Figures, genres, styles). Moscow: Librokom, 2011. 164 P.

28. Moskvin V. P. Teorija intertekstual'nosti: kategorial'nyj apparat (theory of intertex-

tuality: main categories) // Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah raznyh tipov: kollektivnaja monografija (Intertextuality and figures of intertext in discourses of different types: collective monograph) / Eds. T. N. Kolokol'ceva, V. P. Moskvin. Moscow: FLINTA: Nauka, 2014. P. 16–51.

Статья поступила в редакцию 6.12.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Леонтович О. А., Косинова Л. В., Симоненко Н. Ю. Лингвокультурная специфика китайских нарративных жанров // Жанры речи. 2016. №2. С. 88–96. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-87-95

FOR CITING

Leontovich O. A., Kosinova L. V., Simonenko N. Yu. Linguocultural specifics of Chinese narrative genres. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 88–96. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-87-95 (in Russian).

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 811.161,1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104

Т. Н. Колокольцева
Волгоград, РоссияT. N. Kolokoltseva
Volgograd, RussiaДИАЛОГИЧНОСТЬ В ЖАНРАХ
ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
(ЧАТ, ФОРУМ, БЛОГ)DIALOGISM IN THE GENRES OF
INTERNET COMMUNICATION
(CHAT, FORUM, BLOG)

Аннотация. Статья затрагивает актуальные проблемы современной коммуникативной лингвистики и виртуального жанроведения. Сущность категории диалогичности определяется в работе как по отношению к коммуникации традиционной (не опосредованной технически и не связанной с электронной средой), так и по отношению к интернет-коммуникации, где изучаемая категория имеет свою специфику. С опорой на лексикографические источники установлены различия в понятийном содержании и употреблении терминов «диалогичность» и «интерактивность». Рассматриваются особенности реализации категории диалогичности в таких диалогически ориентированных жанрах интернет-коммуникации, как чат, форум, блог. Сопоставляемые жанры характеризуются по следующим признакам: 1) прагматические координаты общения; 2) тип диалога по коммуникативной целеориентированности; 3) тематическая специфика; 4) лингвистические особенности. Выявлено, что хотя в целом диалог в виртуальном пространстве принципиально отличается от диалога в реальном коммуникативном пространстве, диалогическая коммуникация в чате как жанре синхронного общения ближе стоит к живой разговорной речи, чем коммуникация на форумах и в блогах, представляющих собой жанры асинхронного общения.

Ключевые слова: диалог, диалогичность, интерактивность, интернет-коммуникация, жанры интернет-коммуникации, чат, форум, блог.

Сведения об авторе: Колокольцева Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: tatnk@inbox.ru

Abstract. The article deals with the timely problems of modern communicative linguistics and virtual genres. In the article, the essence of the dialogism category is defined in relation to both traditional communication (not technically mediated and non related with electronic media environment), and in relation to Internet communication, where the studied category has its own characteristics. With the base on the lexicographical sources, the differences in the conceptual content and the use of the terms «dialogism» and «interactivity» are established. The characteristics of dialogism category realization of such genres of online communication as chat, forum, blog, are analyzed. The compared genres are characterized by the following features: 1) the pragmatic coordinates of communication; 2) the type of dialogue by the communicative target orientation; 3) thematic specifics; 4) linguistic features. It was found that although the overall dialogue in the virtual space is fundamentally different from the dialogue in real communicative space, dialogical communication in the chat as a genre of synchronous communication is closer to a live oral conversation than communication on forums and blogs, which are genres of asynchronous communication.

Key words: dialogue, dialogism, interactivity, online communication, genres of online communication, chat, forum, blog.

About the author: Kolokoltseva Tatiana Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department.

Place of employment: Volgograd State Social-Pedagogical University.

Особенностью современного языкового существования является бурное развитие интернет-коммуникации. Данная речевая формация характеризуется специфической

организацией и по степени своего влияния на другие сферы общения в настоящее время, пожалуй, не имеет себе равных. Поэтому не случайно в последние десятилетия ин-

тернет-коммуникация привлекает пристальный интерес исследователей и изучается во многих аспектах (подробнее об этом см. в работах: [1–7]).

Определим **базовые понятия работы**. Интернет-коммуникация представляет собой полифункциональное общение в электронной среде, для которого характерны дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие – поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам персональность / институциональность.

В наши дни не вызывает сомнений, что интернет-коммуникация обладает собственной разветвленной системой речевых жанров [2 ; 3 ; 9–13]. Поскольку одной из важнейших категорий интернет-общения является диалогичность, часть этих жанров имеет ярко выраженный диалогический характер. Диалогически ориентированными являются многочисленные интернет-издания, электронные версии традиционных изданий, вся блогосфера, интернет-переписка, интернет-конференции, социальные сети и др. В данной статье объектом рассмотрения станет коммуникативное пространство чатов, форумов и блогов.

Мы считаем важным разграничение понятий *диалогичность* и *интерактивность*, которые неправомерно сближаются во многих источниках. Причина такого сближения, вероятно, коренится в смешении значений существительных *интеракция* (англ. *interaction*) и *интерактивность* (англ. *interactivity*).

Обратимся к данным толковых словарей современного английского языка. В издании «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English» прямое значение существительного *интеракция* определяется как 'акт общения с кем-либо, особенно во время работы, игры или отдыха, а также взаимодействие между исполнителями и аудиторией' (*the act of communicating with somebody, especially while you work, play or spend time with them the interaction between performers and their audience*) [14]. В «Cambridge International Dictionary of English» представлено следующее толкование существительного *интеракция*: 'случай, когда двое или более людей или две или более вещей общаются или реагируют друг с другом' (*an occasion when two or more people or things communicate with or react to each other*) [15].

Существительное *interactivity* (интерактивность) в обоих изданиях квалифицируется как компьютерный термин, значение которого определяется как 'особенность, обеспечивающая непрерывную двустороннюю передачу информации между компьютером и человеком, который его использует' (*the fact of allowing information to be passed continuously and in both directions between a computer and the person who uses it*) [14] и как 'участие пользователей в обмене информацией с компьютерами и уровень, на котором это происходит' (*the involvement of users in the exchange of information with computers and the degree to which this happens*) [15].

В «Википедии» отмечается отсутствие конкретного, устоявшегося определения термина *интерактивность*. **Интерактивность** (от англ. *interaction* – «взаимодействие») характеризуется здесь как понятие, раскрывающее «характер и степень взаимодействия между объектами». Указывается, что термин используется в таких областях, как теория информации, информатика и программирование, системы телекоммуникаций, социология, промышленный дизайн и других. И далее приводится определение, которое представляется вполне приемлемым для нашего исследования: «**Интерактивность** – это способность информационно-коммуникационной системы активно и разнообразно реагировать на действия пользователя» [16].

Таким образом, термины *диалогичность* и *интерактивность* противопоставляются как термины разных научных областей, имеющие разное понятийное содержание.

По отношению к коммуникации традиционной (не опосредованной технически и не связанной с электронной средой) *диалогичность* мы определяем, вслед за М. Н. Кожинной [17 : 138], как учет адресантом (автором) речи фактора адресата (реального или воображаемого), его смысловой позиции, а также обозначение данной ориентации при помощи определенных языковых средств. Категория диалогичности проявляет себя как в виде собственно диалога, так и в виде использования в монологической речи специальных средств (маркеров диалогичности), апеллирующих к адресату. *Диалог* мы рассматриваем как форму активного коммуникативного взаимодействия двух или более субъектов, материальным результатом которого является образование специфического дискурса, состоящего из

последовательности реплик. *Полилог* характеризуем в соответствии со сложившейся в коммуникативной лингвистике традицией как разновидность диалога, предполагающую более 2-х участников и имеющую особые закономерности чередования речевых ходов.

По отношению к интернет-коммуникации *диалогичность* может быть определена как коммуникативная категория, ориентированная на активное речевое взаимодействие в виртуальном пространстве как интернет-пользователей, так и их произведений (вербального и креолизованного характера), имеющих различную жанровую принадлежность и линейную протяженность, а также учет адресантом (автором) речи фактора адресата (реального или виртуального) и его смысловой позиции.

Благодаря интерактивности как свойству информационно-коммуникационных систем (которое обсуждалось выше), и таким важнейшим параметрам интернет-коммуникации, как гипертекстуальность и интертекстуальность [см. об этом подробнее в работе : 18], категория диалогичности получает в Интернете масштабное и яркое выражение.

Речевой жанр, вслед за К. Ф. Седовым, понимается в работе как «вербально-знаковое оформление типической ситуации социального взаимодействия» [19 : 31]. При сопоставлении чата, форума и блога нами будут учтены некоторые параметрические характеристики модели речевого жанра, предложенной Т. В. Шмелевой [20].

Чат в буквальном переводе с англ. означает «дружеская беседа», «болтовня». Этот жанр интернет-коммуникации представляет собой общение в режиме реального времени (*on-line*). Посетители чата (*чаттеры*, или *чатлане*) входят в коммуникативное пространство чата под никами (сетевыми именами) [2 : 190]. Посетители видят перед собой поле чата (реплики общающихся за определенный период). Если ход беседы и / или сами присутствующие в чате вызывают интерес, то новые посетители вступают в общение. Запись реплик строится по модели: *ник адресанта, ник адресата, само высказывание*.

Например:

GaGar1n: *Runaway, у вас еще экзамены есть?*

В рамках чата как жанра синхронного общения категория диалогичности получает наиболее яркое и очевидное воплощение. Диалогические отношения здесь складываются между репликами интерактантов, одновременно находящихся на сайте и принимающих непосредственное участие в коммуникации. В этом плане общение на чатах, хотя и происходит при участии технических средств, ближе всего стоит к живому разговорному общению.

Форум – жанр интернет-коммуникации, где тематическое общение происходит в режиме *off-line*. Участники коммуникации отправляют свои сообщения в разное время. Эти сообщения сохраняются в течение достаточно длительного периода. Каждый новый участник дискуссии читает тексты и выражает свою позицию. Отдельные сообщения состоят из следующих элементов: время поступления информации, ник-нейм автора, отсылка к предтексту (тема или цитата) и непосредственно сам текст сообщения, который образует, по сути, реплику диалогического макротекста. Например:

01.03.2012, 22:13 **Ketos. Re: Ностальгия... или назад в СССР**

Ностальгия – опасная вещь. Я тоже часто в мыслях срываюсь в то время. Да и не только в мыслях, каюсь. Времена нынешние не каждому по размеру. Ограниченность человеческая? Списать на детство и юность? Неет...) Было что-то другое. Мне кажется, то время держит многих из нас и не отпустит, возможно, никогда. Время прекрасное, возможно, не только потому, что мы были детьми. А опасность в том, что возвращение в прошлое – это отрыв от настоящего. Как от двери самолёта. Но как не уговаривай себя порой... <...> (<http://www.pogovorim.net/forums/showthread.php?t=7764>).

Блог (электронный дневник) – жанр интернет-коммуникации, где общение происходит в режиме *off-line*. По мнению О. В. Лутовиновой, коммуникация в жанре блога строится по следующей схеме: «1) автор дневника оставляет пост; 2) пост читается другими пользователями ресурса; 3) пост комментируется читателями; 4) автор поста отвечает на комментарии [2 : 201]. В рамках данного жанра диалогические отношения могут устанавливаться как между постом (сообщением) автора блога и комментариями адресатов, так и собственно между комментариями интернет-пользователей. Сообщение автора блога в этом случае аналогично иницирующей реплике диалога

(реплике-стимулу), а комментарии к нему можно интерпретировать как реплики-реакции. Если комментарии интернет-пользователей ($K_2, K_3 \dots, K_n$) являются реакциями не на первичное сообщение, а на другие комментарии ($K_1 \dots$), то именно последние выступают в качестве вторичных реплик-стимулов.

Сопоставим синхронное диалогическое общение (в чатах) с асинхронным (на форумах и в блогах) по следующим признакам: 1) прагматические координаты общения; 2) тип диалога по коммуникативной целеориентированности; 3) тематическая специфика; 4) лингвистические особенности.

• **Прагматические координаты** непосредственного диалогического общения в реальном коммуникативном пространстве, как известно, соответствуют формуле «я – ты – здесь – сейчас». Это значит, что есть говорящий, собеседник и что они связаны местом и временем (т.е. общей ситуацией общения).

Общение в виртуальном пространстве заметно модифицирует эту формулу. Адресант и адресат, конечно, присутствуют. Но это не реальные, а виртуальные языковые личности [подробнее об этом см. в работах: 2; 21]. Параметр «здесь» означает не реальное место (например, дом или университетская аудитория), а некое пространство в Интернете (сайт). Параметр «сейчас» (единство времени общения) становится факультативным.

В рамках чатов формула «я – ты – здесь – сейчас» модифицируется следующим образом: виртуальные языковые личности, объединенные общим временем и виртуальным пространством.

В рамках форумов и блогов наблюдается несколько иная модификация: виртуальные языковые личности, связанные виртуальным пространством, но отправляющие свои сообщения, как правило, в разное время.

Сопоставляемые жанры имеют существенные различия, обусловленные размером коммуникативной дистанции между адресантом и адресатом. Общение в рамках чата, хотя и осуществляется в пространстве массовой коммуникации, является по преимуществу межличностным и неофициальным. Поэтому коммуникативная дистанция между адресантом и адресатом здесь минимальна. Хотя интерактанты и скрыты за масками никнеймов (то есть диалог происходит между виртуальными языковыми личностями), в большинстве случаев они отдают предпоч-

тение Ты-общению на короткой коммуникативной дистанции. Например:

1. **^^ мыppp:** *Vogelsang, привет кудряшка))))*
2. **Vogelsang:** *^^ мыppp, хочу икру, жаренную с яйцами и укропом. обычной мелкой речной рыбы*
3. **Vogelsang:** *^^ мыppp, только из парикмахерской*
4. **^^ мыppp:** *Vogelsang, вот видишь как я прям чуюла)))))) что кудряшки все обрезали))))*
5. **Vogelsang:** *^^ мыppp, да что ж вы понимаете в военно-морском юморе.. (эт я про икру).. для меня это пицца богов. редкий деликатес*
6. **a_sol:** *^^ мыppp, ну, ладно*
(http://chat.volgograd.ru/chat.php3?p_id=1186259087850028105e36c3&relogin=1&cp=).

Общение на форумах и в блогосфере, на наш взгляд, характеризуется некоторым увеличением коммуникативной дистанции между интерактантами (по сравнению с общением в чатах) и во многих случаях усилением степени официальности речи. Общающиеся, как правило, ощущают, что жанровое пространство форумов и блогов относится к сфере массовой коммуникации, и это накладывает свой отпечаток на речь. Поэтому на форумах и в блогосфере доминирует Вы-общение.

Риском предположить, что в рамках форумов, объединяющих интернет-пользователей по интересам, коммуникативная дистанция между интерактантами в целом меньше, чем в блогосфере. Автор блога всегда обращается к массовому адресату, реакцию которого на сообщение достаточно сложно прогнозировать. Сам «образ адресата» в этом случае оказывается максимально неопределенным, что в известном смысле затрудняет коммуникацию. Приведем достаточно показательный в этом плане контекст из блога О. Крыштановской, руководителя центра изучения элиты Института социологии РАН:

Зачем я начала этот блог?

Друзья, никогда не вела я блогов. Как-то это странно: сидеть и писать что-то в пустоту. Почему решила попробовать? Потому что в фейсбуке я достигла потолка в 5000 друзей, и не знаю, как дальше развиваться как сетевой персонаж.

Один френд с ФБ посоветовал мне завести тут блог, и связать его с социальными сетями. Вот я и пробую. Что получится – не знаю.

Если кто-то посоветует что-то толковое, буду признательна)))

Кому я всё это говорю??)) Здесь же никого нет... (<http://olgakrysht.blogspot.com/30.07/11/>).

Обозначим различие сопоставляемых жанров, имеющее отношение к параметру «время». В чате, как правило, идет речь о текущих делах и вопросах, связанных с событиями настоящего, недавнего прошлого и обозримого будущего, т. е. временные границы жанра являются достаточно узкими. Эта «сиюминутность» детерминирована и технически: информация, обсуждаемая в рамках чата, сохраняется лишь краткое время (от нескольких часов до нескольких суток), а затем удаляется. На форумах и в блогах могут обсуждаться как текущие дела и события, так и «вечные проблемы». Расширенные временные границы жанров поддерживаются и при помощи технических средств: информация, размещенная на форумах и в блогосфере, сохраняется в течение длительного периода: как правило, в течение нескольких лет.

• Тип диалога по **коммуникативной целеориентированности** охарактеризуем в соответствии с классификацией Н. Д. Арутюновой [22 : 650–653].

Коммуникация в чате, как справедливо считает Л. В. Самойленко [23], – это общение по преимуществу *фатическое* (по Н. Д. Арутюновой – праздноречевые жанры). Это общение ради общения либо виртуальное общение с целью последующего знакомства в реальной действительности. Например:

1. **Пересмешник** : доброе утро, асоль. 2. **a_sol** : Пересмешник, привет. 3. **Пересмешник** : a_sol, Маленькие дети – они прямо сущие ангелы... Когда спят. 4. **a_sol** : Пересмешник, у меня кот заболел, проснулась и читаю чем, пытаюсь диагностировать. 5. **Пересмешник** : a_sol, А когда будят тебя в семь часов утра – они совсем не похожи на ангелов. 6. **a_sol** : Пересмешник, Пересмешник, да, они вообще прям неплохие. 7. **a_sol** : Пересмешник, даже когда и не спят. 8. **Пересмешник** : a_sol, А может, не надо заниматься самолечением – а к ветеринару отправить? 9. **Пересмешник** : a_sol, Нет уж, когда меня будят в семь утра и говорят "папа, вставай" – я как-то совсем по-другому смотрю на это)) 10. **Пересмешник** : a_sol, Полтора часа будил – разбудил-таки!)) 11. **a_sol** : Пересмешник, не, конечно, сейчас к врачу пойдет барсик, но над сделать предварительную оценку, чтобы знать, к чему готовиться. 12. **a_sol** : Пересмешник, Папа, не ворчи))) он не виноват, эт все режим. 13. **Пересмешник** : a_sol, Да, конечно, режим... Но почему, если я совёнок – мне достался сын-жаворонок? Это какая-то вселенская несправедливость! (http://chat.volgograd.ru/chat.php3?p_id=1186259087850028105e36c3&relogin=1&cp=).

Коммуникация на форумах – это общение по преимуществу *информативное*. В классификации Н. Д. Арутюновой ему соответствуют 2 типа диалога: 1) информативный; 2) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины [22 : 650–651]. В качестве примера приведем несколько сообщений на Кинофоруме, посвященных обсуждению фильма А. Сокурова «Фауст»:

20.06.12. 17:21. Agadjano. Посмотрел я сий перехваленный шедевр... В лицензионном качестве, на большом экране и... так и не понял, за что расхваливали Сокурова...

Признаюсь, я не читал Гёте, но о чём речь в драме, я знаю... И, признаться, был очень разочарован пресным воображением Сокурова... Крайне гадкая и отталкивающая экранизация довольно глубокого и таинственного произведения всех времён и народов...

20.06.12. 18:11. VITAL'IK. Искусство кино – самое материалоемкое из искусств, не идущее в сравнение с любым другим по затратам. Задача производителей, дающих средства, вернуть данное назад, или не разориться, по случаю. Таким образом, кино должно понравиться максимально возможному количеству потенциальных покупателей и перестает (не всегда, но очень часто) быть искусством, обращаясь в доступный товар. Тебе Сокуров обещал понравиться? Что-то мне подсказывает, что вы не созванивались. Мастера такого уровня думают о «понравиться зрителю» много меньше, чем ты полагаешь. Они решают собственные эстетические, нравственные либо иные задачи. В контексте сказанного и рассматривая «Фауст», к примеру, можно решать вопрос, до какой степени торговаться с мелким бесом кинопроизводства. И стоит ли торговаться с дьяволом вообще (<http://forum.my-hit.ru/news/sovetuem-smotretue/6362-faust-faust.html>).

• В **тематическом аспекте** сопоставляемые жанры представляют собой общение *политематическое*. Но в рамках чатов затрагивается преимущественно повседневная бытовая тематика и характеризуются текущие дела. Наиболее типичные темы здесь: *работа, учеба, общение, любовь, секс*. Все эти темы обсуждаются весьма поверхностно. Не случайно Л. Ю. Иванов назвал чат «вырождением политематического диалога» [10].

Большинство форумов ориентировано на обсуждение интеллектуализованных тем. Рассматривать подобные темы в режиме *онлайн* обычно бывает неудобно. Поэтому если при тех или иных форумах имеются чаты, они посещаются довольно редко, о чем форумчан информируют надписи типа «*В чате сейчас никого нет*».

Для характеристики тематической специфики коммуникации на форумах мы считаем необходимым противопоставить следующие понятия: *тематический диапазон* форума, *гипертема*, *темы разных уровней* (1, 2 и т.д.).

Тематический диапазон форума обычно задается его названием. Это круг проблем, которые принято обсуждать в рамках данной сетевой общности. Например, *Политфорум* по определению предполагает обращение к различным вопросам политической жизни общества, *Кинофорум* сосредоточен на обсуждении новостей кино, а также особенностей мировой и отечественной кинопродукции; форум *Pogovorim.net* позиционирует себя как форум для общения взрослых людей и обсуждения широкого круга проблем, вплоть до «вечных вопросов».

Гипертемами мы предлагаем называть реальные общие темы, рассматриваемые на том или ином форуме. Гипертемы получают свое воплощение через набор частных тем, которые будем именовать темами 1, 2, 3... n. Частные темы можно условно разделить по 2-м уровням. Темы 1-го уровня непосредственно развивают гипертему; темы 2-го уровня возникают в результате многоаспектного обсуждения затронутых проблем и бывают связаны с темами 1-го уровня ассоциативными, логическими и иными типами связи. По сути, они характеризуют боковые ветви публичной дискуссии.

Тематический диапазон блога определяется прежде в первую очередь фактором адресанта. Разумеется, обсуждаемая тематика так или иначе связана с актуальными именами событиями, происходящими в стране и мире. Однако автор блога бывает достаточно свободен как в выборе вопросов для публичного обсуждения, так и в их интерпретации.

• **Лингвистические особенности.** Самое важное различие между сопоставляемыми жанрами, на наш взгляд, состоит в специфике соотношения кодифицированного и разговорного. Чат как жанр, где общение протекает в режиме реального времени и отличается спонтанностью, характеризуется достаточно высокой концентрацией разговорных (в широком понимании) элементов. Здесь наблюдаются небольшая линейная протяженность высказываний (в среднем от 3 до 9 словоформ), простой синтаксис с обилием разговорных конструкций (в т. ч. неполных). Активно употребляется сниженная лексика (разговорная, просторечная,

жаргонная и обценная, нередко с частичной эвфемистической зашифровкой): *компл, инет, денежки, средненький, делища, вечерась, жутко, супер, блин, бухают, нах, песец*. Сообщения в чатах нередко отражают звуковую редукцию, а также позиционные и комбинаторные изменения фонем, характерные для РР: *че, чё, чо, што* – что; *ничё, ничо* – ничего; *кто-нить* – кто-нибудь; *щастливый, щасливый* – счастливый, *сёдня* – сегодня; *тож* – тоже; *эт* – это; *канеш, канешно* – конечно; *фкраще* – вкратце и т.п. Такого рода явления следует рассматривать не только как результат действия закона экономии речевых усилий или проявление языковой игры. Это и отражение своеобразной негласной конвенции интернет-пользователей: в интернет-среде (во всяком случае, в режиме синхронного общения) вполне уместно писать так, как говоришь; это позитивно воспринимается интернет-сообществом.

Для языковой организации форумов и блогов в целом характерно преобладание явлений кодифицированного литературного языка. Разговорные элементы используются здесь менее активно, чем в чатах. Конечно, доля маркеров разговорности зависит и от тематики ресурса, и от фактора адресанта, но неспонтанность общения дает принципиальную возможность для более тщательного отбора языковых средств. В качестве примера приведем фрагмент поста (сообщения) интернет-пользователя *Ника* на форуме *Pogovorim.net* (тема *Все мы носим маски*):

Жизнь – театр, а люди в нем актеры. Прав был Шекспир. Ой как прав. И это страшно. Кто-нибудь когда-нибудь задумывался, а сколько масок мы носим?

Мы же не представляем себя без масок. Что будет, если все маски снять? Маску любящей жены, сильного человека, хорошего работника.... Что останется, а? А останется человек. Настоящий. Хороший или плохой (и я все же до сих пор не понимаю, кто же приклеивает эти ярлыки) Вот только не выживет такой человек в наше время. Не выживет.

Но что-то я отвлеклась. Вернемся к нашим барам... ну то есть к страдающей мне (ну о ком же я еще могу писать в таком состоянии?) <...>

Маски, маски, маски. Кругом одни маски. Это плохо. Это хорошо. И это смешно.

Мы привыкли так жить и выживать. Мы прячем тело под одеждой, а душу по маской. Вот только на человека, обнажившего тело, посмотрят с недоумением. А попробуй обнажи душу... Что будет? Как быстро тебе туда наплюют, на-

топчут, набросают мусора, растащат на сувениры... Как быстро? Да только открой душу. И все, не успеешь оглянуться... оп... а душа уже нуждается в генеральной уборке. Вот только душа – не комната. И убраться полностью там нельзя. Все равно швы и шрамы останутся и будут жечь.

К сожалению, без масок нельзя. А так хочется. Как же мучительно хочется. Сорвать маски, показать то, что чувствуешь. Как же хочется кричать от боли. Выть. Сказать правду. Но. Я же сильная. Я же сама решила. И рука, которая поднялась сорвать маски... падает, просто падает, бессильно, как будто чужая. Падает так же, как упала она, когда я просила помощи.

А теперь да, теперь я приклеила эту маску сильной. Жаль. Право жаль....

Так что. Весь мир – театр, а люди в нем актеры. Жаль, что приходится доказывать такую? ТЕОРЕМУ? Но куда деваться. Это жизнь. А вообще это даже не теорема, а аксиома... (<http://www.pogovorim.net/forums/showthread.php?t=7911>).

Заметим, что в отличие от чата, представляющего собой цепочку довольно кратких реплик, форум может включать достаточно пространственные монологи или монологические фрагменты. Нередко они занимают инициальную позицию, то есть открывают собой обсуждение той или иной темы. Так, общая величина приведенного выше поста (инициирующего характера) составляет 1622 слова, что равняется 9327 знакам с пробелами.

Итак, диалог в виртуальном пространстве принципиально отличается от диалога в реальном коммуникативном пространстве. В интернет-коммуникации не только существенно изменяются прагматические координаты общения. Интернет-диалоги в большинстве случаев характеризуются политематичностью, полисубъектностью, политональностью, высокой степенью вариативности по параметру нейтральность-экспрессивность.

Чат противопоставляется форуму и блогу прежде всего по признаку синхронность / асинхронность коммуникации, а также по характеру коммуникативной целеориентированности диалога (преимущественно *фатическая* в чатах, *информационная* на форумах и в блогах), по тематическим особенностям (доминирование бытовой тематики в рамках чатов, преобладание интеллектуализованной тематики на форумах и в блогосфере), по соотношению разговорных и кодифицированных элементов.

В целом проведенное исследование позволяет заключить, что диалогическая коммуникация в чате как жанре синхронного общения ближе стоит к живой разговорной речи, чем коммуникация на форумах и в блогах, представляющих собой жанры асинхронного общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 272 p.
2. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : монография. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 477 с.
3. Морослин П. В. Лингвокультурологические основы теории функционирования Рунета в пространстве межкультурной коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 40 с.
4. Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика : Русский язык. Межличностное общение. М. : Изд-во «1989.ру», 2006. 193 с.
5. Трофимова Г. Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты. М. : Изд-во РУДН, 2004. 380 с.
6. Горошко Е. И. Современная интернет-коммуникация : структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М., 2012. С. 9–52.
7. Галичкина Е. Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М., 2012. С. 53–71.
8. Галичкина Е. Н. Компьютерная коммуникация : лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство : монография. Волгоград, 2012. 322 с.
9. Иванов Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М. : Флинта ; Наука, 2003. С. 791–793.
10. Иванов Л. Ю. Язык интернета : заметки лингвиста. URL : <http://www.faq-www.ru/lingv.htm> (дата обращения: 01.08.16).
11. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение : устоявшееся и спорное // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 1. С. 105–124.
12. Щитицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография. Архангельск : Поморский университет, 2009. 238 с.

13. *Рогачева Н. Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 23 с.

14. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. URL : <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/interaction?q=interaction> (дата обращения: 05.08.16).

15. Cambridge International Dictionary of English. URL : <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (дата обращения: 05.08.16).

16. Словари и энциклопедии на Академике. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/133422> (дата обращения : 07.08.16).

17. *Кожина М. Н.* Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Очерки научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста : функционально-стилистический аспект. Пермь, 1998. С. 138.

18. *Колокольцева Т. Н.* Интертекстуальность и гипертекстуальность в интернет-коммуникации // Интертекстуальность и фигуры интертекста в курсах разных типов : кол. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М. : ФЛИНТ ; Наука, 2014. С. 71–95.

19. *Седов К. Ф.* Языкознание. Речеведение. Генридика // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 23–40.

20. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 88–99.

21. *Лутвинова О. В.* Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 42 с.

22. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

23. *Самойленко Л. В.* Фатические средства в речи пользователей компьютерной сетью (на материале жанра чата) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2010. 17 с.

REFERENCES

1. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, 2001. 272 p.

2. Lutvinova O. V. *Lingvokul'turologicheskie karakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguoculturological characteristics of the virtual discourse]. Volgograd, 2009. 477 p.

3. Moroslin P. V. *Lingvokul'turologicheskie osnovy teorii funkcionirovaniya Runeta v prostranstve mez'kul'turnoj kommunikacii* [Linguoculturological foundations of the Runet functioning theory in the space of intercultural communication. D-r philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2010. 40 p.

4. Sidorova M. Y. *Internet-lingvistika: Russkij yazyk. Mezhluchnostnoe obshchenie* [Internet linguistics: Russian language. Interpersonal communication]. Moscow, 2006. 193 p.

5. Trofimova G. N. *Yazykovoju vkus Internet-ehpohi v Rossii. Funkcionirovanie russkogo yazyka v Internet: konceptual'no-sushchnostnye dominanty* [Linguistic Taste of the Internet Epoch in Russia. The functioning of the Russian language on the Internet: conceptually-intrinsic dominants]. Moscow, 2004. 380 p.

6. Goroshko E. I. *Sovremennaya internet-kommunikaciya: struktura i osnovnye parametry* [Modern Internet communication: the structure and basic parameters]. *Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya* [Internet communication as a new speech formation. Ed. by T. N. Kolokoltseva, O. V. Lutvinova]. Moscow, 2012, pp. 9–52.

7. Galichkina E. N. *Obshchaya karakteristika komp'yuterno-oposredovannogo diskursa* [General characteristics of computer-mediated discourse]. *Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya* [Internet communication as a new speech formation. Ed. by T. N. Kolokoltseva, O. V. Lutvinova]. Moscow, 2012, pp. 53–71.

8. Galichkina E. N. *Komp'yuternaya kommunikaciya: lingvisticheskiy status, znakovye sredstva, zhanrovoe prostranstvo* [Computer Communication: linguistic status, the sign means, the genre space]. Volgograd, 2012. 322 p.

9. Ivanov L. Y. *Yazyk v ehlektronnyh sredstvakh kommunikacii* [Language in Electronic Communications]. *Kul'tura russkoj rechi. Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech. Collegiate Dictionary Directory. Ed. by L. Y. Ivanov, A. P. Skovorodnikov, E. N. Shiryaev]. Moscow, 2003, pp. 791–793.

10. Ivanov L. Y. *Yazyk Interneta: zametki lingvista* [Internet Language : linguistic notes]. URL: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm/>

11. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. *Virtual'noe zhanrovedenie : ustoyavsheesya i spornoe* [The science of virtual speech genres: well-established and controversial]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo* [Scientific notes of Taurida National University. Ser. «Philology. Social communications»]. 2011. Vol. 24 (63). No. 1. Ch. 1, pp. 105–124.

12. Shchipicina L. Y. *Zhanry komp'yuterno-oposredovannoj kommunikacii* [Genres of computer-mediated communication]. Arkhangel'sk, 2009. 238 p.

13. Rogacheva N. B. *Struktura i funkcionirovanie vtorichnyh rechevyh zhanrov internet-kommunikacii (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* [The structure and functioning of the secondary speech genres of Internet communication (on a material of Russian and English Languages). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2011. 23 p.

14. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. URL:

<http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/interaction?q=interaction> (дата обращения: 05.08.16).

15. *Cambridge International Dictionary of English*. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (дата обращения: 05.08.16).

16. *Slovari i ehnciklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on the Akademik site]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/133422>.

17. Kozhina M. N. Dialogichnost' kak kategorial'nyj priznak pis'mennogo nauchnogo teksta [Dialogism as a categorical sign of written scientific text]. *Ocherki nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII – XX vv. T. 2. Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry). Ch. 2. Kategorii nauchnogo teksta: funktsional'no-stilisticheskij aspekt* [Essays on the scientific style of the Russian literary language of XVIII–XX centuries. Vol. 2. The stylistics of scientific text (general parameters). Part 2. Categories of scientific text: functional and stylistic aspects]. Perm', 1998.

18. Kolokoltseva T. N. Intertekstual'nost' i gipertekstual'nost' v internet-kommunikacii [Intertextuality and hypertextuality in the Internet communication]. *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah raznyh tipov* [Intertextuality and the figures of intertext in the various types of discourse]. Ed. by

T. N. Kolokoltseva, V. P. Moskvina]. Moscow, 2014, pp. 71–95.

19. Sedov K. F. Yazykoznanie. Rechevedenie. Genristika [Linguistics. Rechevedenie. Genristika]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 6. Zhanr i yazyk [Genre and language]. Saratov, 2009, pp. 23–40.

20. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 88–99.

21. Lutovinova O. V. *Yazykovaya lichnost' v virtual'nom diskurse* [Language identity in the virtual discourse. D-r philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2013. 42 p.

22. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of the human]. Moscow, 1998. 896 p.

23. Samojlenko L. V. *Faticheskije sredstva v rechi pol'zovatelej komp'yuternoj set'yu (na materiale zhanra chata)* [Phatic speech means in the computer network users (on the chat material). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Astrakhan, 2010. 17 p.

Статья поступила в редакцию 05.08.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 97–105. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104

FOR CITING

Kolokoltseva T. N. Dialogism in the genres of internet communication (chat, forum, blog). *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 97–105. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104 (in Russian).

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-105-115

В. А. Митягина, И. Г. Сидорова
Волгоград, Россия

**ЖАНРЫ ПЕРСОНАЛЬНОГО
ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА:
КОММУНИКАТИВНЫЕ ЭКСПЛИКАЦИИ
ЛИЧНОСТИ**

Аннотация. Исследование посвящено выявлению логики формирования и функционирования жанровой системы персонального интернет-дискурса и направлено на установление особенностей актуальных форм вербального поведения. Работа выполнена в парадигме антропологической лингвистики.

Персональный интернет-дискурс рассматривается как социокоммуникативное пространство, в котором осуществляются интеракции человека как индивида и как члена сообщества. Жанры персонального интернет-дискурса детерминированы коммуникативными действиями, доминирующими в формате заданной сетевой платформы и отвечающими ее задачам.

Ключевые слова: персональный Интернет-дискурс, коммуникативное действие, жанр, языковая личность.

Сведения об авторах: Митягина Вера Александровна, заведующая кафедрой теории и практики перевода, профессор, доктор филологических наук.

Место работы: Волгоградский государственный университет, Россия.

Сидорова Ирина Геннадьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка, кандидат филологических наук.

Место работы: Волгоградский государственный медицинский университет, Россия.

E-mail: mitygina@mail.ru, ira.sidorovafomicheva@gmail.com

Интернет сегодня – это и результат, и условие масштабных изменений коммуникативных практик. Современное пространство интеракций переживает странную метаморфозу, ограничиваясь пределами сети Интернет и увеличиваясь пропорционально ее расширению. Изучение различных аспектов виртуальной коммуникации предоставляет новые варианты ответа на вопрос о том, как реалии новой информационной эпохи изме-

V. A. Mityagina, I. G. Sidorova
Volgograd, Russia

**THE GENRES OF THE PERSONAL
INTERNET DISCOURSE: COMMUNICATIVE
EXPLICATIONS OF A PERSON**

Abstract. This article makes clear the formation and functioning of the genre system of the personal Internet discourse and it focuses on the determination of the characteristics of actual forms of verbal behaviour. The article was carried out in the paradigm of anthropological linguistics. Personal Internet discourse is defined as a socio-communicative space in which personal interactions of a person as individual and a society member take place. The genres of the personal Internet discourse are determined by the communicative actions dominating in the format of the given Network platform and corresponding to its tasks.

Key words: the personal Internet discourse, a communicative action, a genre, a linguistic person.

About the authors: Mityagina Vera Aleksandovna, Chair of the Department of the Theory and Practice of Translation, Professor, Doctor of Philology.

Place of employment: Volgograd State University, Russia.

Sidorova Irina Gennadyevna, Senior Lecturer of the Department of Modern Languages with a Latin Course, Candidate of Philology.

Place of employment: Volgograd State University, Russia.

няют языковое поведение человека и влияют на глобальное взаимодействие индивидов и социумов.

Соединяя в себе характеристики информационно-коммуникативного, дискурсивного, социально-ориентированного пространства, репрезентирующего лингвокультурные и социально значимые ценности, Интернет представляет собой новую и постоянно меняющуюся форму коммуникативной реаль-

ности со своими дискурсивными жанрами и участниками общения. Коммуникативные действия, совершаемые человеком в Интернете, реализуются в интернет-жанрах, составляющих систему персонального интернет-дискурса [1].

Межличностная коммуникация развивается в сети под влиянием таких факторов, как интерес к формам общения, максимально реализующим индивидуальность, а также технологические решения, позволяющие современному человеку постоянно оставаться в статусе «онлайн». Коммуникативное поведение индивида в Интернете как предмет исследования трансформировало изучение интернет-дискурса. В фокусе лингвистического анализа по-прежнему остаются стандартные признаки речевых жанров – коммуникативная ситуация, экспрессия и экспрессивная интонация, объем, участники [2], характеристики первичных и вторичных речевых жанров [2–6], но исследование интернет-жанров раздвигает рамки жанроведческой парадигмы, прежде всего, посредством детального изучения их медийных, прагматических, структурно-семантических и стилистико-языковых параметров [7–17].

Классификации жанров интернет-коммуникации предпринимаются на основе разных характеристик. Так, Е. И. Горошко и Т. Л. Полякова в разработке «динамической модели типологии жанров» в качестве жанрообразующего фактора используют **тип дискурса**: персональный (личные страницы, персональные блоги, форумы, страницы в социальных сетях), политический (политические страницы партий, политический блоги и микроблоги), деловой (веб-страницы фирм, деловые электронные письма и т.д.), массово-информационный дискурс (веб-страницы сетевых СМИ и новостных агентств) и др. [11]. Л. Ю. Иванов выделяет **сетевые жанры** (порожденные самим использованием языка в сети: чаты и дискуссионные группы) и **жанры, заимствованные** из других сфер общения (аннотации научно-технических статей и другие жанры специализированных сфер общения) [12]; О. В. Лутвинова указывает на **структуру и композицию текста жанров, дифференцируя** дискурсообразующие (СМС, e-mail, форум, чат, блог и др.) и дискурсоприобретенные жанры (виртуальный роман, креатифф, флуд, флейм, спам и послание) [13 : 126–223]. В исследованиях А. А. Атабековой особую значимость имеют **тип интернет-технологии** (электронная почта, чат в син-

хронной и асинхронной разновидностях, мультипользовательские миры, Всемирная паутина) и **лингвистический дизайн** (электронные библиотеки, сетература, электронные журналы, блоги, микроблоггинг) [18 : 209]. Е. И. Горошко и Т. Л. Полякова отмечают, что проблема выявления однозначных критериев для выделения интернет-жанров чрезвычайно сложна и многообразна, и считают вполне логичным выделять для классификации интернет-жанров три фактора: технологический (веб 1.0 – веб 2.0 – веб 3.0), иерархический (гипержанр – жанр – субжанр) и коммуникативно-динамический (традиционные коммуникации, конвергенция, гибридизация, мутация) [11 : 123–124].

Действительно, изменение системы жанров интернет-дискурса тесно связано с модернизацией технологических возможностей их использования. Многофункциональные сети предлагают технологическую платформу для новостной коммуникации, блогов, комментариев, систем мгновенного обмена сообщениями и др. форм общения [15 : 157], что, несомненно, ведет к появлению новых жанровых форм.

Так, стремительное развитие социальных медий, работающих на основе концепции веб 2.0, привело к развитию конвергентного жанра *твиттинг* или *блоггинг* [10 : 241 ; 11 : 124]. Описание жанра *твиттинг* Е. И. Горошко и Т. Л. Полякова проводят по следующим жанрообразующим параметрам: 1) цель, концепция автора, концепция адресата, тематика сообщения, время, место; 2) языковые / неязыковые средства оформления жанра [10 : 242]. Детальный анализ жанра *твиттинг* «как мощного альтернативного источника информации» проведен ими на основе текстов-сообщений (твитов) официальных домашних страниц политических деятелей США, и наблюдения лингвистов относительно потенциала данного жанра персонального дискурса выступают мощным аргументом в дискуссии об успехах и неудачах разных медийных форматов в проведении / освещении предвыборных кампаний.

Интересной представляется работа Ю. В. Щуриной, предлагающей подробное описание жанрового своеобразия социальной сети Instagram, которое определяется как свойствами, характерными для всех социальных сетей и интернет-коммуникации в целом, так и типичными именно для данной сети признаками: 1) креолизованный характер; 2) использование хэштегов; 3) интерактивность [15 : 156–168].

Особое внимание автор уделяет использованию хэштега в инстаграм-дискурсе: непременным условием «правильного» ведения Инстаграма является применение хэштегов (#). Появление такого знака является характеристикой твиттинга, где ограниченность в текстовом пространстве привела к выработке знака, с помощью которого можно передавать слова или словосочетания, обозначающие актуальную ситуацию, место и тему поста [15 : 161].

Хэштеги начинаются с символа «#», за которым следует любое сочетание непробельных символов; чаще всего это слова или фразы, в которых первая буква каждого слова приведена к верхнему регистру. Хэштеги могут встречаться в любой части «твита», зачастую пользователи просто добавляют символ «#» перед каким-либо словом [19 : 206].

Так, известный телеканал ТНТ использовал хэштег *#почувствуйнашновы́йгод*, чтобы привлечь внимание к новогоднему эфиру.

А хэштег *#comedyclub* объединяет все посты, связанные с деятельностью этого телевизионного проекта:

1) *Сегодня! @silavoli24 в Comedy Club! Смотрите в 21:00 на ТНТ! #comedyclub #силаволи Pavel Volya @RealVolya 28 окт.;*

2) *Очень селективный и абсолютно новый выпуск #ComedyClub ждёт тебя сегодня в 21:00 на #ТНТ!*

 [https://rutube.ru/video/02b69ea02172c1f4415e47ae548cfa75/...](https://rutube.ru/video/02b69ea02172c1f4415e47ae548cfa75/) Телеканал ТНТ Подлинная учетная запись @TNT Online 11 нояб.

3) *Полный фотоотчёт с концерта Comedy Club (31.10) доступен по ссылке: [http://www.crocushall.ru/photos/comedy16/...](http://www.crocushall.ru/photos/comedy16/) #comedyclub #crocuscityhall Crocus City Hall @crocuscityhall 7 нояб.*

Хэштег *#instadetki* собирает посты с размещенными в сервисе Instagram фотографиями детей:

1) *#девочка #доча #дочамоя #маяродная #мояпрелесть #вера #верочка#instadetki*

2) *#племяш#приехалпогостить#худышкрутыш#instadetki @ Тулиновка*

3) *#верочка #вера #мояжизнь#зож #вместевеселее #дочамоя #дочь #смыслжизни#instadetki #instagram*

4) *#всадики#ганцевали#Никита#Элина#подружка#instadetki и т.д.*

Хэштег *#RussiaSanctions* собирает в Twitter все посты, связанные с введенными санкциями против России:

1) *Вице-канцлер Германии выступил за снятие санкций с России. #RussiaSanctions, #Russia Psiphon @RusskiPsiphon 21 сент.*

2) *US #RussiaSanctions may block sale of India's #EssarOil to @RosneftEN. Indian banks afraid of #OFAC. Tomasz Wlostowski @TomWlost 27 авг.*

Ю. В. Щурина акцентирует необходимость отдельного исследования хэштегов, так как их коммуникативный потенциал далеко превосходит первоначально предполагаемые возможности сокращения и индексирования информации: использование хэштегов в самопрезентации пользователя в интернет-пространстве открывает коммуникантам новые возможности [15 : 162].

Действительно, хэштеги типа *#семья, #family, #деньрождения, #ямамасына, #люблюнемогу* формируют поле постов, в которых пользователи презентуют интернет-сообществу личную жизнь, фотографии и комментарии о семье и детях, презентуя себя как члена этого сообщества.

Заметим также, что все вышеперечисленные классификации интернет-жанров логично исследовать по включению персональных форм общения в Сети, в которых центром коммуникации является человек, его публичное социальное и / или личное коммуникативное действие. Персональный интернет-дискурс может рассматриваться как континуум личностно-ориентированного общения человека в Сети, ориентированный на канал коммуникации, выражение личностной позиции, самоидентификацию, самовыражение и самопрезентацию и реализуемый в следующих интернет-жанрах: **персональный сайт, личный блог, социальная сеть и интернет-комментарий** [1].

Структура гипертекстового пространства жанров персонального интернет-дискурса зависит от лингвопрагматических характеристик персональной интернет-коммуникации – композиционные единицы гипертекстов помогают упорядочить размещаемую информацию в Интернете в том виде, в котором, по мнению авторов, эта информация должна быть представлена читателям: для персональных сайтов характерна информация биографического типа; для жанра социальных сетей также значима информация о фактах из биографии авторов аккаунтов, которая носит анкетный характер и позволяет

создавать свой собственный, индивидуальный круг общения; блогосфера ориентирована на презентацию внутренних переживаний человека.

Жанровое разнообразие персонального интернет-дискурса напрямую зависит от прагматики коммуникационных интеракций, от структуры и внутренней организации представленных в этих жанрах текстов, а также коммуникативного действия пользователя, поэтому предлагаем считать, что жанрообразующими параметрами личносто-ориентированной коммуникации в Интернете являются следующие типы эксплицируемого коммуникативного действия интернет-пользователя:

языковой личности, детерминированное четким осознанием цели интернет-общения и эмоциональным состоянием адресанта, направленного на его публичную и всеобщую демонстрацию, которое вербализуется в различных средствах выражения объективной и субъективной оценки;

- *самовыражение* – ценностно-ориентированное / аффективное коммуникативное действие языковой личности, основанное на спонтанном и эмоциональном состоянии адресанта с безусловной верой в «правильность» суждений и результатов.

Данные типы коммуникативного действия являются жанрообразующими признаками следующих жанров персонального интернет-

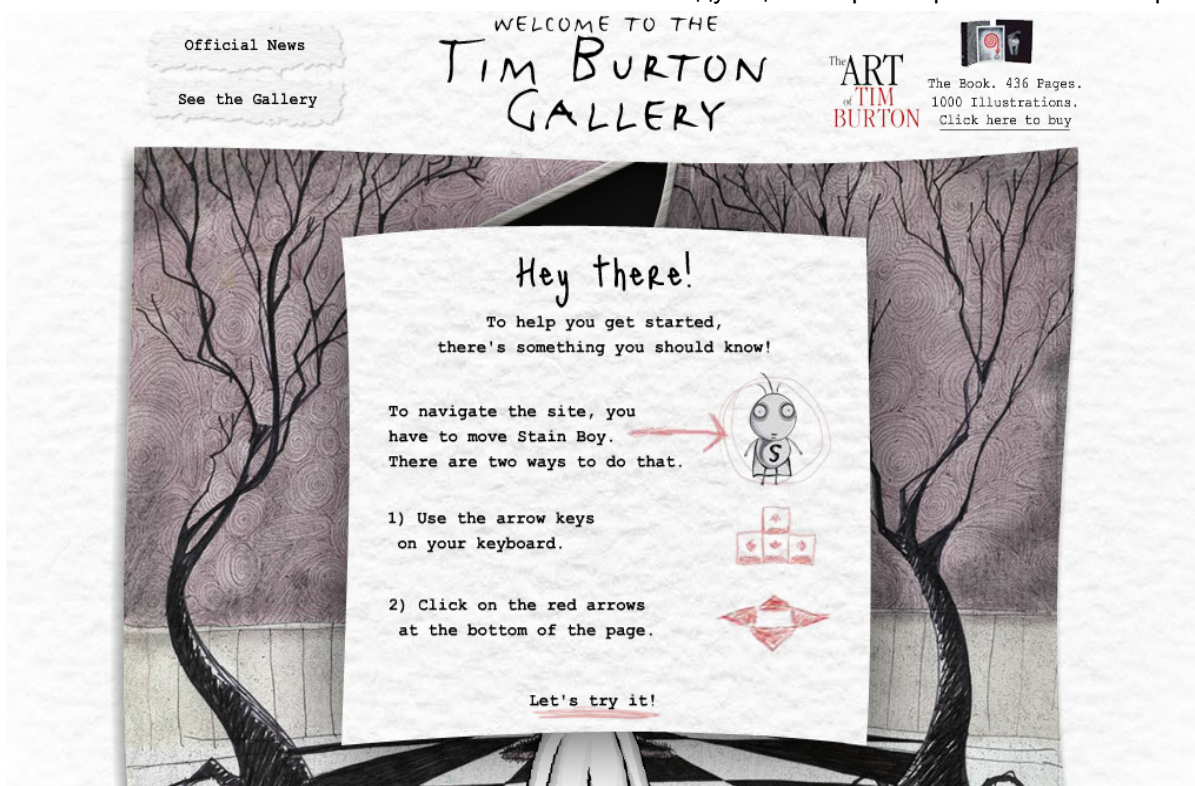

Рис. 1

- *самопрезентация* – ценностно-ориентированное коммуникативное действие личности, которое рассматривается самим адресантом как самодостаточная и независимая презентация «себя» как единицы интернет-общения;

- *самоидентификация* – коммуникативное действие языковой личности, как правило, обусловленное существующими рамками традиционных коммуникативных правил общения в интернет-сообществах, совершаемое в «автоматическом режиме»;

- *позиционирование* – целерациональное / аффективное коммуникативное действие

дискурса.

Жанр *персональный сайт* представляет виртуальному пространству публичную языковую личность, самопрезентация которой вербализуется авторской модальностью, использованием личных местоимений и частотностью имен собственных: «*Leonardo Calls...*» (Леонардо Ди Каприо призывает...), «*Leonardo addresses...*» (Леонардо Ди Каприо обращается к...); «*Leonardo joins artists and public figures...*» (Леонардо Ди Каприо объединяет актеров и общественных лиц...) (<http://leonardodicaprio.com/>); «*Madonna is hosting a special event at Art Basel*

Miami on December 2nd to benefit Raising Malawi. The event will take place.... » (Мадонна проводит специальный показ фильмов Art Basel в Майями, сбор денежных средств которого идет на благотворительную организацию Raising Malawi. Это событие пройдет...) (<http://www.madonna.com/>). Функционально-структурная особенность персонального сайта заключается в создании самопрезентационной интернет-формы, представленной совокупностью композиционно-

представляет собой меню, «написанное рукой» актера – «Latest», «Music», «Photography», «Links» и пр. (Рис. 2).

Жанр *личный блог* транслирует образ языковой личности, ориентированной на демонстрацию себя и своей позиции в анализе оценки значимых социальных проблем (недовольство властью, проблемы молодежи, отцов и детей, войны и мира и др.). Личный блог является важной составляющей социально активной интернет-коммуникации, в

Рис. 2

смысловых информационных единиц (главная страница, тематические разделы, контактные данные). Персональный сайт широко используется представителями элиты – прежде всего, политиками и деятелями шоу-бизнеса.

Персональный сайт известного во всем мире продюсера, режиссера, мультипликатора и писателя Тима Бёртона (Tim Burton) завораживает читателей своей креативностью: сайт представляет собой галерею, где интернет-пользователь (Stain Boy) знакомится с жизнью и творчеством актера, становясь участником анимационного фильма (<http://timburton.com/>) (Рис. 1).

Персональный сайт американского актера Джефа Бриджеса (Jeff Bridges) (<http://www.jeffbridges.com/main.html>) выражает «рефлексию» актерской личности. Комбинация личного и публичного тонко подчеркнута дизайнерами: главная страница

ней участвуют как представители политической сферы и бизнеса, так и рядовые пользователи Интернета. Личные блоги организованы в соответствии с концептуальной идеей автора, каждая запись представляет собой изложение отдельной точки зрения блогера и являет собой действие, которое характеризуется логичностью и целостностью. Блог является прямым наследником жанра личного дневника, однако приватность персональных записей сменили публичность и ориентированность на потенциальную аудиторию. Прямую связь жанров дневника и блога убедительно доказывает проект «The Diary of Samuel Pepys». С 1 января 2003 по май 2012 в режиме «реального времени» личного блога публиковался дневник 26-летнего жителя Лондона Семуэля Пепписа (Samuel Pepys), который ежедневно велся им в течение 10 лет, начиная с 1 января 1660 года (<http://www.pepysdiary.com/>).

Автор описывает жизненный уклад того времени, людей, с которыми общался. Повтор дневника в форме блога вызвал огромный интерес интернет-читателей своей проекцией взгляда на жизнь и людей сквозь время.

Личный блог известного в России певца Александра Шнур – это вариант презентации творческой личности в форме обновляемого списка записей с размещенными клипами (<http://shnur-de.livejournal.com/>). Внимание поклонников этого незаурядного и яркого артиста предлагается блог как вариант, позволяющий представить свое творчество вне цензуры.

Телеведущая, продюсер телеканала «МАТЧ» и общественный деятель Тина Канделаки ведет блог в ЖЖ довольно давно, размещая свои записи как личную беседу с интернет-читателем (<http://tikandelaki.livejournal.com/>):

«Вчера у ЦСК «Апостол» был день рождения. Интересно смотреть на то, как за восемь лет компания, которая насчитывала пару человек и размещалась на кухне, выросла в большой и хорошо функционирующий организм, готовый браться и, что важно, доводить до успешного завершения самые амбициозные проекты...»; «В 2008 году мы запустили политическое ток-шоу «Нереальная политика». Оно была первой ласточкой интернет-программ в нашей стране...»; «Помню, как мы арендовали для пилота студию и оборудование за 12 тысяч рублей. За стеной все время что-то сверлили, а звук дрели можно услышать на той первой записи выпуска с Ириной Салтыковой, который просмотрели 26 тысяч человек...»; «Здесь я должна сделать лирическое отступление...»; «Мне часто приходилось слышать, что Вася – это, собственно, и есть «Апостол»... Потрясающий оратор, великий диктатор, визионер, человек с заразительным смехом, железной рукой, молниеносной реакцией и очень тонко чувствующий тренды...».

Личный блог в микроблоге Twitter, по нашему мнению, – субжанр интернет-жанра *личный блог*, коммуникативно-прагматическая задача которого – демонстрация личной жизни, привлечение внимания к своей личности, увеличение числа подписчиков, быстрый доступ к новостям из жизни знаменитостей. Принимая во внимание последние исследования микроблоггинга (твиттинг и блоггинг) [10 ; 11], представляется логичным считать этот конвергентный жанр персональной интернет-коммуникации как частный случай жанра *личный блог*, поскольку в нем реализуется особая форма ведения блога,

информирования и поддержания связей, обусловленная мгновенностью размещения твитов и динамикой их реагирования на них. Индивидуальный подход автора при создании персонального микроблога эксплицируется языковыми средствами жанра (фонетико-графическими, лексическими, морфологическими, особенностью синтаксиса и стилистики):

1) Твит телевизионного канала «РБК» «*Американцы признали избрание Трампа легитимным*» (https://twitter.com/ru_rbc) представляет собой хронологический анонс происходящих событий в мире и России, которые носят важный характер;

2) Твит русского певца Джигана «*Хабиб танк!* Поздравляю с победой! Уважение! 🙌» (<https://twitter.com/iamGeeGun>) – это личная переписка между самим певцом и его другом, бойцом смешанного стиля Хабибом Нурмагомедовым. Обращение «*танк*» и использование анимации в твите – иллюстрации к поздравлению с победой;

3) Твит русского певца Александра Буйнова «*Ольга Орлова, классная девчонка без возраста! С Днем рождения, любимая, маленькая, сильная женщина! Не меняйся никогда! Мы все тебя любим!!*» (<https://twitter.com/anbuinov>) также, являясь личным письмом-поздравлением, становится публичным и мультиплицирует эмотивное коммуникативное действие.

Жанр *социальная сеть* предполагает коммуникативную экспликацию языковой личности, самоидентификация которой определяется преимущественно в рамках действий, устанавливаемых правилами общения в заданных социальных интернет-сообществах. Прагматическая ценность общения в социальной сети – возможность дистанционного взаимодействия коммуникантов, которое отличается простотой и массовостью включения любого пользователя Интернета. Социальные сети предлагают пользователям уже готовые универсальные веб-страницы с навигацией и информационными блоками, с готовым дизайном и простым набором правил для регистрации аккаунта, заполнения структурных полей и обновления информации.

Известный российский певец Дима Билан активно ведет страницу в социальной сети «ВКонтакте» (https://vk.com/bilandima_official), где общается со своими поклонниками, «реальными» друзьями и коллегами по цеху:

«Друзья! А вот и премьера моего самого ожидаемого/неожиданного нового кли-

на #втвоейголове! Кто хочет глянуть, как я и MOZGI production весело сходим с ума и прыгаем в радостную романтику на стиле – идем на мой канал!»; «интеллектуального труда подарки 🎁👉👉👉 - это всегда классно !!! отличная фантазия у вас и чувство цвета и геометрии !) спасибо!)) #билан #димабилан #alien24 /»; «Друзья, подвожу итоги конкурса #bork_искусствобытьсобой в инстаграме. Тема для меня важная ! Благодарствую BORK что вместе подняли волну размышлений ! Я решил поработать Дедом Морозом 🎅 в этом году и назвать победителем Татьяну Есипову из Барнаула. Билеты на концерт у меня в руках ✉️, подарок тоже вот рядом стоит . Поздравляю !! Но каждый , абсолютно каждый достоин !».

Рис. 3

При размещении своих записей, которые постоянно, впрочем, как и у всех пользователей социальных сетей, сопровождаются обилием фотографий личного характера, Дима Билан использует и хэштеги, и смайлики, и анимационные символы, и разговор-

ную лексику, наполненную эмоциями и различными экспрессиями.

Страничка в социальной сети «ВКонтакте» продюсера и актрисы Ренаты Литвиновой (<https://vk.com/renata.litvinova>) – это анонс жизни и творчества известной актрисы, с особым талантом презентующей свою личностную позицию:

«Мне интереснее подчинять себе процесс, чем ждать предложений»; «Мне нравятся такие пронзительные медленные песни про любовь. Есть песни однодневки, а это, мне кажется, навсегда»; «Все мы нуждаемся в защите и, прежде всего, любимых людей... Она же [Земфира] пишет такие тексты, конечно она нуждается в защите».

Наряду со знаменитостями в социальных сетях пишут о себе и о своей жизни вполне рядовые интернет-пользователи: Кристина Мелентьева: «С тобой здорово гулять 😊☀️ Эмин Шейдаев Спасибо 🙏» (<https://vk.com/krikiss>); Дарья Грамм: «Хочу дракона...» (<https://vk.com/id154801316>); Татьяна Одинцова: «Врач-нутрициолог. Сетевик. Помогаю найти путь к здоровью.. Скайп конс- бесплатные -skype: tanspb777 Есть проблемы- звоните! Пишите!» (<https://vk.com/todintsova>); Robert Garbarino: «I care about my family and friends!» (<https://www.facebook.com/robert.garbarino.5?fref=ufi>); Peter Merker: «Why does the media feel the need to lie» (https://www.facebook.com/peter.merker.3?hc_ref=NEWSFEED&fref=nf).

Реакцией на презентационные тексты жанров персонального интернет-дискурса стало формирование жанра *интернет-комментарий*. Данный жанр представлен текстами, выражающими аффективные, спонтанные эмотивные «реактивные» коммуникативные действия пользователей. Использование кооперативной и деструктивной стратегий, направленных на экспликацию личной позиции человека как члена интернет-сообщества, формирующего общественное мнение, можно наблюдать в разных контекстах коммуникации в сети.

Так, например, пост в сообществе «Мама» (https://vk.com/p_poditeli) социальной сети «ВКонтакте» в форме комбинированного изображения, за три часа получил 1258 «лайков», 259 репостов и множество комментариев пользователей (орфография и пунктуация текстов комментариев сохранены):

Маргарита Ефремова: *Это точно :)*

Юлия Нигметзянова: *да...*

Наталья Перекрест: *Ха, про меня*

Кристина Кузнецова: *О да 😊*

Наташа Мезенцева: *Кто фоткал эту семью???*

Татьяна Чистоклетова: *😂 да да!!!. Главное*

чтоб звездочек спалось удобно 😊

Александра Юдина: *жена одетая, значит фоткала свежровь !)*

Сашка Ерин: *Один я заметил что между ним кукла?)))*

Inna Podvoiskaya: *Да это Пзди, ни какой личной жизни. С нами доча уже год спит. Если вдруг мама не рядом сирена срabатывает.*

Елена Мокичева-Окунева *ответила Сашке: Сашка, это не важно, важно то, что в жизни так и происходит!!!*

Каламкас Абдалова-Мендыгалиева: *А мы тоже так спим...*

Eva Sosnaeva: *Про нас*

Вероника Леусова *ответила Сашке: Сашка, это не кукла, просто плохое качество фотографии, в оригинале отчетливо видно, что это ребенок.*

Natalya Strashko: *Все так и есть*

Ольга Беренцева: *Девочки! Делаю вот такие полезные аксессуары для малышек Незаменяемы когда режутся зубки! И соска никогда не упадет и не потеряется 😊 Обращайтесь)*

Наташа Лаврентьева *ответила Inna: Inna, держитесь! У нас тоже так, дочке 11 месяцев. Так ещё и с грудью во рту спит невозможно куда встать по делам)*

Inna Podvoiskaya *ответила Наташе: Наташа, мы и в туалет вместе ходим и купаться. И обнимать меня долго нельзя. Короче треш. Сын не был таким. А дочка манипулирует всей семьёй, что же дальше будет?*

Оля Васильева: *А наш в обнимку только спит..*

Наташа Лаврентьева *ответила Inna: Inna, знакомая ситуация) терпения Вам!*

Дмитрий Богачев: 😂😂😂

Евгений Гер-Арутюнянц: 😂😂😂😂

Елена Костина: 😂😂😂😂😂😂

Представленная беседа на тему совместного сна родителей и детей очень живо затронула подписчиков сообщества. Многие родители с детальным подходом описывали «нелегкое» пребывание с детьми в кровати: «дочка манипулирует всей семьёй», «А наш в обнимку только спит», «ни какой личной жизни» и пр. комментарии (см. Рис. 3), которые объединяют, казалось бы, незнакомых людей, в общем понимании определенных трудностей детского возраста. Помимо этого, в беседу вступает пользователь Ольга

Беренцева, которая в такую жаркую дискуссию и полное интернет-слез (😂😂😂😂😂😂) общение пытается внедрить рекламу своих полезных аксессуаров для малышек.

Текстовый объем постов о победе Дональда Трампа в США в социальной сети «Facebook» был многократно превышен валом комментариев, очень разных по форме и содержанию: LAURIE MENAKER DENKER «disgusting»; Jim Mcsheffrey «How are these people seen as the party of compassion, and inclusiveness. Nothing but hate for a year...»; David Warthen: «I'm going to laugh my ass off if Trump buys the NYT»; Michael Cortelli: «Russia and The US side by side. Who said Trump wouldn't bring us together...».

Таким образом, можно констатировать, что интернет-комментарий – это особый коммуникативный жанр персонального интернет-дискурса, который может быть как фатическим (удовлетворять потребность в общении и реализовать эту потребность в свободной от обязательств форме), так и презентационным (способствовать самовыражению языковой личности и реализовать эту потребность в свободной, не зависящей от правил ритуальной коммуникации форме) [20 : 192]. Жанр интернет-комментария транслирует образ частно-публичной языковой личности, в чем состоит его главное отличие от жанра личного блога, который детерминирован коммуникативными действиями публично-частной языковой личности. Это отличие основано на типе личности, представленной в Сети, т.к. личный блог предполагает, прежде всего, демонстрацию личностного отношения и трактовки различных событий и / или социальных проблем, а жанр интернет-комментария, в свою очередь, ориентирован на получение отклика и открытую публикацию мнения относительно коммуникативных действий другой языковой личности.

Персональный интернет-дискурс представляет собой социокоммуникативное пространство, в котором человек реализуется как индивид, выражающий себя как индивид и как член сообщества, обсуждающий и решающий актуальные вопросы. Жанровая система персонального интернет-дискурса определяется типологией эксплицируемых коммуникативных действий пользователей, а также технологическими особенностями сетевой платформы. В жанре персонального интернет-дискурса проявляется языковая личность коммуниканта в тендерном выражении ее частной или публичной фор-

мы. Исследование жанров персонального интернет-дискурса можно рассматривать в качестве одного из вариантов максимально короткого доступа к осмыслению языковых эманаций современных лингвоэтносоциумов: данные коммуникативные форматы характеризуются глобальной универсальностью, и установление любых форм проявления специфичности вербального поведения, зафиксированного в них, становится ключом к новым открытиям в области лингвокультурологии и антропологической лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий) : дис.... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 249 с.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.
3. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. тр. / Под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 99–111.
4. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания, 2015. № 6. С. 78–107.
5. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи : сб. науч. тр. / Под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 2. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 13–26.
6. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи : сб. науч. тр. / Под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 66–87.
7. Галичкина Е. Н. Жанровая стратификация Российской блогосферы в виртуальной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 2. «Языкознание», № 1(9). Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. С. 58–63.
8. Горошко Е. И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи : сб. науч. тр. / Под ред. В. В. Дементьева. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. С. 370–389.
9. Горошко Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете : попытка рефлексии // Жанры речи : сб. науч. тр. / Под ред. В. В. Дементьева. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. С. 11–27.
10. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. Интернет-жанр твиттинг как предмет исследования нового направления интернет-лингвистики – виртуального жанроведения // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. Сб. науч. тр., / отв. Ред. А. Г. Пастухов. Орел : Орловский государственный институт искусств и культуры, 2014. С. 238–249.
11. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи : сб. науч. тр. / Под ред. В. В. Дементьева. Вып. 2 : Жанры речи. Саратов : Издательский центр «Наука», 2015. С. 119–127.
12. Иванов Л. Ю. Язык Интернета : Заметки лингвиста / Л. Ю. Иванов. 2000. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.faq-www.ru/lingv.htm> (дата обращения: 16.01.12).
13. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 476 с.
14. Цитицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация : Лингвистический аспект анализа. М. : КРАСАНД, 2010. 296 с.
15. Щурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // Жанры речи. 2016. № 1. С. 156–168.
16. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 284 p.
17. Herring S. C. Computer-mediated discourse analysis : An approach to researching online behavior / S. C. Herring // Designing for Virtual Communities in the Service of Learning. New York : Cambridge University Press, 2004. 272 p.
18. Атабекова А. А. Композиционные формы речевого поведения на пространстве web-страницы : интерактивность и индивидуальность / А. А. Атабекова // Язык. Время. Личность. Материалы Международной научной конференции 3-5 декабря 2002 года / Под ред. Л. О. Бутаковой. Омск : Омск. Гос. Ун-т, 2002. С. 213–217.
19. Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практика в сети Интернет // Вестн. Ом. ун-та. 2012. № 4. С. 203–208.
20. Митягина В. А. Интернет-комментарий как коммуникативное действие // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. Сб. науч. тр. Вып. 10 / Отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел : ФГБОУ ВПО «ОГИИК», ООО «Горизонт», 2012. С. 188–197.

REFERENCES

1. Sidorova I. G. *Kommunikativno-pragmatische Charakteristiki zhanrov personalnogo Internet-diskursa (sait, blog, socialnaya set', kommentariy)* [Communicative and pragmatic characteristics of the genres of the Personal Internet Discourse (site, blog, social network, comment)] Published thesis of a Candidate of Philology: 10.02.19 – linguistic theory. Volgograd, 2014. 249 p.

2. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov* [The problems of speech genres]. Bakhtin M. M. *Sobr.soch.: v 5 t. T. 5. Raboty 1940-kh nachala 1960-kh godov* [Collection of works: in 5 vol. Vol. 5. Works of the 1940th the 1960th years]. Moscow, 1996, pp. 159–206.
3. Wierzbicka A. *Rechevye zhanry* [The speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 99–111.
4. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nyue protsessy i aktual'nyue rechi* [The theory of speech genres and actual processes of the modern speech]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language]. No. 6, 2015, pp. 78–107.
5. Sedov K. F. *O zhanrovoj prirode diskursivnogo myshleniya yazykovoj lichnosti* [About genre nature of discursive thinking of a linguistic person]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 13–26.
6. Fedos'uk M. Yu. *Issledovaniye sredstv rechevogo vozdejstviya i teoriya zhanrov rechi* [The investigation of means of linguistic manipulation and the theory of speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 66–87.
7. Galichkina Ye. N. *Zhanrovaya stratifikatsiya Rossijskoj blogosfery v virtual'noj romunikatsii* [Genre stratification of the Russian blogosphere in the virtual communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University, Ser. 3, «The study of language»]. No. 1(19), Volgograd, 2009, pp. 58–63.
8. Goroshko Ye. I. *Teoreticheskij analiz Internet-zhanrov: k opisaniju problemnoj oblasti* [A theoretical analysis of the Internet genres: to the description of the problem area]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 5. Saratov, 2005, pp. 370–389.
9. Goroshko Ye. I. *Internet-zhanr i funkcionirovaniye yasyka b Internete: popytka refleksii* [The Internet genre and functioning of language in the Internet: the attempt of reflection]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 6. Saratov, 2009, pp. 11–27.
10. Goroshko Ye. I., Poljakova T. L. *Internet-zhanr tviting kak predmet issledovaniya novogo napravleniya Internet-lingvistiki – virtual'nogo zhanrovedeniya* [Internet genre Tvittinh as an object of new trend of investigation of the Internet Linguistics – the virtual study of genres]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Genres and types of the texts in the scientific and media Discourse: interuniversity collection of scientific works. Ed. by A. G. Pastuhkov]. Orel, 2012, pp. 188–197.
11. Goroshko Ye. I., Poljakova T. L. *K postroyeniyu tipologii zhanrov sotsial'nykh medij* [The construction of genre typology of the social media]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. Iss. 2. 2015, pp. 119–127.
12. Ivanov L. Yu. *Yazyk Interneta: zametki lingvista* [The language of Internet: notes of a linguist]. Available at: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm> (accessed 16 January 2012).
13. Lutovinova O. V. *Lingvokul'turologicheskie kharaktersiki virtual'nogo diskursa* [Lingvokulturologichesky characteristics of virtual discourse]. Volgograd, 2009, 476 p.
14. Shchipitsina L. Yu. *Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya. Lingvisticheskiy aspekt analiza* [Computer-mediated communication. The linguistic aspect of the analyses]. Moscow, 2010, 296 p.
15. Shchurina Yu. V. *Zhanrovoje svojeobrazie sotsial'noj ceti Instargram* [Genre individuality of Instagram social net]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2016, no. 1, pp. 156–168.
16. Crystal D. *Language and the Internet* / D. Crystal. Cambridge, 2001. 284 p. (in English)
17. Herring S. C. *Computer-mediated discourse analysis: An approach to researching online behavior* / S.C. Herring // *Designing for Virtual Communities in the Service of Learning*. New York, 2004. 272 p. (in English)
18. Atabekova A. A. *Kompozitsionnye formi rechevogo povedeniya na prostranstve web-stranitsy: interaktivnost' i individual'nost'* [The compositional forms of speech behavior in the space of webpage: interactivity and individuality]. *Yazyk. Vremya. Lichnost'. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii 3–5 December, 2002* [The Language. The Time. The Personality. The materials of the International Conference 305 December, 2002. Ed. by L. O. Butakova]. Omsk, 2002, pp. 213–217.
19. Atyagina A. P. *Twitter kak novaya diskursivnaya praktika v seti Internet* [Twitter as a new discursive practice in Internet]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk State University]. No. 4, Omsk, pp. 203–208.
20. Mityagina V. A. *Internet-komentarij kak kommunikativnoye dejstviye* [Internet-comment as a communicative action]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Genres and types of the texts in the scientific and media Discourse: interuniversity collection of scientific works. Ed. by A. G. Pastuhkov]. Orel, 2012, pp. 188–197.

Статья поступила в редакцию 25.11.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Митягина В. А., Сидорова И. Г. Жанры персонального интернет-дискурса : коммуникативные экспликации личности // Жанры речи. 2016. №2. С. 105–115. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-105-115

FOR CITING

Mityagina V. A., Sidorova I. G. The genres of the personal internet discourse : communicative explications of a person. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 106–115. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-105-115 (in Russian).

УДК 811.161.1'276.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-116-122

Н. Н. Панченко
Волгоград, Россия

N. N. Panchenko
Volgograd, Russia

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СТЕБА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

GENRE INDIVIDUALITY OF MOCKERY IN INTERNET COMMUNICATION

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению стеба как современного коммуникативного феномена. В статье описаны тенденции изменения жанрового массмедийного пространства, охарактеризованы социокультурные предпосылки возникновения стеба, выделены его разновидности – интеллектуальный и маргинальный.

Стеб как социокультурный феномен предстает в качестве результата карнавализации, критической оценки и пародирования, основанных на средствах комического – иронии, сатиры, сарказма.

Стеб как субкультурный феномен, выделяемый в жанровом пространстве интернет-дискурса, характеризуется установкой на провокацию, эксцентрику и эпатаж, отличается фамильярной тональностью общения, обнаруживает трансформацию ироничного в циничное, содержит деструктивную критику, реализуемую с помощью негативной коннотации, инвективной, жаргонной лексики.

Ключевые слова: стеб, речевые жанры, интернет-коммуникация, ирония, сарказм, сатира, цинизм.

Сведения об авторе: Панченко Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой языкознания.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: panchnn@yandex.ru

Abstract. The research is devoted to the consideration of mockery as a contemporary communicative phenomenon. The article describes trends of the modification in the genre mass media field, a characterization of some sociocultural background and preconditions of mockery's origin is discussed, two variants of mockery – intellectual and marginal – are distinguished.

Mockery as a sociocultural phenomenon appears as a result of carnivalization, critical evaluation and parody, which are based on the means of the comic – irony, satire, sarcasm.

Mockery as a subcultural phenomenon found in Internet discourse is characterized by the intention to provoke, shock and scandalize. Its distinctive feature is familiar tone of communication. Mockery contains destructive criticism, lexical means with negative connotation, slang, jargon, offensive and abusive language.

Key words: mockery, speech genres, Internet communication, irony, sarcasm, satire, cynicism.

About the author: Nadezhda N. Panchenko, Doctor of Philology, professor, Head of Chair of Linguistics.

Place of employment: Volgograd State Social-Pedagogical University.

Введение

Достаточно тривиально сегодня звучит тезис о том, что XXI век ознаменовался существенными изменениями коммуникативного пространства. Тем не менее, нельзя отрицать, что процессы глобализации, появление новых технологий и новых сфер общения, виртуализация (нейтрализация различий между реальностью и ее субъективным конструированием), переизбыток информации и прочее действительно привели к серьезным изменениям в коммуникативном пространстве, к числу которых можно отне-

сти массмедийную вседозволенность, трансформацию ценностей, модификацию традиционных коммуникативных продуктов, гибридизацию жанров и нейтрализацию стилистической дифференциации.

В массмедийном коммуникативном пространстве происходит рокировка речевых жанров: информативные, аналитические жанры уступают место развлекательным, игровым, комическим. Последние, в свою очередь, также подвергаются трансформации, изменяется функциональная (социальная) значимость жанров комического дис-

курса: на лидирующие позиции претендуют жанровые формы, в которых преобладает провокативность, насмешка, сарказм, цинизм. «Сейчас уже можно говорить о том, что за прошедшее десятилетие «иронический цинизм» трансформировался (эволюционировал) в циничный сарказм: уничтожение любых идеалов и ценностей» [1 : 128].

Отражением подобных тенденций является стеб, в котором прослеживаются элементы карнавального мировоззрения, трансформация ироничного в циничное, обусловленная установкой на провокацию, скандал и эксцентрики.

В данной статье, не претендуя на законченное исследование, рассмотрим стеб на материале интернет-коммуникации. Основной задачей исследования является описание истоков возникновения стеба, используемых в нем средств комического и анализ специфики его реализации в пространстве виртуальной коммуникации.

1. Понятие «стеб» и социокультурные предпосылки его возникновения

Слово *‘стеб’* сегодня уже не осознается как жаргонное, хотя в словарных статьях оно встречается с этой пометой и определяется как 1) *ирония, насмешка* или 2) *то, над чем насмеваются, иронизируют* [2 : 1264]; *стебать*: 1) *высмеивать кого-либо, что-либо, иронизировать над кем-либо, чем-либо*; 2) *привлекать кого-либо нарочито шутливым, нетрадиционным поведением* [3].

Воспринимаемое фоносемантически как хлесткий удар, шлепок, этимологически восходящее к глаголам *‘стегать’*, *‘хлестать’*, *‘бить’* [4], слово *‘стеб’* предстает как результат метафорического переосмысления, основанного на переносе *‘избиение физическое’* → *‘бичевание словесное’*:

Стеб – публичное выражение иронического отношения к каким-либо людям, взглядам или понятиям, часто в виде пародии, ставящее целью их высмеивание [5].

Коммуникативная интенция говорящего – хлесткое вышучивание, высмеивание, основанная на дискредитации объекта в глазах окружающих, обличении, критической оценке, подразумевающая тем самым ценностное снижение, умаление, обуславливает восприятие стеба как разновидности деструктивной деятельности говорящего. Напомним, что деструктивность как свойственный исключительно человеку коммуникативный феномен представляет собой разновидность общения, направленного на осоз-

нанное причинение адресату морального и/или физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы [6]. Неслучайно, при реализации в контексте производного глагола *‘стебаться’* появляется значение *‘издеваться’*:

... Павел Лобков в программе «Намедни» откровенно **стебался**, приводя цитаты из ваших медицинских работ... (Комсомольская правда. 28.04.2003);

А над Росицки и Аршавиным, с которыми мы играем в «Арсенале», я в раздевалке буду постоянно «стебаться». Задавлю их морально перед Евро, ну и поржу, конечно, от души! (Советский спорт. 04.12.2011).

Однако, сделаем оговорку, что деструктивность стеба соотносится прежде всего с определенными ситуациями межличностного общения, и не распространяется на все явление в целом.

Наличие в дефинициях стеба семантических компонентов *‘ироническое отношение’*, *‘насмешка’* позволяет отнести данный феномен к жанру комического. Последнее определяется как *«явление, заслуживающее эмоционально насыщенной эстетической критики (отрицающей или утверждающей), представляющей реальность в неожиданном свете, вскрывающей её внутренние противоречия и вызывающей в сознании воспринимающего активное противопоставление предмета эстетическим идеалам»* [7 : 86–87]. Поскольку стеб погружен в ситуацию смехового общения, то не вызывает сомнений, что его истоки как культурного явления лежат в области смеховой культуры [8]. Однако обратим внимание, что *«не все смешное комично, хотя комическое всегда смешно»* [Там же : 85], дифференциальным признаком понятий комического и смешного выступает *‘наличие критики’*, *‘акцент на недостатках’*.

Внедряясь в пространство комического дискурса, стеб занимает место в ряду его жанров, *«питаясь»* такими основными видами комического, как юмор, ирония, сарказм, сатира. Не останавливаясь подробно на критериях их дифференциации (см. в этой связи работы М. Р. Желтухиной [9], А. Е. Истоминой [10] и др.), попытаемся определить *«пристрастия»* стеба к тому или иному виду комического.

Прежде всего, заметим, что с точки зрения злободневности и критической оценки, степени агрессивности и интенсивности выражаемых эмоций наименее привлекательным из всех для стеба является юмор – наи-

более добродушный и мягкий способ критической оценки, выражающий симпатию и сочувствие к ее объекту [9]. Сочетание интенционального и игрового начал в иронии, соединение положительной формы и отрицательного содержания смягчает язвительность смеха в иронии и формирует достаточно высокую степень интеллектуальности, заметим, не всегда удовлетворяющую целям стеба. Наиболее притягательными для обличительных целей стеба являются сатира и сарказм, которые отличаются эксплицитностью выражения эмоций и прямолинейностью критической оценки, направлены на разоблачение человеческих и социальных пороков, при этом в сарказме степень эмоциональности выше, а выражаемая критика нередко граничит с цинизмом. Таким образом, нам думается, что в качестве средств реализации высмеивания автор стеба, ориентированный на издевку, провокацию, обращается преимущественно к сатире, иронии и сарказму, в меньшей степени – к юмору.

Родом из молодежной субкультуры, в системе смеховых жанров которой обосновались приколы, мультки, глум и проч., стеб, на наш взгляд, ближе всего из традиционных жанров комического соотносится с пародией (лит. *сатирическое произведение в прозе или в стихах, комически имитирующее, высмеивающее какие-либо черты других литературных произведений* [11]). Пародия, имеющая установку на разоблачение смехом при помощи доведения до абсурда, комического обесмысливания стиля или недостатков [10], строится на нарочитом несоответствии стилистических и тематических планов художественной формы и опирается на интертекстуальность.

Переходя непосредственно к рассмотрению предпосылок возникновения стеба, укажем, что сегодня в числе основных тенденций, оказавших определенное воздействие на формирование коммуникативного поведения в целом, массмедийного дискурса, в частности, называют влияние эстетики постмодернизма. «Автор и / или издание, практикующие постмодернистскую манеру письма, стремятся втянуть читателя в игру, увлечь его иронией, стебом, “многослойностью” смыслов» [1 : 126]. А одной из важнейших характеристик коммуникативного поведения в эпоху постмодерна, наряду с виртуальностью, императивностью и др., признается карнавальность (игровое переверачивание ценностей) [12 : 242]. Как пи-

шет М. М. Бахтин, «карнавал сближает, объединяет, обручает и сочетает священное с профанным, высокое с низким, великое с ничтожным, мудрое с глупым» [13 : 209].

В основе стеба весьма заметны элементы десакрализации, инверсия или обесмысливание ценностей. Закономерно, что стеб определяется исследователями как «разновидность публичного интеллектуального эпатажа, который состоит в провокационном и агрессивном, на грани скандала, снижении любых символов других групп, образов прожективных партнеров – как героев, так и адресатов сообщения – через подчеркнутое использование этих символов в несвойственном им, пародийном или пародическом контексте, составленном из стереотипов двух (точнее, как минимум, двух) разных лексических и семантических уровней, рядов» [14 : 163].

Говоря об интеллектуальности эпатажа, присущего стебу, автор связывает этот феномен с конкретными «историческими» обстоятельствами и, как нам видится, соотносит данный жанр с одной из форм эстетического протеста, схожего, например, с высмеиванием коммунистической идеологии, с концептуалистским направлением в рок-музыке в 80–90-е годы XX века, или близкого по своей форме к авангардному искусству начала XX века. И действительно, элементы стеба органически вписывались в различный юмористический контент задолго до появления самого слова стеб. Как сказал Андрей Кнышев, создатель цикла передач «Веселые ребята», характеризуя советский юмористический дискурс начала 80-х гг. прошлого века: «Стеба не было слова такого, но стеб был» (Первый канал. Вечерний Ургант, 23.11.2016).

Очевидно только, что на сегодняшний день стеб из демонстративно-провокационного «выхода за рамки», реализуемого в эстетической культурной форме, трансформировался в маргинальный растиражированный продукт, цель которого – эпатаж, стеб ради стеба. Средством обеспечения подобной массовизации выступают СМИ, в первую очередь интернет-дискурс с его специфической лексикой, особым синтаксисом и стилистикой. Таким образом, можно говорить о двух основных разновидностях стеба – интеллектуальном (эстетическом) и маргинальном. К интеллектуальной разновидности стеба (с некоторыми оговорками) можно отнести интернет-проект Луркоморье – явление, которое «соответствует некоторым об-

щим тенденциям коммуникативной интернет-реальности» и отражает некоторые важные закономерности «карнавала по-новому, по-компьютерному» [15 : 139]. Аргументами в пользу такого взгляда на данное явление могут служить его ориентированность на эстетику – «форма текста нередко имеет самостоятельную ценность» [15 : 150], пародийный характер – Луркоморье изначально создавалась как «карнавальная, постмодернистская пародия на Википедию» [Там же : 137]. Однако нельзя не обратить внимание на наличие в некоторых текстах Луркоморья нецензурной лексики, нарушающей этические нормы без достаточной эстетической мотивировки, когда отклонения от этико-речевой нормы не компенсируются способами создания комического эффекта, а, как нам представляется, рассчитаны в большей степени только на эпатаж.

Далее наше внимание будет сосредоточено преимущественно на маргинальном стебе, обосновавшемся в виртуальном пространстве.

2. Специфика стеба в интернет-коммуникации

Уже упомянув общую тенденцию к вытеснению серьезных новостных, аналитических жанров в медиапространстве и заполнению его «легким» (игровым / зрелищным / юмористическим / досуговым) контентом, еще раз подчеркнем, что инновационной площадкой и одновременно сферой влияния в этой связи становится Интернет, ориентированный на удовлетворение ожиданий, когнитивных потребностей и эмоциональных запросов широкой разнообразной аудитории. «Интернет – карнавализованное пространство, хоть и не всегда, но, тем не менее, противостоящее повседневному серьезу, позволяющее человеку раскрепоститься» [16 : 40].

В связи с созданием определенной интернет-культуры и возникновением специфических форм виртуального обмена информацией и электронных способов взаимодействия образуется целый ряд интернет-групп или интернет-блогеров, концентрирующих свое внимание на высмеивании новостного, не всегда социально значимого, контента. Интернет-пространство предоставляет безграничный полигон для упражнений в стебе и бесконечное количество разнообразных возможностей для его реализации. В данной статье для анализа стеба в виртуальной коммуникативной среде при-

влекался материал лишь некоторых популярных у молодежной аудитории видеоблогов¹ (например, «Nemagia-LifE», «BadComedian»), выложенных на видеохостинге Youtube (<https://www.youtube.com/>).

Прежде всего, заметим, что стеб предстает как реактивный жанр, воплощая пример дискурса реагирования. По сути своей, он представляет собой некое обсуждение события в пародийном стиле. Коммуникативным прошлым или информационным поводом выступают события разной степени значимости: 1) резонансные новости из общественно-политической, экономической сферы – арест главы Минэкономразвития А. Улюкаева находит отражение в ролике «2 МЛН ВЗЯТКИ и Мечта Академега» (Nemagia-LifE); 2) новости теле- и киноиндустрии (BadComedian); 3) высказывание известной личности, всколыхнувшее в первую очередь интернет-аудиторию, в частности, фраза министра культуры России Владимира Мединского о том, что у русского народа имеется одна лишняя хромосома или, например, спор К. Райкина и байкера Хирурга о цензуре в России, который стал поводом для ролика «Мотоциклетный клоун-Хирург жгет!!!» (Nemagia-LifE); 4) лишенные какой-либо социальной значимости видеоролики «коллег по цеху», ютьюберов, неизвестных широкой аудитории, например, «АФОНЯ И СОБОЛЕВ: СЛЕПАЯ ЛЮБОВЬ»; НОВЫЙ ЧЕРТ НА ЮТУБЕ (ЛЕГА)! (Nemagia-LifE).

Заметим, что объектом стеба нередко выступает конкретная личность, а не явление в целом. Авторы сайта Nemagia.ru фиксируют внимание на мишенях стеба, определяя цели своей деятельности: «Раньше мы занимались фокусами и их разоблачением, теперь это в прошлом. Теперь мы занимаемся теми людьми, которые окутывают своих жертв сетями лжи, обмана и вставляем в них чёпик правосудия!» (<http://nemagia.ru/>).

Кроме того, интересы авторов стеба не ограничиваются уничтожающим осмеянием непосредственно новостного контента, послужившего источником для обсуждения, энергия их разоблачительства и зубоскальства постепенно расширяется, вовлекая в сферу своих острых нападок и сопутствующие темы. Создается впечатление, что авторы стеба следуют собственной потребно-

¹ О степени популярности видеороликов можно судить по количеству просмотров – от нескольких сотен тысяч до 3 миллионов.

сти саркастически выговориться, высмеять всех и вся, упражняясь в остроумии, продемонстрировать себя и эпатировать адресата, тем самым стеб порою превращается в самоцель, в самопрезентацию.

Например, при обсуждении новости, что дочь Никиты Михалкова, Надежда Михалкова, решив снимать фильм ужасов, претендует на государственную субсидию, блогеры (Nemagia-LifE) переходят на личность Ф. Бондарчука, подключая иронию и сарказм: *каждый зарабатывает / ребят / как может / и Федя не исключение / вы думаете / такую лысину держать / это дешево вообще? / Это как бы надо за ней ухаживать / всякими смазками там / гелями...* (ДОЧЬ МИХАЛКОВА получит 65 МИЛЛИОНОВ ЗА ...).

Целям самопрезентации и в некоторой степени самоиронии, на наш взгляд, служит предваряющий видеозапись текст: *Видео создано исключительно в юмористических целях. Носит пародийный характер. И не ставит задачи нанести кому бы то ни было колоссальные нравственные страдания морального характера! P.S. Мы 2 дебила и клоуна, что с нас взять...* (Nemagia-LifE).

Одной из отличительных черт стеб-тональности является фамильярно-развязный стиль: *А Федька Бондарчук мне тоже нравится как отыгрывает; А продюсером данного фильма будет Федечка Бондарчук; дочурка Михалкова; Этот министр находился в команде Володьки Путина; Володенька собрал заседание министров и сказал...* (Nemagia-LifE).

Кроме того, авторы не вуалируют негативные оценки, которые появляются уже в названии самих роликов:

Кавказская Пленница 2 (МЕРЗКИЙ РЕМЕЙК) (BadComedian);

Мантукора (САМЫЙ БЕЗДАРНЫЙ ФИЛЬМ) (BadComedian);

ТОТАЛИТАРНАЯ ЛОЖЬ!! Депутат Ирина Яровая (Nemagia-LifE).

Интернет-стеб, с одной стороны, отражает ценности определенной группы, субкультуры, с другой – в нем прослеживается ориентация на массового потребителя, следование его потребностям и выражение его ценностей. В рассматриваемой интернет-среде стеб далек от изящной иронии, интеллектуальной пародии. Если и встречается ирония, то она откровенно проста, прямолинейна, лишена элегантно-эстетической и каких-либо средств художественной выразительности:

Первый канал / Эрнст / Константин / если Вы меня смотрите сейчас / пожалуйста / пожалуйста / если Вы сидите рядом с Минкультом / Бастой / вот ваша компания странная собралась / я вас умоляю / к черту футбол / да кому он на хер нужен футбол российский / ну там не российский / не знаю че за чемпионат / мне вообще плевать / верните передачу МаксимМаксим / мы просто здесь загибаемся / нам нужна эта передача / мы хотим хапануть дерьмеца / верните ее... (BadComedian).

Основываясь на злой, оскорбительной насмешке, стеб допускает использование сниженной, инвективной лексики, авторы стеба позволяют себе мат, в изобилии встречаются сленг и жаргон: *дать / кинуть страйк, разбанить канал, пукан погорел / бомбит, хэйт собрался* и т. д., что служит доказательством его маргинальности. Инкорпорирование в ролик фрагментов из кино-, теле-, интернет-сюжетов, балансирующих зачастую на грани пошлости, демонстрирует проявление карнавальности, провоцируя ценностное снижение обсуждаемого явления / личности. Так, используемый видефрагмент передачи «Вести», в котором крупным планом показан А. Улюкаев, а голос диктора за кадром, сообщает: «Чиновника взяли с поличным при получении взятки в два миллиона долларов», представлен на фоне танцевально-развязной мелодии из репертуара Верки Сердючки (Nemagia-LifE).

Пародийная сущность стеба подменяется саркастической уничтожающей критикой, сатирическая интонация трансформируется в оскорбительную. Общая тенденция размывания границ между жанрами и стилями, таким образом, прослеживается и в виртуальном дискурсе, маркируя переход пародийного стиля стеба в агрессивно-эпатажное зубоскальство.

Заключение

Стеб как коммуникативный феномен, по сути своей близкий к интеллектуальной пародии, в современной виртуальной среде подвергся определенной трансформации с точки зрения плана выражения и плана содержания. Для реализации комической интенции авторы стебовой интонации чаще всего прибегают к сарказму, циничному высмеиванию, используя инвективную, жаргонную и матерную лексику, демонстрируя высокую степень агрессивности и эпатажности и низкую степень интеллектуальности. Ми-

шениями стеба отнюдь не всегда становятся социально значимые события, из формы социально и идеологического протеста, из эстетического приема стеб превращается в самопрезентацию, выплеск накопившегося раздражения, злобы и агрессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выровцева Е. В. Стилистические особенности текстов печатных СМИ как формы медиавируса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 80. Филология. Искусствоведение. № 21 (312). С. 125–130.
2. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Мокленко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона 25 000 слов. 7000 устойчивых сочетаний. СПб.: Норинт, 2001. 717 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL : <http://vasmer.narod.ru/p667.htm> (дата обращения: 31.10.16).
5. Русский Викисловарь. URL : <https://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения : 3.11.16).
6. Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте. Волгоград : Перемена, 2014. 324 с.
7. Боров Ю. Б. Эстетика. М. : Высш. шк., 2002. 511 с.
8. Вокуев Н. Е. Феноменология стеба в современной массовой культуре // Аналитика культурологии. 2010. № 2. URL : http://analiculturolog.ru/component/k2/item/191-article_3.html (дата обращения : 5.11.16).
9. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. М. : Ин-т языкознания РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2000. 264 с.
10. Истомина А. Е. Фельетон как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 192 с.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL : <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/p/paro.html> (дата обращения : 4.11.16).
12. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград : Парадигма, 2015. 432 с.
13. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Художественная литература, 1972. 470 с.
14. Дубин Б. В. Кружковый стеб и массовые коммуникации : К социологии культурного перехода. М. : НЛО, 2001. С. 163–174. URL : <http://ec-dejavu.ru/s-2/Steb.html> (дата обращения: 30.10.16).
15. Деметьев В. В. «Луркоморье» vs «Википедия» = «неформально» vs «формально»? // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 137–151.
16. Вокуев Н. Е. Стеб офлайн и онлайн. Попытка теоретического осмысления // Человек, культура, образование. 2011. № 2. С. 30–47.

REFERENCES

1. Vyrovtsseva E. V. Stilisticheskie osobennosti tekstov pechatnykh SMI kak formy mediavirusa [The stylistic features of printed mass media texts as a form of mediavirus] *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Reporter. Philology. Art history]. 2013. Iss. 80, no. 21 (312). pp. 125–130.
2. Kuznetsov S. A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Great Dictionary of the Russian Language]. St.-Petersburg, 2000. 1536 p.
3. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoj slovar' russkogo zhargona* [The Great Dictionary of Russian jargon] 25 000 words. 7000 idioms. St.-Petersburg, 2001. 717 p.
4. Fasmer M. *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Available at: <http://vasmer.narod.ru/p667.htm> (accessed 31 October 2016).
5. *Russkij Vikislovar'* [Russian Wiktionary]. Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki> (accessed 3 November 2016).
6. Volkova Ya. A. *Destruktivnoe obshhenie v kognitivno-diskursivnom aspekte* [Destructive Communication in Cognitive and Discursive Aspects]. Volgograd, 2014. 324 p.
7. Borev Yu. B. *Ehstetika* [Aesthetics]. Moscow, 2002. 511 p.
8. Vokuev N. E. Fenomenologiya steba v sovremennoj massovoj kul'ture [Phenomenology of Steb in Modern Popular Culture]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies]. 2010. № 2. Available at: http://analiculturolog.ru/component/k2/item/191-article_3.html (accessed 5 November 2016).
9. Zheltukhina M. R. *Komicheskoe v politicheskom diskurse kontsa XX veka. Russkie i nemetskie politiki* [The Comic in the Political Discourse of the end of the XX-th Century. Russian and German politicians]. Moscow, Volgograd, 2000. 264 p.
10. Istomina A. E. *Fel'eton kak zhanr politicheskogo diskursa* [Feuilleton as a genre of political discourse: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2008. 192 p.
11. Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Available at: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/p/paro.html> (accessed 4 November 2016).
12. Karasik V. I. *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, symbols, motives]. Volgograd, 2015. 432 p.
13. Bakhtin M. M. *Problemy poehtiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, 1972. 470 p.
14. Dubin B. V. *Kruzhkovyj steb i massovye kommunikatsii: K sotsiologii kul'turnogo perekhoda* [Circle Steb and Mass Communications: to Sociology of Cultural Transition]. Moscow, 2001. P. 163–174. Available at: <http://ec-dejavu.ru/s-2/Steb.html> (accessed 20 October 2016).

15. Dementyev V. V. «Lurkomor'e» vs «Vikipediya» = «neformal'no» vs «formal'no»? [“Lurkmore.ru” vs «Wikipedia» = «informally» vs «formally»]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2015, no. 1(11). pp. 137–151.

16. Vokuev N. E. Steb oflajn i onlajn. Popytka teoreticheskogo osmysleniya [Offline and Online Steb.

The attempt of Theoretical Comprehension]. *Chelovek, kul'tura, obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2011, no. 2. pp. 30–47.

Статья поступила в редакцию 2.12.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Панченко Н. Н. Жанровое своеобразие стеба в интернет-коммуникации // Жанры речи. 2016. №2. С. 116–122. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-116-122

FOR CITING

Panchenko N. N. Genre individuality of mockery in internet communication. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 116–122. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-116-122 (in Russian).

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'1(049.32)+929Седов
ББК 81з(2)СедовК.Ф.
DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-123-129

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Demytyev
Saratov, Russia

**ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ВПЕРЕД В ИЗУЧЕНИИ
РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ»?**

к выходу посмертной книги избранных трудов
К. Ф. Седова (1954–2011) «Общая и
антропоцентрическая лингвистика» (под ред.
В. В. Дементьева и С. Н. Цейтлин)
(М. : Издательский дом ЯСК, 2016. – 440 с. –
(Studia Philologica))

**WHAT DOES “FORWARD IN THE STUDY OF
SPEECH GENRES” MEAN?**

to the edition of a posthumous book of selected
works by K. F. Sedov (1954–2011) «General and
anthropocentric linguistics» (Eds. V. V. Demytyev
and S. N. Zeitlin) (Moscow, 2016. 440 p. (Studia
Philologica))

Аннотация. Рецензия на посмертную книгу избранных трудов К. Ф. Седова (1954–2011) «Общая и антропоцентрическая лингвистика». Значительная часть книги посвящена речевым жанрам: представлены общие положения теории речевых жанров (социопрагматический аспект), а также материалы к энциклопедии речевых жанров: «Разговор», «Комплимент», «Анекдот».

Автор рецензии (одновременно соредатор обсуждаемой книги избранных трудов К. Ф. Седова), который много лет вместе с К. Ф. Седовым занимался жанрами речи («Саратовское жанроведение»), показывает, как книга будет полезна для современного жанроведения. Подчеркивается, что книгу делает более ценной для жанроведения представленное в книге общепилологическое и общенаучное наследие К. Ф. Седова, что обеспечивает более четкое понимание места жанроведения в парадигме лингвистики и уточнение целого ряда жанроведческих положений и методик через сопоставление их с другими методиками и лингвистическими дисциплинами.

Ключевые слова: жанроведение, К. Ф. Седов, антропоцентрическая лингвистика

Abstract. Review of the posthumous book of selected works by K. F. Sedov (1954–2011) «Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika» [General and anthropocentric linguistics]. Much of the book of K. F. Sedov is devoted to speech genres: an overview of the theory of speech genres (sociopragmatic aspect) is provided, as well as materials for the encyclopedia of speech genres: «Talk», «Compliment», «Anecdote». The reviewer (both co-editor of the book of selected works of K. F. Sedov under discussion), who for many years studied the genres of speech with K. F. Sedov («Saratov genristics»), shows how the book will be useful for the modern genristics. The author emphasizes that the book is more valuable to genristics because of presented in the book philological and general scientific heritage of K. F. Sedov: it provides a clearer understanding of the place of genristics in linguistics paradigm and clarification of a number of genristics regulations and procedures through their correlation with other methods, as well as linguistic disciplines.

Keywords: genristics, K. F. Sedov, anthropocentric linguistics.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики. Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.
E-mail: dementevvv@yandex.ru

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

«Вперед в изучении речевых жанров» часто означает «назад к Бахтину», – писали мы с К. Ф. Седовым в 1998 г. в нашей первой большой совместной работе – книге «Социопрагматический аспект теории речевых

жанров» [1 : 17]. Сегодня, спустя почти 20 лет, ситуация в теории речевых жанров / генристике / жанроведении, несмотря на очень большие отличия, может быть охарактеризована отчасти похоже, с одним суще-

ственным уточнением: «...и назад к К. Ф. Седову».

Смерть К. Ф. в 2011 ожидаемо стала ударом по жанроведению – саратовскому, российскому, мировому, от которого, как представляется, оно еще не оправилось (да и вряд ли оправится в полной мере): стали меньше писаться и защищаться диссертации по психолингвистическим аспектам жанров, кажется, совсем перестали – по психолингвистическим аспектам жанров детской речи, больше нет той волшебной атмосферы настоящего жанроведческого сотрудничества, которая сопровождала нашу с К. Ф. совместную работу в редколлегиях «Жанры речи» (Саратов), «Антологии речевых жанров» (Москва).

В то же время нельзя не подчеркнуть, что именно последние годы жизни К. Ф. ознаменовались особенно большой его жанроведческой, шире – речеведческой активностью, что хорошо видно и по списку публикаций К. Ф., и по содержанию журнала «Жанры речи» (тогда – сборника), в котором он был и членом редколлегии, и постоянным автором.

Только что вышедшая посмертная книга избранных трудов К. Ф. «Общая и антропоцентрическая лингвистика» (далее – ОАЛ), в составлении которой я принимал участие: был соредактором совместно со С. Н. Цейтлин, – особенно полно представляет именно эту часть творческого наследия К. Ф., в частности, статьи самых последних лет, вошедшие в сборник «Жанры речи», включая статью про жанр *комплимента*, вошедшую в последний выпуск сборника, вышедший при жизни К. Ф. (2011), а также главы и параграфы его главной, думается, прижизненной книги «Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении» (2011) (в названной статье про жанр *комплимента* данный жанр также определялся с позиций суггестии).

Как и у М. М. Бахтина, речевые жанры были одним из наиболее приоритетных объектов у К. Ф. при изучении диалога, коммуникации. В уже упоминавшемся нашем совместном учебном пособии «Социопрагматический аспект теории речевых жанров» К. Ф. писал о значении бахтинских идей для современного жанроведения:

«Работы Бахтина долгое время были неизвестны за рубежом, кроме того, даже в отечественных исследованиях устной речи опыт Бахтина учитывался весьма слабо и непоследовательно. <...> Обращение же современных лингвистов к исследованиям М. М. Бахтина, как правило, строго дозируется:

работы, в которых традиционные лингвистические проблемы не затрагиваются, игнорируются. В ряде работ последнего десятилетия, посвященных проблемам речевых жанров, имеет место, как нам представляется, некоторая теоретическая ограниченность, односторонность, вызванная излишней лингвистичностью сознания исследователей явлений живого общения. Между тем бахтинская философия языка представляет собой лишь одну из граней его целостного учения о культуре. А статья о жанрах – один из аспектов этой философии. Рассмотренная в отрыве от других работ, она не дает полного представления о сути понимания природы жанров Бахтиным и содержит противоречия, на которые совершенно справедливо указал М. Ю. Федосюк. Изучение жанровой структуры речевого поведения требует от лингвистов выхода за пределы своей науки в смежные с ней области знания, рассматривающие человека в самых различных его проявлениях. <...> Уже в конце 20-х годов Бахтин критиковал недостатки подхода к языковым явлениям, игнорировавшего связь языковых проявлений с областью социально-психологического бытия людей. “Словесный компонент поведения, – писал он в одной из своих ранних книг, – определяется во всех основных существенных моментах своего содержания объективно-социальными факторами. Социальная среда дала человеку слова и соединила их с определенными значениями и оценками, социальная же среда не перестает определять и контролировать словесные реакции человека на протяжении всей жизни” [2 : 85]. Один из путей развития гуманитарного знания ученый видел в создании науки о знаковом (и, в том числе, словесном) взаимодействии людей – общественной психологии. <...> Жанры разговорной речи Бахтин относил к области “жизненной, или житейской идеологии”. Следуя духу концепции ученого, мы определяем речевой жанр как *вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей*. Главное, что подчеркивает данное определение, – это первичность социального невербального поведения в понимании феномена речевого жанра» [1 : 9–10].

В ОАЛ, посмертной книге избранных трудов, естественно, представлены не только собственно жанроведческие идеи К. Ф., который был очень разносторонне одаренной, и, так сказать, разносторонне активной личностью.

Как я писал в послесловии к ОАЛ, составители имели все основания назвать книгу «*Курсом общей лингвистики*» (после долгих размышлений все-таки было решено сузить формулировку до «*Общая и антропоцентрическая лингвистика*»):

Логика самой жизни, творчества К. Ф. (как я ее вижу) приводит к абсолютно определенному

выводу: главным делом жизни К. Ф. должна была быть книга «Курс общей лингвистики», которая могла, по многим признакам, стать крупным событием в теоретической лингвистике. Увы, такую книгу К. Ф. не написал... Однако такая книга составлена нами – соратниками и учениками К. Ф. (переключка с соссюрским «Курсом...», конечно, не случайна). «Курс...» К. Ф. включает и модель членения лингвистики, и первоклассные идеи К. Ф. по отдельным ее разделам, выделяемым им же: коммуникативная / социологическая, когнитивная / психолингвистическая (в том числе – в связи с детской речью), художественная / кинотекст. К. Ф. не только наметил основные линии структурирования лингвистики, выделил разделы (это, в конце концов, не так уж трудно), но и очень многое сделал сам в рамках практически каждой из выделяемой им лингвистических дисциплин (пожалуй – за исключением структурной, так что обобщающая посмертная книга, по нашему мнению, точнее должна быть названа не «Курс общей лингвистики», а «Общая и антропоцентрическая лингвистика») (ОАЛ : 379).

Про отношения ОАЛ с «Курсом...» Ф. де Соссюра надо сказать особо.

С одной стороны, Соссюр, со своим лингвистическим редукционизмом, был главным «научным врагом» К. Ф., что прямо говорилось и в многочисленных полемических работах К. Ф., и в устных острополемических выступлениях, и в неофициальном общении «в кулуарах». Исключений, пожалуй, не было: доброго слова о Соссюре я не слышал от К. Ф. (и не читал) никогда.

Но, с другой стороны, обращают на себя внимание некоторые совпадения, которые по отдельности могли бы показаться надуманными и искусственными, но вместе производят довольно сильное впечатление: годы выхода книг – 1916 и 2016 (в этом году широко отмечалось столетие «Курса...» Соссюра); обе посмертные книги вышли спустя почти одинаковое количество лет после смерти их авторов (у Соссюра – 3, у К. Ф. – 5); К. Ф. умер в возрасте Соссюра; почти совпадают (со смещением на 3 года) даты жизни и смерти, приходящиеся на рубежи соответствующих веков (1857–1913 и 1954–2011); наконец, не «почти», а точно совпадает дата рождения – 26 ноября!

Добавлю к этому еще свое личное впечатление: есть сходство между книгами К. Ф. и Соссюра! Это впечатление появилось задолго до смерти К. Ф., и вначале я решительно не знал, как к нему относиться, склонен был считать своей ошибкой; никогда, насколько помню, не об-

суждал его с К. Ф. Зато потом, в общении с другими коллегами, уже после смерти К. Ф., это впечатление, как ни странно, получало неоднократное подтверждение.

Дело в том, что я люблю читать Соссюра. Это не значит, что со всем соглашаюсь: как раз наоборот, но несогласие рождает собственную мысль. За это, собственно, и люблю. И точно так же я отношусь к текстам К. Ф.! Таким образом, книги, статьи К. Ф., с моей точки зрения, ценны в коммуникативном отношении: будят мысль читателя, заставляют *творить* вместе с автором. А как следствие – часто довольно дискуссионны (в то же время, конечно, – вполне продуманны, убедительны). Плюс это или минус? С точки зрения самого К. Ф. (и моей), огромный плюс. Об этом, конечно, можно и поспорить...

В этой связи нельзя не сказать о «коммуникативных» качествах личности К. Ф., которые и отражались в текстах его работ, о том, как талантлив, интересен был К. Ф. в коммуникации, а жил – как писал: страстно, с неустанным интересом исследователя буквально ко всему, свои лингвистические, коммуникативные, персонологические классификации постоянно с энтузиазмом применял и проверял, поверял и отработывал на практике. На лекциях, приводя и комментируя примеры (прежде всего тоже из самого непосредственного повседневного общения, «живой жизни языка»), К. Ф. нередко говорил что-то вроде: «это грубая классификация, не научная, но она работает». «Не научная» в данном контексте означало: пока не научная: значит, К. Ф. занят разработкой соответствующей теоретической модели. А если уходили мысли о лингвистике – страдал, жаловался: заела текучка, *давно ни с кем не говорил о лингвистике* (ОАЛ : 372).

Возвращаясь к ОАЛ, следует подчеркнуть, что выход за рамки упомянутой «жанроведческой и речеведческой активности» К. Ф. делает его книгу не менее, а более ценной и для собственно жанроведения, ибо означает и более четкое представление о месте жанроведения в парадигме лингвистики (или, скорее, – во взаимодействии с нею), и уточнение целого ряда жанроведческих положений и методик через соотнесение их с другими возможными методиками, а также лингвистическими дисциплинами, через призму которых данные явления тоже могут и должны изучаться.

Поэтому здесь я хотел бы остановиться не только на собственно жанроведческой части ОАЛ, хотя и она сама по себе стала

бы достойным объектом самостоятельной большой рецензии – и не только в специализированном журнале по жанрам речи, но и в любом лингвистическом журнале.

В ОАЛ систематизированы главные направления научной деятельности К. Ф.: психолингвистика, теория дискурса, генристика, онтолингвистика, лингвоперсонология, прагматика художественного текста. Представлены как общие теоретические идеи К. Ф. о структуре и задачах лингвистической науки, так и исследования по отдельным направлениям антропоцентрической лингвистики на конкретном языковом и речевом материале: изучение авторского художественного текста и кинотекста, анализ детской речи, речевое портретирование, материалы к энциклопедии речевых жанров. Труды К. Ф., разбросанные по разным изданиям, не хронологически расположены в соответствии с логикой теории К. Ф., в результате получилась довольно стройная и целостная монография с оригинальным взглядом на очень актуальные проблемы современной лингвистики.

Как уже было сказано, коммуникативно-лингвистические идеи у К. Ф. всегда были неразрывно связаны с более общими, отсюда определялось место коммуникативной лингвистики в лингвистике в целом, выстраивалась **структура лингвистической науки**. Здесь К. Ф. оставил нам целый ряд глубоких и оригинальных идей, которые, думается, еще предстоит по-настоящему осмыслить.

ОАЛ открывается разделом «**Структура лингвистической науки**», представляющим авторскую концепцию **принципов членения лингвистики**, которые, по мнению ученого, должны определяться не внутрисистемными отношениями «кода», а потребностями и реальными формами человеческого общения и коммуникативного мышления: (1) лингвистика языка (изучение «языка-системы»), (2) лингвистика речи (то же, что коммуникативная лингвистика = социолингвистика с главным разделом – жанроведением), (3) психолингвистика (с примыкающей к ней когнитологией) и (4) лингвопоэтика.

Думается, что к достоинствам концепции К. Ф. следует отнести преодоление науковедческой традиции в лингвистике, идущей от Соссюра, – деление лингвистики на «внутреннюю» и «внешнюю». Теоретической основой такого преодоления у К. Ф. служит, во-первых, признание недостаточности описания «языка-системы», «языка-кода» для

объяснения значимых свойств собственно языка (в лингвистике второй половины XX века положение о недостаточности такого описания стало фактически общепринятым); во-вторых, – признание самого языка сложным коммуникативно-когнитивным феноменом, для понимания которого необходимо рассмотреть такие аспекты языка, как (1) «язык-система», (2) речь, (3) системное начало в общении / речи, а также (4) индивидуальное, коммуникативное и «поэтическое» мышление – выделение аспектов, по всей видимости, должно соответствовать настоящему членению лингвистики.

Главы и параграфы ОАЛ составили идеи / модели, которые уже приняты / успешно положены в основу целого ряда работ (типы языковых личностей, типы речевых жанров). Но они принципиально дополнены (возможно, это-то и есть главная составляющая именно концептуального, творческого наследия К. Ф.) актуальными идеями К. Ф., которые тоже еще только предстоит осмыслить настоящим образом – и которые лягут в основу будущих, очень важных и нужных исследований.

В качестве одного из главных здесь, по моему убеждению, должно быть названо понятие **кооперативного актуализатора / актуализаторского типа коммуникативного поведения**. Это одна из наиболее принципиальных лингвистических, речеведческих, персонологических, наконец, этических идей К. Ф., к сожалению, не получившая настоящего теоретического и практического развития в его работах. Данный тип определяется *установкой на интересы собеседника в коммуникации*: с одной стороны, является наиболее «высоким» в этическом, нравственном отношении, с другой – представляет высший уровень коммуникативной компетенции в строимой К. Ф. «вертикальной» лингвоперсонологической типологии (а значит – предполагаются и какие-то расширенные коммуникативно-речевые знания и умения, и специфические речевые и языковые средства и маркеры). Важно, что данный тип противопоставлен *конформному* (установка на интересы собеседника лишь внешняя, демонстрируемая), что определяет несущественность (а иногда и вред) для данного типа внешней изоционности речи, вообще заботы о форме речи, наконец... вежливости.

Возможно, именно из идеи актуализатора проистекает в научном творчестве К. Ф. тот факт, что очень многие его модели, оценка,

комментарий связаны с **этикой**: думаю, можно утверждать, что К. Ф. фактически была намечена в названном выше членении общей лингвистики **пятая часть: этическая лингвистика** (отсюда, собственно, и *суггестия*, и «*иррациональное в межличностном общении*»: названные установки личности не поддаются *рациональному* объяснению, их истоки кроются в глубинах сознания, определяемых *этикой* микро- и макро-этноса, коллективными ценностными ориентациями). В личном общении К. Ф. высказывал немало глубоко выстраданных соображений о христианском дискурсе, шире – своде христианских норм, правил, максим, доминант в общении. (Правда, практически ни строчки об этом не успел написать, насколько мне известно.)

Зато к этике относятся направления, в которых К. Ф. особенно активно работал в самое последнее время: **агрессия** как вид речевого воздействия, **манипуляция** как психологический и психолингвистический феномен, наконец, **зависть** как наиболее фатальное нарушение не только этики общения, но и психолингвистических механизмов понимания в целом.

Актуализаторский тип коммуникативного поведения – или, по крайней мере, стремление к нему – определял и многие не собственно научные, а самые что ни на есть жизненные позиции самого К. Ф. Так, например, К. Ф. резко критиковал (даже воспринимал как личную обиду) популярные ныне университетские курсы риторики – как имеющие целью не воспитание актуализатора, а «все-го лишь» повышение уровня коммуникативной компетентности обучаемого, что, будучи «вне этики», по мнению некоторых коллег-риторов, ничем по сути не отличается от умений грамотного успешного манипулятора.

Настоящую боль К. Ф. вызывала распространенность равнодушной, демонстрируемой *толерантности* как в науке, так и в жизни (точка зрения, очень отличающаяся от еще недавно модной «западнической»):

«На место горячих споров, конфликтных (в хорошем смысле этого слова) дискуссий пришла вялотекущая толерантность, где за плохо скрываемым неприятием чужого мнения просвечивает неприязнь к новым подходам и страх перед свежими идеями» (ОАЛ: 13).

С этим солидаризируется и В. М. Алпатов: «В последние десятилетия по миру распространился так называемый постмодернистский взгляд, отри-

цающий существование истины, в том числе научной, по сути, признающий право высказывать какие угодно взгляды. Вот что писал, например, в Интернете литературовед В. Руднев: “В конце XX в. труды Марра постепенно стали реабилитировать.... Это происходило при смене научных парадигм, при переходе от жесткой системы структурализма к мягким системам постструктурализма и постмодернизма, где каждой безумной теории находится свое место”. И справедливо осужденная К. Ф. Седовым равнодушная толерантность тесно связана с признанием равенства научно обоснованных и безумных теорий, с отвращением к поискам истины, рождаемой в спорах» [3 : 122].

Все отмеченные особенности научного подхода К. Ф. ярко проявлялись при изучении речевых жанров, и это, конечно, не могло не отразиться в ОАЛ.

В разделе «**Жанры речи**» представлены общие положения теории речевых жанров (социопрагматический аспект), а также материалы к энциклопедии речевых жанров: «Разговор», «Комплимент», «Анекдот».

Типологизаторская деятельность К. Ф. получила наиболее завершенное выражение в одной из наиболее разработанных и одновременно одной из наиболее востребованных в современном жанроведении классификаций жанров и смежных коммуникативно-речевых феноменов из околожанрового пространства языка и речи: имею в виду типологию речевых моделей, ранжированных по нарастанию абстрактности: субжанр (=внутрижанровая речевая стратегия) – жанр – гипержанр, с разработкой системы внутрижанровых стратегий для разных жанров и типов кооперативного и конфликтного речевого поведения.

Что касается классификации (точнее – классификаций) собственно РЖ, в них наиболее четко противопоставлялись, с одной стороны, жанры повседневного межличностного общения (где особенно интересовали К. Ф., особенно в последние годы его жизни, суггестивные жанры), с другой стороны – художественные жанры.

Последний раздел ОАЛ представляет хронологически, пожалуй, первый объект настоящего научного интереса К. Ф. – литературоведческий, точнее, искусствоведческий («**Художественный текст, кино-текст**»). Этой интереснейшей проблеме (точнее – целому ряду проблем) было отдано десятилетие творческой активности молодого К. Ф. в 1980-е гг., впоследствии он уже практически не обращался к данной теме (хотя и неоднократно планировал). Не-

сомненно, и его размышления на общетеоретические проблемы художественного текста («Прагмасемиотическая модель художественного текста»), и конкретные исследования авторского художественного текста и кинотекста (Ф. М. Достоевский «Записки из подполья», В. В. Ерофеев «Москва – Петушки», А. А. Тарковский «Жертвоприношение») также найдут сегодня своего заинтересованного читателя.

Не получившая настоящего развития в творчестве самого К. Ф. этическая составляющая дискурса и его жанров сейчас активно изучается в работах по экологии речи – см., например, журнал «Экология языка и коммуникативная практика», где К. Ф. является активно цитируемым автором.

Большинство авторов журнала сосредоточиваются на проблеме этико-речевая компетенции и соответствующие норм, во многих статьях журнала эта проблема прямо связывается с жанрами. Например, Б. Я. Шарифуллин говорит о РЖ и задачах ТРЖ в связи с «инвективизацией русского речевого общения», которую исследователь характеризует следующим образом: «это не только явление “само по себе” негативное, она имеет прямой выход на речевую реальность <...> в аспекте речеведения: всё большее распространение, и не только в “лихие 90-е”, в городской коммуникации получают самые разнообразны́е жанры инвективного общения» [4 : 74].

Особенно близка к данной речеведческой и жанроведческой концепции *анатомия жанров повседневного общения*, разрабатываемая К. Ф.: «<...> удачным, на наш взгляд, будет сравнение континуума бытовой коммуникации с живым телом, телом, которое живет, развивается, стареет и т.п. Причем если социальное бытие – плоть жанра, то словесное оформление типических ситуаций – это его кожа. Продолжая метафору, можно назвать предлагаемую типологию анатомией жанров повседневного общения, <где> первичные жанры можно отнести к нижнему, бытовому слою общего континуума повседневной коммуникации, к “житейской идеологии”. Такого типа жанрами следует считать *болтовню, ссору* и др. Жанры вторичные – это как бы верхний уровень речевого пространства. Они тяготеют к официальным и публичным видам коммуникации» (ОАЛ : 173).

Изучение речевых жанров в связи с языковым существованием и формированием коммуникативной компетенции языковой личности, которое обязано К. Ф. едва ли не своим существованием, получило отражение

в особом разделе ОАЛ, представляющем результаты многолетних исследований К. Ф. по **детской речи** (как известно, проблемам онтопсихолингвистики были посвящены и его кандидатская диссертация «Становление синтаксического строя устных спонтанных монологов (на материале детской речи)» (1987), и докторская «Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности» (1999)). В центре внимания оказывается экспериментальное исследование становления дискурсивного мышления ребенка: порождение дискурса, понимание дискурса, становление целостной структуры устного дискурса.

В разделе «**Языковая личность**» представлены общие принципы речевого портретирования, а также речевые портреты трех реальных людей. Это персонологическое исследование строится по схеме: на основе существующих в науке и разработанных автором параметров изображаются портреты трех языковых личностей; выясняются причины формирования типов речевого поведения путем создания проекции отличительных черт идиостилей на речевую биографию каждого из объектов изображения; выявленные особенности сравниваются с целью определения в самом общем виде универсальных тенденций становления коммуникативной компетенции.

Настоящее осмысление творческого наследия К. Ф. еще только начинается. Этому будут способствовать и уже вышедшие работы коллег К. Ф. о нем, и будущие книги избранных трудов самого К. Ф., которых – надеюсь, верю! – будет много. Ибо, как часто говорил и в соответствии с чем всегда жил К. Ф., «*хорошая научная идея (книга, статья, лекция) уменьшает количество зла на земле*».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 107 с.
2. Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.). Фрейдизм. М. : Лабиринт, 1993. 120 с.
3. Аллатов В. М. Лингвистика вчера и сегодня: Размышления над статьей К. Ф. Седова «Языкознание. Речеведение. Генристика» // Жанры речи. М.; Саратов : Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 109–122.

4. Шарифуллин Б. Я. Общая характеристика речевой ситуации в российском городе начала XXI века // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. С. 67–85.

REFERENCES

1. Dementyev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragsmaticheskiy aspekt teorii rechevyih zhanrov* [Sociopragmatic aspect of the speech genres theory]. Saratov, 1998. 107 p.

2. Voloshinov V. N. (Bakhtin M. M.). *Freydizm* [Freudianism]. Moscow, 1993. 120 p.

3. Alpatov V. M. *Lingvistika vchera i segod-*

naya: Razmyshleniya nad stat'ej K. F. Sedova «Yazykovedenie. Rechevedenie. Genristika» [Linguistics yesterday and today: Reflections on article by K. F. Sedov «Linguistics. Speech study. Genristics»]. *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost'* [Communication. Thinking. Personality]. Saratov, 2012, pp. 12–25.

4. Sharifullin B. Ya. *Obshchaya kharakteristika rechevoy situatsii v rossiyskom gorode nachala XXI veka* [General characteristics of speech situation in the Russian city in early XXI century]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. 2014, no. 1, pp. 67–85.

Статья поступила в редакцию 8.12.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Деметьев В. В. Что означает «вперед в изучении речевых жанров»? К выходу посмертной книги избранных трудов К. Ф. Седова (1954–2011) «Общая и антропоцентрическая лингвистика» // Жанры речи. 2016. №2. С. 123–129. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-123-129

FOR CITING

Dementyev V. V. What does “forward in the study of speech genres” mean? To the edition of a posthumous book of selected works by K. F. Sedov (1954–2011) «General and anthropocentric linguistics». *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 123–129. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-123-129 (in Russian).

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ЖАНРЫ РЕЧИ»

Международный журнал «Жанры речи» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств издателя.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся жанроведческой проблематикой. Поскольку журнал выходит два раза в год, мы ждем от потенциальных авторов статьи до 15 мая и 15 ноября каждого года.

Материалы присылаются в электронном варианте в виде приложения к письму-заявке с персональными данными (ФИО, место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон и электронный адрес). Каждая статья должна быть в отдельном файле.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, Web of Science и Scopus, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные **на русском и английском языках**.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

фамилия, имя, отчество автора полностью (указываются все авторы);

должность, звание, ученая степень;

полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы (если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора);

подразделение организации;

контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. ИНФОРМАЦИЯ О ГРАНТАХ, В РАМКАХ КОТОРЫХ ВЫПОЛНЕНА РАБОТА

6. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

УДК, ББК и/или ГРНТИ;

либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Требуемый шрифт – Times New Roman, размер: 14 pt – основной текст, 12 pt – список литературы, подрисуночные подписи, тексты таблиц и т.п., через 1 интервал, абзац 1,25 см, все поля по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать 10 страниц, включая примечания и литературу (не более 30 000 знаков с учетом пробелов).

Речевые иллюстрации набираются курсивом, выделения делаются жирным шрифтом.

Сноски следует давать в сквозной нумерации внизу страницы.

Ссылка на источник фактического материала оформляется следующими способами: (В. Пелевин. Желтая стрела), (АиФ. 2009. № 5.), (Первый канал. Вести. 07.08.2009), (<http://demotivators.to/p/759951/pes-tyi-moi-uspokoitelnyie-ne-videl.htm>).

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

В случае цитирования чужих фрагментов текста обязательно указание на источник.

Статья должна быть структурирована: включать введение и заключение; текст основной части статьи должен быть разбит на разделы.

Обращаем внимание авторов на то, что в журнале большая часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, **должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации**.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Поэтому каждая статья, публикуемая в журнале Жанры речи, должна иметь два пристатейных списка литературы: с оригинальными (русскими) названиями и латинскими. Латинская версия русского названия цитируемой публикации включает транслитерацию русского названия и перевод его же на английский язык.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется так: [1 : 25].

Нумерация в списке литературы идет не по алфавиту, а по мере появления в тексте: [1] – первая ссылка и т.д.

Образец оформления статьи:

УДК 81'27:811.161.1

ББК ТЗ(2)634-6-ТЗ(2)64-3

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Demytyev
Saratov, Russia

ЦЕННОСТНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В РОДСТВЕННЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

THE VALUE CHARACTERISTICS OF SPEECH GENRES IN RELATED LINGUOCULTURES

Аннотация. Исследование посвящено сопоставлению ценностных жанровых картин мира и входит в лингвокультурологическое направление языкознания, выявляющее лингвистический аспект культурно-обусловленного отношения к миру.

Коммуникация, которую структурируют жанры, есть важнейшая часть культуры, и жанры – ее формы – так же обусловлены субъективным, культурно-опосредованным ценностным взглядом на мир, как и культура в целом.

Жанровое своеобразие каждой культуры определяется набором жанров и содержательными характеристиками, которыми наделяется каждый жанр в данной культуре, их соотношением и оценочным отношением к ним.

Выявлены некоторые качественные различия в коммуникативном и речевом воплощении ключевых национальных концептов, отраженные как в структуре, так и в именах речевых жанров.

Ключевые слова: речевые жанры, коммуникация, культурные характеристики, оценочные системы.

Abstract. This article is devoted to comparing the value genre pictures of the world and is naturally a part of the contemporary Linguoculture field of Linguistics which researches the language aspect of the culture-valued view on the world.

Communication structured by genres is the fundamental part of the culture. Speech genres are viewed as basically value-making. Speech genres which are forms of communication as well as culture on the whole are marked by the cultural view on the world.

The genre identity of every culture is defined by the set of the speech genres and conceptual characteristics, which every genre gets within this or that culture, by genres' value correlation which is caused by the common culture-valued view on the whole world.

Essential differences in the communicative and speech genre embodiment of the national clue concepts which are reflected in the structure and the names of the speech genres have been discovered.

Key words: speech genres, communication, culture characteristics, value systems.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, 11 корп., к. 207.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Текст, текст, текст, текст, текст, текст,
текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст,
текст, текст, текст, текст, текст, текст...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным

вопросам языкознания. М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.

2. Мустайоки А. Жанры речи и риски коммуникативных неудач // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 120–141.

3. Кожина М. Н. Проблемы специфики и систем-

ности функциональных стилей речи : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. 253 с.

4. *Kaufers D. S. Ironia, forma interpretacyjna i teoria znaczenia // Archiwum przekładów Pamiętnika Literackiego / pod red. Michała Głowińskiego. Gdańsk : Słowo/obraz terytoria, 2002. S. 67–85.*

5. *Кантурова М. А. Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 26 с.*

6. *Горин С. В. Мотив воспоминания в ранней лирике К. Д. Бальмонта. URL: <http://balmontoved.ru/knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html> (дата обращения: 20.11.2013).*

REFERENCES

1. *Kibrik A. E. Oчерки по обшhim i prikladnym voprosam yazykoznanija [Essays on General and Applied Problems of Linguistics]. Moscow, 1992. 336 p.*

2. *Mustajoki A. Zhanry rechi i riski kommu-nikativnykh neudach [Speech genres and risks of communica-*

tive failures]. Zhanry rechi: sb. nauch. tr. [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 8. Saratov; Moscow, 2012, pp. 120–141.

3. *Kozhina M. N. Problema specifiki i sistemnosti funkcionalnyh stiley rechi [The specifics and system of functional speech styles. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970. 253 p.*

4. *Kaufers D. S. Irony, form of interpretation and the theory of meaning. Collection of translations Literary memoirs. Ed. by M. Głowiński. Gdańsk, 2002, pp. 67–85.*

5. *Kanturova M. A. Derivatsionnyye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov (na primere rechevogo zhanra kulinarного retsepta) [Derivational processes in the speech genres (for example, the speech genre of cooking recipe). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Novosibirsk, 2012. 26 p.*

6. *Gorin S. V. Motiv vospominaniya v rannej lirike K. D. Bal'monta (The motif of memories in the early lyric by K. D. Balmont). Available at: <http://balmontoved.ru/knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html> (accessed 20 November 2013).*

Обращаем внимание авторов на то, что **объем аннотации** к статье в Международном журнале принято делать больше, чем в российских изданиях: обычно он составляет около половины страницы текста.

На каждую поступившую в редакцию журнала статью назначаются два анонимных **рецензента** из числа российских и зарубежных докторов наук, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить проблемность, актуальность и оригинальность работы, научную качественность и язык, а затем сделать окончательное заключение о судьбе статьи (принять, принять с доработкой, отказать) и написать краткое обоснование / комментарий. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи. При этом редколлегия журнала ответственна за то, чтобы автор статьи **ни при каких обстоятельствах** не узнал имени рецензентов. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или не оформленные в соответствии с вышеперечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Оригинал-макет подготовлен *Н. Г. Шаповаловой*

—
Подписано в печать 19.12.2016
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс, Ариал. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,5 (16,6). Тираж 75 экз. Заказ № 26 - Т.

—
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-56513 от 24.12.2013 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

—
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.